

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

№ 12 (761) 2020

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075

Главный редактор
академик РАН А.М. ВАСИЛЬЕВ

Редакционная коллегия:

И.О. АБРАМОВА
В.Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ
Л.В. ГЕВЕЛИНГ
А.Б. ДАВИДСОН
А.В. ДЕНИСОВ
Р.Г. ЛАНДА
В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ
Д.В. МОСЯКОВ
С.В. ПРОЖОГИНА
О.И. ТЕТЕРИН
Л.Л. ФИТУНИ
Т.Л. ШАУМЯН
В.Г. ШУБИН

Международный
редакционный совет:

Б.А. АКИНТЕРИНВА
(Нигерия)
Х.Х.С. ВИШВАНАТАН (Индия)
М. НАСР АЛЬ-ГИБАЛИ
(Египет)
ЯН ГУАН (КНР)
Я.М. ИБН ДЖУНЕЙД
(Саудовская Аравия)
С.С. КУНАНБАЕВА
(Казахстан)
Ф.С. МУФАМАДИ (ЮАР)
У. РЕНО (США)

Над номером
работали:

А.В. ДЕНИСОВ,
ответственный секретарь
Т.С. ДЕНИСОВА
Е.А. ЛЬВОВ,
зав. редакцией
В.С. ОКУЛОВ
М.Е. ПЕТРОВА
О.И. ТЕТЕРИН, первый
зам. главного редактора
Оформление и верстка
Г.М. АБИШЕВА

Подписано в печать 26.11.2020. Формат 60x88 1/8. Уч.-изд. л. 10,0.

Тираж 350 экз. Цифровая печать. Заказ 1/12а. Цена свободная.

Оригинал-макет подготовлен в редакции.

Издатель: Российская академия наук.

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19 ООО «Интеграция: Образование и Наука».

105082, Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314.

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

CONTENTS

№ 12 (761) 2020

OUR PARTNER - RCSCAA

Alexander S. Dzasokhov. Solidarity ideas will take on new breath **4**

POLITICS, ECONOMICS

Leonid L. Fituni. Elites and transformational leadership in Africa: dialectics of internal and external (60th Anniversary of UN Declaration on Decolonisation) **7**

Alexey M. Vasiliev. Saudi society in labyrinth of cyberspace and electronic media **15**

Timur R. Khayrullin. Politicization of salafism in the Middle East and North Africa **19**

Alexander A. Aleshin. The United Kingdom's strategy In Sub-Saharan Africa after Brexit **27**

Nataliya A. Chesnokova. "Peaceful island" Jeju: political branding of the region and formation of its positive image **34**

Tatyana S. Denisova, Sergey V. Kostelyanets. Benin: political metamorphoses (on the occasion of the 60th anniversary of independence) **38**

Elena S. Melkumyan. Sultanate Oman and China - strategic cooperation **46**

Maria A. Guleva. Vocational education in China and prospects of it's development **51**

Gleb V. Toropchin (Novosibirsk), **Vladislav I. Terentyev** (Ulaanbaatar). Mongolia. Perspectives for the market of nuclear raw materials and technologies **58**

Elena A. Bragina. The small countries of Southern Africa: difficult advance **64**

POST-GRADUATE TRIBUNE

Ekaterina V. Shalupenko. «Indian Factor» in the Pakistan army research journal «Green Book» **71**

CULTURE, LITERATURE, ART

Anna A. Suvorova. Literary festivals in South Asia **76**

REVIEWS

Vladimir G. Shubin. Wars or revolutions? **78**

«Asia and Africa today» is a scientific monthly journal (in Russian) of the Russian Academy of Sciences. Published since July 1957.

The journal articles do not necessarily reflect the view of the Editorial Board.

Included in **Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.**
ISSN 0321-5075

Postal Address:
30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Тел.: +7 495 697 94 50. Tel./Fax: +7 495 691 02 70
E-mail: asaf-today@mail.ru
Website: www.asaf-today.ru

On the cover: Fishers on lake Inle, Myanmar (photo by Mikhail Vorobiev).

СОДЕРЖАНИЕ

№ 12 (761) 2020

НАШ ПАРТНЕР - РКССАА

Дзасохов А.С. Идеи солидарности обретут новое дыхание **4**

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Фитуни Л.Л. Элиты и трансформационное лидерство в Африке
(60 лет Декларации ООН о деколонизации) **7**

Васильев А.М. Саудовцы в лабиринте киберпространства и электронных СМИ **15**

Хайруллин Т.Р. Политизация салафизма на Ближнем Востоке и в Северной Африке **19**

Алешин А.А. Стратегия Великобритании в Африке южнее Сахары после Брекзита **27**

Чеснокова Н.А. «Мирный остров» Чеджудо: политическое брендинг региона
и формирование его положительного имиджа **34**

Денисова Т.С., Костелянец С.В. Бенин: политические метаморфозы
(к 60-летию независимости) **38**

Мелкумян Е.С. Султанат Оман - КНР: стратегическое партнерство **46**

Гулева М.А. Профессиональное образование в КНР и перспективы его развития **51**

Торопчин Г.В. (Новосибирск), **Терентьев В.И.** (Улан-Батор). Монголия.
Перспективы развития рынка ядерного сырья и технологий **58**

Брагина Е.А. Малые страны Южной Африки: трудное продвижение **64**

Трибуна соискателя

Шалупенко Е.В. «Индийский фактор» в пакистанском армейском журнале
«Green Book» **71**

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

Суворова А.А. Литературные фестивали в Южной Азии **76**

РЕЦЕНЗИИ

Шубин В.Г. Войны или революции? **78**

© Российская академия наук, 2020
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2020

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой
зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК.
Входит в Russian Science Citation Index
на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:
123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: +7 495 697 94 50
Тел./факс: +7 495 6910270
E-mail: asaf-today@mail.ru
Интернет: www.asaf-today.ru

*На первой полосе обложки: рыбаки на озере Инле,
Мьянма (фото М. Воробьева).*

НАШ ПАРТНЕР - РКССАА

ИДЕИ СОЛИДАРНОСТИ ОБРЕТУТ НОВОЕ ДЫХАНИЕ

А.С. ДЗАСОХОВ

Председатель Попечительского совета Российского комитета солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки, кандидат исторических наук, доктор политических наук

В декабре 2020 года исполняется 60 лет принятия Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Наша страна сыграла решающую роль в разработке и обеспечении принятия этого исторического документа.

Значение этой Декларации для судеб народов бывших колоний и полукolonий трудно переоценить. Она придала мощный морально-политический стимул и новое ускорение национально-освободительному движению, открыла завершающую фазу полного крушения колониальной системы. Если в период с 1943 по 1960 год государственной независимости добились всего 20 стран Азии и Африки, то с 1960 по 1975 год - около 50! Таких темпов деколонизации не знал XX век.

В ООН были образованы Специальный комитет по вопросу о ходе осуществления «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» (Комитет 24-х), Специальный комитет против апартеида, Специальный комитет по разработке международной конвенции против апартеида в спорте, Совет ООН по Намибии и другие международные учреждения.

В последующие годы Генеральная Ассамблея приняла ряд резолюций, направленных на международную легализацию всех крупных национально-освободительных движений: ОПП, АНК, ПАК, СВАПО, МПЛА, ФРЕЛИМО и других. Все они получили статус наблюдателя при ООН, предоставивший их представителям право участвовать в обсуждении интересующих их вопросов во всех органах ООН. Для оказания помощи признанным национально-освободительным движениям был создан ряд фондов.

К началу 1960-х годов был разоблачен миф о «неготовности» и «неспособности» угнетенных наций к самостоятельному правлению. Не оправдались мрачные прогнозы о том, что новые суверенные государства станут жертвами политического и экономического хаоса, внутренних смут и междоусобиц и вообще развала национальной государственности.

На фоне относительно уверенного движения освободившихся стран по пути новой жизни все более циничными казались суждения стратегов колониализма о том, что общий баланс колонизации в целом сводится с «активом для колоний», которые без иностранного господства были бы «жертвами голода, эпидемий, нищеты». При

этом сознательно умалчивалось о жестоких репрессиях, насилии над национальными и религиозными обычаями, попрании чести и достоинства людей, расхищении природных богатств угнетенных народов, о торможении развития производительных сил.

В ту пору одним из самых серьезных источников тревоги и беспокойства народов Азии и Африки, существенным фактором, омрачившим перспективы достижения и упрочения независимости, установления в этой зоне безопасного стабильного мира и атмосферы доверия и добрососедства, стали региональные конфликты.

Они были порождены, главным образом, внешними причинами, когда в годы холодной войны Азиатский и Африканский континенты оказались в эпицентре не только острого противоборства между колониализмом и национально-освободительным движением, но также и острой конфронтации между Востоком и Западом.

Не секрет, что принципиально различные политические и идеологические подходы двух сверхдержав - СССР и США - к развернувшемуся после Второй мировой войны национально-освободительному движению, как правило, служили отправной точкой для обострения противоборства, когда речь шла об антиколониальных выступлениях в тех или иных странах Азии и Африки.

Особое место в укреплении позиций на международной арене новых государств принадлежит Бандунгской конференции. Она была созвана по инициативе правительств Индии, Цейлона, Пакистана и Индонезии и проходила в Бандунге (Индонезия) с 18 по 24 апреля 1955 года. В ней приняли участие 29 стран Азии и Африки. Делегации возглавлялись премьер-министрами или министрами иностранных дел - очень высокий уровень для первого контакта такого рода.

Конференция тогда, в целом, поддержала политику мирного сосуществования, невмешательства во внутренние дела друг друга, а это как раз те принципы, которые лежали в основе набиравшего силу Движения солидарности народов Азии и Африки.

Провозглашенные в Бандунге десять принципов мирного сосуществования были фактически положены в основу Движения неприсоединения - крупнейшего межгосударственного политического объединения неприсоединившихся стран.

Политическую эстафету Бандунга приняли и подхватили общедемократические круги афро-азиатской общественности, чьи стремления и чаяния нашли отражение в образовании в декабре 1957 года Организации солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА), наиболее представительной постоянной неправительственной организации, охватывающей два континента.

Рождение этой организации под знаменем идей мира и солидарности было вызвано к жизни объективными потребностями нарастающего национально-освободительного движения, продиктовано насущными интересами единения и сплочения всех патриотических общественных сил в борьбе за достижение национально-государственного суверенитета народов Азии и Африки.

Огромную роль в становлении и развитии движения солидарности, укреплении ОСНАА сыграл Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, продолжателем которого является Российский комитет солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки (РКССАА).

Сегодня РКССАА стремится обновить «повестку дня России для Азии и Африки».

В эту «повестку дня» могут быть включены следующие компоненты:

- Россия не претендует на формирование властей в любой стране Азии и Африки.
- Россия готова поддерживать политически в рамках ООН и на любых иных международных форумах те идеи и предложения этих стран, которые помогут им идти дальше по пути развития.
- Россия видит в Африке огромный потенциал - Африка в XXI веке имеет шанс стать столь же динамично развивающимся регионом мира, как Китай в конце XX века.
- Россия готова предоставить этим странам свою помощь в экономическом и военном плане, как она спасла Сирию от разгрома. Вариант Ливии - это тот случай, когда Россия не вмешалась. Так что лучше, когда Россия вмешивается или не вмешивается? Ответ абсолютно ясный. Россия стала гарантом безопасности в Сирии, а теперь идут переговоры с ливийцами, чтобы Россия стала в числе гарантов безопасности и в Ливии.

Задача России - сохранить и поддерживать режим мира и безопасности в Азии. Россия не имеет безграничных сил и средств, чтобы помогать всем подряд, однако в критических точках мира Россия готова оказать важную помощь.

Вот так можно сформулировать некоторые тезисы относительно сегодняшней ситуации в от-

Встреча А.С. Дзасохова с Президентом Сирии Хафезом Асадом. Дамаск, 1987 г. Фото из личного архива.

ношениях по линии Россия - Восток. А теперь - мои оценки и размышления относительно конкретных возможных шагов и действий на этом направлении.

Первое. Настало время, когда Россия возвращается к своей исторической миссии. Что это означает? Это означает, что мы, Россия - евразийская страна, которая призвана самой географией, историей иметь отношения с Большим Востоком, который впитывает в себя не только понятие географическое, но и смысловое.

Второе. Россия набирает стратегическую высоту, оценивает и восстанавливает нанесенный ей политический и экономический ущерб от того отката в отношениях со странами Востока, что произошел после распада СССР, а затем сложного периода в России и в новых независимых странах - бывших республиках Советского Союза. Это отвечает нашим долговременным политическим интересам.

Третье. Мир как никогда взаимосвязан. Вы берете в руки мобильный телефон и звоните на другой полюс планеты; Вы смотрите на Землю внутренним взором как бы «со стороны Луны», и все связи, все взаимосвязи на планете представляются такими «зримыми» и понятными; Вы кладете деньги в московский банк, а пока в центре России ночь, эти деньги «работают» в тех банковских юрисдикциях, где в этот час светит солнце. Есть еще многие знаки и метки «нового века», века глобализации.

При этом в процессе глобализации возникли - это чистая диалектика - процессы контрреакции на имевшие место в последние десятилетия, особенно после крушения Советского Союза, попытки создать однополярный мир. Сейчас видно, что эти попытки оказались безуспешными.

Четвертое. Процесс глобализации в философском смысле слова пошел по парадигме диалектического развития, когда «действие порождает противодействие», проявляется «отрицание отрицаний» и т.д. Эта диалектика развития зримо представлена в сегодняшней жизни быстрым ростом альтернативных западным центров, которые объединяют многие мощные страны мира, которые предлагают иные пути развития, отбрасывая путь «однополярной» системы на Земле. Это и БРИКС - Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР. Это и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Недалек тот день, когда на просторах Азии возникнет прообраз Системы коллективной безопасности крупнейшего континента планеты. Можно напомнить, что среди «симпатизантов» ШОС есть немало стран, которые сотрудничают и, кто знает, возможно, хотели бы в будущем войти в основной состав.

Все эти тенденции демонстрируют тот факт, что во многих государствах Востока появляется интерес в переходе к многополярному миру, где будут серьезными центрами ШОС, и БРИКС, и Евразийский экономический союз. Все громче звучат там голоса, призывающие укреплять региональные экономические связи, в том числе и через двусторонние отношения.

Пятое. Представляется, что весь политический класс Российской Федерации - от парламентских партий до общественно-политических движений должен искать и находить в странах Востока своих партнеров, новых партнеров. Искать и находить ради развития многосторонних связей, благодаря которым станет прочнее та самая ткань международного сотрудничества, которую в нынешних условиях отсутствия государственной монополии на зарубежные связи надо максимально укреплять за счет установления новых партнерских отношений с самыми разными партиями и общественными организациями стран Востока во имя поиска и нахождения общих интересов и целей развития.

При этом в процессе установления этих связей не надо конкурировать. Поскольку пространства Востока огромны, пусть каждый заинтересованный в сотрудничестве найдет своих партнеров - на долгую перспективу и по направлению своих интересов.

Шестое. Следует активно поддерживать усилия по возрождению и обретению должной роли в Движении афро-азиатской солидарности Российского комитета солидарности со странами Азии и Африки как правопреемника такой организации в Советскую эпоху.

Седьмое. Время идет, проходят годы, десятилетия, но, если посмотреть на ту действительность, что развернулась перед нашими глазами, то можно констатировать, что Север и Юг (так в середине XX века начали с подачи бывшего канцлера ФРГ Вилли Брандта именовать страны развитые - «первого мира» и развивающиеся - «тре-

тьего мира»); «вторым миром» были страны социалистические) не выровнялись с точки зрения материальной жизни. Разрыв между ними еще больше увеличился. За это ли боролись и положили многие жизни своих лучших представителей стран, освободившихся от колониализма в XX веке? Век XXI, не сомневаюсь, даст достойный ответ на поставленный вопрос

Восьмое. Должен констатировать тот факт, что сегодня Движение неприсоединения (ДН) стоит на «запасном пути», оно существует, оно не исчезло, но на политической карте мировой политики о нем мало что слышно. Да, формально оно есть, и его ряды не покинуло ни одно государство. Но его задачи, его цели, его лозунги сегодня не слышны.

Полагаю, что задача сегодня состоит в том, чтобы лидеры ДН подошли к пониманию того, что по многим вопросам современной мировой политики и в плане поисков ответов на новые «вызовы» им пора взять на себя ответственность. Иначе их затронут те тенденции, о которых образно написал великий Эрнест Хемингуэй: «Не спрашивай, по ком звучит колокол - он звучит по тебе!».

Руководителям стран - участниц Движения неприсоединения надо бы ощутить, как и полвека назад, свою силу и вернуться к тем тревожным временам, когда имена и голоса их лидеров - Индиры Ганди, Гамалы Абдель Насера, И. Броз Тито, Кваме Нкрума, Леопольда Сенгора и десятков других лидеров - звучали решительно и убедительно. В конце концов, на планете Земля есть не только страны Запада с их присвоенным правом на «решающий голос».

В странах Востока, о которых мы сегодня ведем разговор, аккумулируются большие ресурсы, для того чтобы справиться с глобальными проблемами. Им бы поверить в свои силы и свои возможности. Власть печатного станка Федеральной резервной системы не вечна, а созидать народы Африки и Азии могут, если им не мешать, не хуже стран - бывших колонизаторов.

Вот так видятся некоторые важные проблемы развития отношений между Востоком и Россией, а также между Востоком и странами мира в намечающейся перспективе.

И нам, полагаю, надо очень пристально наблюдать за происходящими процессами и выстраивать свою новую политику в отношениях с Востоком, обогащая ее всем тем позитивом, что был проявлен в наших добрых и дружественных связях в период XX века.

Уверен, что важную роль в укреплении позитивных тенденций в современном мире сыграет движение солидарности.

Благородные цели движения будут не только содействовать укреплению суверенитета стран Азии и Африки, но и помогут вывести все глобальное развитие на путь плодотворного взаимодействия, укрепления подлинно демократических основ современного мироустройства.

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

DOI: 10.31857/S032150750012792-3

**ЭЛИТЫ И ТРАНСФОРМАЦИОННОЕ ЛИДЕРСТВО В АФРИКЕ
(60 лет Декларации ООН о деколонизации)**

© 2020 Л. ФИТУНИ

ФИТУНИ Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Африки РАН; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня (africa.institute@yandex.ru)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-014-00019 «Санкционное и регулятивное таргетирование национальных элит как инструмент глобального управления и международной конкуренции».

Резюме. Программный документ Африканского Союза, «Повестка 2063» провозглашает в качестве одной из целей развития, «утверждение на континенте дееспособных институтов и трансформационного лидерства». Последнее как политический феномен не исследовалось нашей африканистикой. Восполняя этот пробел, статья объясняет содержание и смысл феномена, показывает степень готовности африканских элит к выполнению подобной миссии и возможные ответные реакции африканского общества.

Ключевые слова: деколонизация, элиты, лидерство, санкции, цифровое таргетирование, дестабилизация, смена режимов

ELITES AND TRANSFORMATIONAL LEADERSHIP IN AFRICA: DIALECTICS OF INTERNAL AND EXTERNAL (60th Anniversary of UN Declaration on Decolonisation)

Leonid L. FITUNI, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences (RAS), Dr.Sc. (Economics), Professor; Deputy-Director, Institute for African Studies RAS; member, Editorial Board, "Aziya i Afrika segodnya" journal (africa.institute@yandex.ru)

Abstract. «Agenda 2063», the main policy document of the African Union (AU), posits: "We aspire that by 2063, Africa will have capable institutions and transformative leadership (TA) in place at all levels». As a political phenomenon TL has not yet been researched by Russian Africanists. To our knowledge, the current article is the first attempt to fill this gap. This paper explicates the essence of the phenomenon, shows the degree of real readiness of African elites to carry out such a mission and possible responses of African society. It reveals the role of external influences on the course of the process under consideration and its expected final results. The author researches the instrumentality of leadership policy as a tool for both developmental and manipulative ends. Leadership policy is seen as a tool for renewing and managing old elites. The experience of many African countries has shown that such pressure instruments as targeted Western sanctions and other regulatory instruments are gradually becoming less effective and do not lead to the expected rapid changes in the political orientation, policy lines or behavioral patterns of ruling elites.

The author argues that the significance of TL as of a real goal, tool or measure of success is greatly exaggerated. He insists that without dismissing the importance of personal example and the ability to inspire and captivate the masses, both are subjective factors that can only to a degree speed up or delay social, economic and political transformations, whose timeliness and success are determined by objective causes and conditions.

Keywords: decolonization, elites, counter-elites, leadership, sanctions, digital targeting, destabilization, regime change

В этом году, несмотря всю сложность ситуации с эпидемией COVID-19, многие страны и ряд международных организаций торжественно отметили 60-летние юбилеи «Года Африки» и принятия Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Ее инициатором был Советский Союз, считавший колониальные народы своими союзниками в борьбе с империализмом.

Сегодня, в эпоху активного переписывания истории, многие склонны замалчивать активные усилия ведущих стран Запада, пытавшихся, существенно замедлить процесс освобождения колониальных народов, на ограблении которых зиждилось благосостояние и образ жизни метропо-

лий. Дело дошло до того, что представители Запада начали поговаривать об ограничении притока в ООН новых возникающих государств [1].

Об этом сегодня предпочитают не вспоминать, но 14 декабря 1960 г., когда после острых дебатов и кулуарной борьбы Генеральная Ассамблея ООН подавляющим большинством голосов (90 - за; 0 - против) приняла резолюцию 1514 (XV), содержащую текст Декларации, 9 стран (США, Англия, Франция, Австралия, Бельгия, Португалия, Испания, Южно-Африканский Союз и Доминиканская Республика) при голосовании воздержались. Эти страны навсегда останутся в истории государствами, не поддержавшими остальной мир в вопросе деколонизации. Принятие Декларации

стало крупной исторической вехой в жизни и борьбе народов стран Азии, Африки и Латинской Америки, а для СССР, помимо этого, оно явилось важнейшей дипломатической победой.

«ЧЕРНАЯ ЭЛИТА» И ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ

Сколь бы велика и значима ни была помощь и поддержка Советского Союза и других прогрессивных сил мира, достижение независимости было невозможно без первостепенной роли собственных усилий народов Африки.

В середине XX в. целенаправленную и организованную борьбу с колонизаторами возглавили лидеры национального освобождения, ставшие во многих странах отцами нации. Почти все они были представителями африканских элит, получивших образование (разного уровня) и испытавшие сильное культурное и политическое влияние институтов и структур, созданных колонизаторами для управления покоренными народами.

В первой трети XX в., видя перспективу потери колоний, метрополии интенсифицируют усилия по формированию в Африке пусть тонкой, но надежной и влиятельной прослойки лояльных колониальных служащих и определенного числа квалифицированных кадров из местных жителей.

Если не останавливаться на отдельных более ранних очаговых исключениях, формирование относительно многочисленной африканской элиты нового типа, именовавшейся колонизаторами «цивилизованной», сильно ускорилось примерно с 1920-х гг. К этому времени уже довольно значительное число африканцев работали на вспомогательных (посыльный, уборщик, носильщик) и низших штатных должностях в колониальных администрациях: учителями, почтальонами, надсмотрщиками, служили в армии, полиции или других структурах, занимавшихся вопросами местного населения.

Во французских колониях с течением времени все большее их число включалось в систему государственной Колониальной службы Республики. В рамках британской системы «косвенного колониального управления», наряду с имперскими, для африканцев существовали параллельные «туземные» институты власти, пусть и с урезанными полномочиями - судебные, полицейские и проч. органы, имевшие дело с коренным населением, а значит, были свои судьи, «министры», учителя и т.д. С поправкой на местные особенности схожие тенденции в большей или меньшей степени были характерны для бельгийских и португальских колоний.

Кроме того, во всех колониях росло число африканцев, чье благосостояние основывалось на

включенности в системы функционирования колониальных экономик и обслуживании европейских колонистов и администраций - от торговцев-перекупщиков крестьянской продукции до хозяев ресторанов и увеселительных заведений для белых. Дети этой части населения нередко получали европейское образование доступного родителям уровня. Некоторые из них учились непосредственно в метрополиях. Многие обучались грамоте и началам «европейских» наук благодаря деятельности религиозных миссий и благотворительных организаций.

Именно из среды таких более образованных и тесно контактирующих с колонизаторами африканцев и выйдут, ставшие впоследствии легендами, лидеры национально-освободительной борьбы, первые руководители стран континента, сбросивших колониальное иго.

Биографии лидеров африканских государств, ставших независимыми в год принятия Декларации о деколонизации или возглавивших свои страны 2-3 годами ранее, во многом схожи. За редким исключением они происходили из состоятельных или явно не бедствующих африканских семей, начинали учебу в религиозных школах. Те, кто получил высшее образование, учился в метрополиях. В дальнейшем практически все были служащими колониальных структур, во время работы в которых они оказались активно вовлечены в политику, а затем, в основном благодаря выдающимся личным лидерским качествам, оказались во главе своих стран.

Те из них, кто удержался у власти, заложили основу будущих правящих элит независимых африканских государств. Все лидеры освобождения являлись представителями образованной и национально настроенной части африканской элиты. В советское время их называли революционными демократами. И если революционности хватало даже в самых консервативных из них, то, как показало постколониальное развитие их стран, демократами их следовало именовать с большой степенью условности.

ЛИДЕРЫ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Большинство из лидеров, возглавивших страны в 1960 г., ввели в них однопартийные системы. Многие долго оставались у власти, покинув свои посты лишь в результате госпереворотов (см. *табл.*).

Первый военный переворот в современной истории независимых африканских государств к югу от Сахары произошел в ночь с 12 на 13 января 1963 г. в Того. Он был организован группой военных во главе с сержантом Э.Эйадема, кото-

Таблица

Африканские лидеры, пришедшие к власти в Год Африки

Страна	Президент / премьер министр (п-м)	Одно-партийность	Покинул пост в	Причина ухода	Лет у власти
БСК (Кот-д'Ивуар)	Уфуэ-Буањи	де-факто да	1993	умер на посту	33
Верхняя Вольта (Буркина Фасо)	М. Ямеого	да	1966	отставка под давлением протестов	5,5
Габон	Л. Мба	нет	1967	умер от рака	7
Дагомья (Бенин)	Ю.Мага (в 1970-1972 - председатель Президентского Совета)	нет	1963; повторно у власти 1970-1972	1963 - переворот; 1972 - плановая ротация в Президентском совете	суммарно – 5 лет
Камерун	А. Ахиджо	да	1982	отставка «по состоянию здоровья»	22,5
Конго (ДРК)	П. Лумумба (п-м)	нет	1960	мятеж, пленен, убит	менее 0,5
Мавритания	М. ульд Дада	да	1978	переворот	17,5
Мадагаскар	Ф. Циранана	нет	1972	отставка	12
Мали	М.Кейта	да	1968	переворот	8
Нигер	А. Диори	да.	1974	переворот	13,5
Нигерия	А. Балева (п-м)	нет	1966	переворот, убит	5
Респ. Конго	Ф. Юлу	нет	1963	переворот	3
Сенегал	Л. Сенгор	да (до 1966)	1980	отставка	19,5
Сомали	Аден Даар	нет	1967	поражение на выборах	7
Того	С. Олимпио	нет	1963	переворот, убит	3
ЦАР	Д. Дако	да	1966; повторно 1979-1981	оба раза - перевороты	суммарно ок. 8 лет
Чад	Ф. Томбалбай	да	1975	переворот, убит	14,5

Составлено автором.

рый лично убил президента С.Олимпио. Позже (в 1967-2005 гг.). Э.Эйадема сам станет президентом страны. В 1967 г. потерпевший поражение на выборах президент Сомали А.Даар стал первым африканским лидером, мирно уступившим свой пост в рамках демократического процесса.

1960-е годы стали в Африке периодом начала государственного строительства, глубоких экономических преобразований. На этом пути при всех трудностях и противодействии неокolonизаторов были достигнуты зримые успехи, выразившиеся в умеренно высоких (3-3,5%) темпах прироста ВВП и впечатляющих достижениях в области охвата населения услугами здравоохранения и начального образования.

Последующие десятилетия ознаменовались утверждением национальной государственности для абсолютного большинства стран континента, хотя не раз отдельные из них назывались «несо-

стоявшимися» (*failed*) или «хрупкими» (*fragile*). Но, в целом, это были достаточно трудные годы с серьезными проблемами в экономике, ростом внешней задолженности, частыми вооруженными конфликтами и переворотами, все более обостряющимися социальными проблемами. С нарастанием вала внутренних и внешних проблем правящие элиты постоянно сталкивались с проявлениями недовольства различных групп общества, которое стало социально более сложным и образованным.

Закрепившиеся во власти некогда пассионарные вожди деколонизации постепенно оказались окруженными замкнутой правящей элитой, живущей собственной, отличной от народа жизнью, пропитанной коррупцией, не желающей тратить усилия ни на что, кроме себя самой.

В чем причина такой метаморфозы? Политически ангажированные и просто поверхностные

публикации зачастую сводят суть проблемы к отдельным личностям, стоящим во главе африканской страны, - «коррупцированным тиранам, диктаторам, людоедам и параноикам». Обязательный набор посвященных им «расследований» включает, подобно бендеровскому «Незаменимому пособию для сочинения юбилейных статей и табельных фельетонов» [2, с. 589], такие элементы, как тайные счета, убитые противники, секретные тюрьмы, политические заключенные, роскошные дворцы и золотые унитазаы. Никого не смущает, что весь этот набор, в том или ином виде или сочетаниях, присутствует в самых, что ни на есть, ведущих демократиях мира и без особого труда применим к немалому числу их номинальных и фактических правителей.

Как представляется, куда важнее личностных характеристик те реалии, в которых формируются и существуют африканские элиты. Начиная с 1960-1970-х гг., доступ к образованию в африканских странах расширился. Росло число претендентов на чиновничьи должности. Одновременно происходил численный рост и дифференциация внутри элиты. Более четкими стали контуры ее отдельных отрядов: политической, военной, деловой, культурной элит. При этом, естественно, жестких границ между последними не существовало, тем более что, порой, одно и то же лицо соединяло в себе все четыре качества.

При численном росте претендентов на более высокие позиции в обществе большой проблемой для омоложения элит и даже простых кадровых ротаций становятся демографические и социальные особенности современной Африки. Число людей, претендующих на попадание в привилегированные слои общества быстро растет из-за высоких темпов рождаемости, большой доли молодежи в общем составе населения и успехов в реализации целей устойчивого развития, включая доступность и качество образования, гендерное равенство, физическую и социальную мобильность и т.д.

Достижения в увеличении продолжительности жизни, медицине и поддержании здоровья объективно содействуют сохранению активного долголетия действующих представителей элит. Так, в Камеруне, обретшем независимость в Год Африки, за последующие 60 лет президент менялся только один раз, в 1982 г. Тем не менее, на протяжении этого периода, в сравнении с другими странами Субсахарской Африки, республика показывала неплохие темпы экономического роста и политическую стабильность, столь неожиданную в чрезвычайно сложных объективных условиях ее развития (различия между мусульманским севером и христианским югом, франко- и англофон-

ными частями страны, инфильтрация банд «Боко Харам» из соседней Нигерии и т.д.).

В то же время следует помнить, что африканские элиты никогда не были тотально вестернизированными. Даже в области образования и квалификационного формирования национальных элит большое влияние сохраняют традиционалистские подходы и нормы. Жесткая дихотомия «современность/традиционность» не годится для анализа элит Африки. В жизни их реальная легитимность, какой бы она ни была, в основе своей проистекает из их способности кормить ту базу/клиентуру (клановую, родоплеменную, этническую, религиозную, классовую и т.п.), на которой зиждется их власть.

И в этом еще одна причина, по которой политическим элитам Африки бывает крайне сложно добиться всеобщей, универсальной электоральной базы и легитимности. Эта же черта делает африканские политические системы уязвимыми для внешних воздействий или манипулятивных влияний. Последние могут осуществляться как через подрыв позиций правящей верхушки и создания угроз благосостоянию политических элит, так и через «конструктивное сотрудничество» с ними путем обеспечения устойчивости их положения в шатких и угрожаемых ситуациях. Во многих случаях внешнее воздействие реализуется посредством введения внешними игроками санкций либо против отдельных лиц, либо широких слоев элит, либо против страны, в целом.

В условиях, когда широкая общенациональная поддержка для примерно равновесных соперничающих групп элит невозможна, более вероятно выдвижение на передний план конкретных лидеров - одного или нескольких, формальных и неформальных. В обоих случаях возможна их иерархическая (руководящий совет и подчиненные им «группенфюреры») или сетевая организация, которую на начальных этапах функционирования ошибочно называют «безлидерной технологией». При этом, по крайней мере, в Африке, смена лидера в большинстве случаев кардинальным образом существующих в стране проблем не решает. Опыт показывает, что, порой, ситуация становится только хуже.

ЛИДЕРЫ «ПРОТИВ» ЭЛИТЫ

Говоря о лидерстве, приходится констатировать, что в общем корпусе западной политической литературы, анализирующей тренды и особенности развития «недемократических» стран - постсоветских и развивающихся, включая и африканские, заметен, в общем-то, и не скрываемый перекос в сторону персонификации причин и основа-

ний для тех или иных явлений социально-экономической жизни.

Виновниками снижения жизненного уровня, инфляции, коррупции, репрессий, разработки оружия и распространения болезней называются конкретные государственные лидеры. Однако подобная увязка весьма избирательна и не применяется ко всем странам одинаково. Те же самые явления на Западе, как правило, трактуются как объективные процессы, проистекающие из складывающегося комплекса внешних и внутренних причин.

Логическим следствием тренда к персонификации стала нездоровая увлеченность концептом лидерства как важным инструментом социального конструирования и управления общественным развитием. В этой связи выделение из среды элит лидеров в качестве узлового звена трансляции внешнего воздействия имеет огромные социально-политические последствия, поскольку превращается в осмысленную «политику лидерства».

На рубеже XX и XXI вв. в условиях победного шествия глобализации и глобального управления начался целенаправленный перевод политического развития в сторону разрушения суверенитета наций и передачи ряда контрольных функций наднациональным структурам, формирование которых не осуществляется демократическим и прозрачным способом. Этот процесс предполагает разрушение старых системообразующих организационных начал. Ломаются ключевые идентификаторы национальной государственности: легко меняются границы и внешние атрибуты прежней национальной государственности (флаг, герб, символика), внутри стран перетасовываются социальные структуры и стратификация обществ, делегитимизируются элиты.

Политическое лидерство в этих условиях является удобным инструментом для аргументации в пользу социально-экономического трансформирования («плохой засидевшийся лидер») и в пользу конкретных новых акторов («честные новые лица»). В этих условиях новизна сама по себе становится меритократической характеристикой. Еще ничего не сделавший новый лидер хорош уже в силу того, что он *новый*, и его удалось привести к власти.

Этот момент характерен не только для Африки. Ярким примером может служить присуждение в 2009 г. впервые избранному и на тот момент даже не прошедшему инаугурации новому президенту США Б.Обаме Нобелевской премии мира. Эта манипуляция сразу перевела пока ничего не сделавшего новоиспеченного победителя на выборах из дебютантов в международных делах в ко-

гортю получивших признание «выдающихся лидеров мировой политики».

ЛИДЕРСТВО КАК ПОЛИТТЕХНОЛОГИЯ

Политика лидерства рассматривается как инструмент обновления старых элит и управления ими. Практика многих африканских стран показала, что такие орудия давления, как таргетированные санкции Запада и другие регуляторные инструменты, постепенно становятся менее эффективными и не приводят к ожидаемо быстрым изменениям курса правящих властей. В условиях многополярности у африканских властей вновь, как и в годы Холодной войны, появляется больше простора для маневрирования между соперничающими державами, а эффект от односторонних санкций резко снижается, хотя и не исчезает вовсе.

В современной реинкарнации колониальной политики возвращения лояльных «черных элит» действующую власть в таргетируемых африканских странах пытаются сменить на «лидеров, воспитанных по-новому, имеющих современные взгляды и лучше понимающих реальные проблемы страны» [3, р. 2]. Этим лидерам отводится роль консервного ножа, вспарывающего металлическую упаковку законсервированного продукта. Такой инструмент должен иметь правильную форму, степень жесткости и остроту. Важная роль в этой связи отводится «затачиванию» новых лидеров под заданные цели.

В Африке, но чаще за рубежом, для африканской молодежи создаются школы лидерства, проводятся семинары, тренинги. Зачастую такие воспитательно-образовательные структуры не выносят политические задачи в анонсы своего целеполагания, а подводят к ним исподволь в ходе занятий. Номинально же они позиционируются как курсы совершенствования языковой подготовки, лагеря экологов, семинары журналистского мастерства, чемпионаты компьютерщиков. Их глубинную связь, однако, выдает почти неизменная добавка - «школа (программа, курсы) лидеров». США, страны ЕС, Великобритания тратят на них значительные государственные средства, ассигнуемые либо напрямую, либо через общественные/неправительственные организации-прокладки. Во всех них политическая индоктринация - иногда открытая, порой завуалированная - является неотъемлемой частью.

Например, в США программы лидерства входят в зону ответственности Госдепартамента, где ими занимается Бюро по делам в области образования и культуры. В рамках последнего существует специальное Подразделение молодежных про-

грамм (*Youth Programs Division*), задача которого - «соединить с американцами нынешних и возникающих лидеров из зарубежных стран, с тем, чтобы создать прочные связи и сети, обеспечивающие безопасность и процветание Соединенных Штатов, а для иностранных визитеров открывающие новые перспективы». В 2019 г. в рамках публичной дипломатии Госдеп осуществлял 90 программ обмена, в которых участвовали 55 тыс. человек, «некоторые из которых с большой вероятностью станут или являются уже сейчас политическими и экономическими лидерами» [3, р. 2].

В 2019 г. в рамках публичной дипломатии Госдеп осуществлял 90 программ обмена, в которых участвовали 55 тыс. человек, «некоторые из которых с большой вероятностью станут или являются уже сейчас политическими и экономическими лидерами» [3, р. 2]. К началу 2019 г. за все время существования программ лидерства (с 1949 г.) 589 их выпускников стали главами государств или правительств в различных странах мира, более 1800 чел. в своих странах занимали или занимают сейчас пост министра. Из аккредитованных ныне в США послов иностранных государств 26 - выпускники американских программ обменов [3, р. 36].

Финансируемая США Инициатива «Молодые африканские лидеры» (*YALI*) ориентирована на вовлечение и поддержку «поднимающегося поколения лидеров гражданского общества, госслужбы и бизнеса. Главной адресной аудиторией в Африке являются молодежь, женщины, представители выборных органов, предприниматели, работники традиционных и социальных СМИ, учителя, ученые, а также мозговые центры (*think-tanks*) и члены маргинализованных групп» [3, р. 57].

Программы подготовки лидеров для Африки имеют все бывшие колониальные метрополии. В итальянском Милане работает *Emerging African Innovation Leaders Programme* [6]. В 2018 г. Британский Совет запустил на континенте молодежную программу «*English Connects*» - инновационный инструмент «мягкой силы», цель которого «с помощью английского языка связать с Великобританией 2,5 млн молодых африканцев и будущих лидеров» из Кот-д'Ивуара, Мали, Сенегала, Анголы, Камеруна, Джибути, Габона, Гвинеи (Конакри), ДРК, Нигера [4, р. 27]. Париж ведет «Программу молодых франко-африканских лидеров 2020 г.» для лиц от 28 до 40 лет [5].

Часть выпускников таких программ и школ со временем вливаются у себя на родине в ряды национальных политических элит, другие становятся неформальными лидерами и предпочитают

путь оппонирования и противодействия существующей власти. Особенностью нашего времени является превращение неформальных лидеров в контр-элиты - особую узкую прослойку общества, объединенную сходными групповыми интересами и занимающую, несмотря на нелояльность к властям, определенное и, по-своему, привилегированное место в социальной иерархии.

Неформальные лидеры в большинстве случаев радикально настроены по отношению к существующим формально демократическим институтам общества и власти. Они целеустремленно пытаются встать на место руководства, нередко дезорганизуя стандартные демократические процессы, такие, как выборы, не принимая никаких иных результатов, кроме собственной победы.

В Африке, только за период с 2000 г. проигравшей стороной, ссылавшейся на имевшие место подтасовки и манипуляции, не были признаны результаты президентских выборов - в Алжире (2009, 2014), Бурунди (2015), Габоне (2016), Джибути (2016), Замбии (2015), Камеруне (2004, 2011, 2018), Кот-д'Ивуаре (2010), Мавритании (2014), Республике Конго (2016), Руанде (2003, 2010, 2017), Того, (2015), Чаде (2016), Экваториальной Гвинее (2009, 2016). И всеобщих (парламентских) выборов - в Бурунди (2015), Гвинее (2013), ДРК (2018), Замбии (2016), Зимбабве (2008, 2013), Кении (2007, 2013) Кот-Д'Ивуаре (2011), Ливии (2014), Маврикии (2019) Мавритании (2013), Малави (2014, 2019), Нигерии (2007), Танзании (2015), Судане (2015), Уганде (2006, 2011, 2016) Эфиопии (2005, 2010, 2015)¹.

СРЕДСТВО ИЛИ ЦЕЛЬ?

Африканский Союз и другие панафриканские организации не остались в стороне от модного глобального тренда к признанию возрастания направляющей, спланивающей и руководящей роли лидеров (речь не только об индивидуумах, но и о группах лиц, объединенных общей целью) в достижении желаемых результатов.

Вызов со стороны неформальных лидеров подталкивает властную политическую элиту совершенствовать свои лидерские качества и активней браться за насущные проблемы. Это понимание ныне распространилось на властные элиты всех членов АС. Коллективные решения участников всеафриканских саммитов требуют от руководства стран континента лидерства в преобразовании африканских обществ. Это не абстрактный призыв, а программное требование, причем сформулированное достаточно конкрет-

¹ Подсчитано автором.

но и технологично (на наш взгляд, даже излишне политтехнологично, но недостаточно научно обоснованно).

Главный программный документ АС «Повестка 2063» провозглашает в качестве одной из 20 фундаментальных целей развития Африки, «утверждение на континенте дееспособных институтов и трансформационного лидерства» (ТЛ).

Несмотря на наличие в России глубоких исследований по политическому лидерству в Африке [см.: 7; 8; 9], ТЛ как институционально важный аспект, избранный АС в качестве ключа к решению фундаментальных проблем континента, оставалось вне зоны внимания.

Под ТЛ в документах АС понимается лидерство, которое приводит к позитивным радикальным изменениям. Панафриканские структуры исходят из того, что именно оно будет способствовать повсеместному и очевидному улучшению жизни людей, что выразится в росте доходов, увеличении продолжительности жизни, всеобъемлющих системах социальной защиты и всеобщем доступе к базовым услугам [10, р. v].

Термином «трансформационное лидерство» в социальной психологии обозначают одну из моделей общественного влияния, при которой лидер, вдохновляя своим примером других членов группы (сообщества), обретает их поддержку и побуждает к увеличению усилий для достижения цели.

Методики трансформационного лидерства широко используются в организационном менеджменте и бизнесе, хотя, строго говоря, объективно измерить их эффективность сложно. Считается, что ТЛ усиливает мотивацию, поднимает моральный дух и увеличивает производительность. Однако вычленив во всех этих положительных моментах вклад именно ТЛ, отделив его от множества других факторов человеческих и производственных отношений, вряд ли возможно - в первую очередь, в силу субъективности самой оценки роли трансформационного лидерства (измеряется путем т.н. мультифакторных опросов).

Скорее всего, упор именно на этот, а не какой-то другой тип лидерства (например, на т.н. *транзакционное*) в документах Африканского Союза - следствие влияния «прогрессистских» подходов, а может быть, личных предпочтений экспертов и советников из различных международных организаций, институтов глобального управления и западных аналитических центров, которые внесли большой вклад в разработку подготовительных и обосновывающих материалов (*background notes*), прежде чем Ассамблея АС приняла «Повестку 2063».

Афросоюз подчеркивает важность «разработки и убедительного донесения до аудитории про-

граммы успеха» в отдаленном будущем, создания разнообразных вспомогательных институтов и получения скорых видимых результатов для стимулирования объектов трансформирования. Кроме того, сами лидеры должны вдохновлять и мобилизовать население, использовать лучшие технические возможности для осуществления программы преобразований и формировать политические коалиции, необходимые для обеспечения устойчивого развития. ТЛ планируется реализовать «во всех областях и на всех уровнях: политике, бизнесе, промышленности, науке, религии, вождестве, культуре, здравоохранении и других» [11, р. 139].

Конкретно, план первого десятилетия реализации «Повестки 2063» предусматривает достижение следующих показателей как мерил осуществления трансформационного лидерства:

«На национальном уровне -

1. По меньшей мере, 70% населения будут считать, что государственная служба является профессиональной, эффективной, отзывчивой, подотчетной, беспристрастной и свободной от коррупции;

2. По меньшей мере, 70% населения признают актуальность и хорошее функционирование законодательной власти как ключевого компонента демократии.

На общеконтинентальном уровне -

1. По меньшей мере, 70% государств-членов на деле придерживаются положений Африканской хартии ценностей и принципов государственного управления;

2. По меньшей мере, 70% государств-членов осуществляют Конвенцию АС о предупреждении коррупции и борьбе с ней» [11, р. 76].

На наш взгляд, постановка разработчиками таких контрольных показателей свидетельствует, в значительной степени, о неясном характере самой конечной цели. Заданные результаты должны быть достигнуты к концу 2023 г.

Кто и как будет их измерять? Выборочные опросы общественного мнения слишком ненадежный и легко манипулируемый инструмент. Да и сами индикаторы выглядят крайне завышенными даже для развитых государств с налаженной системой функционирования чиновничьего аппарата и служб.

Наше мнение подтверждается данными текущего мониторинга выполнения установок и целей «Повестки 2063». Вышедший в начале 2020 г. Первый доклад о реализации целей первого десятилетия «Повестки» констатирует, что государства-члены Афросоюза предпринимали усилия по укреплению институтов и совершенствованию руководства с целью сделать государственные

службы более профессиональными, эффективными, подотчетными, беспристрастными и свободными от коррупции.

Однако, согласно разработанным АС методикам количественной оценки эффективности этой работы, общая совокупная оценка результативности всей этой деятельности в 2019 году составила лишь 4% от целевого значения. Из 20 контролируемых целевых показателей «Повестки 2063» этот результат по степени успешности выполнения находится на предпоследнем месте (хуже дела обстоят только с повышением продуктивности сельского хозяйства, где уровень выполнения - 2%) [12, pp. 17, 23].

Сам замер этого показателя оказался трудно-выполнимым и свелся, в конечном итоге, к оценкам (тоже довольно субъективным) частоты коррупционных проявлений при контактах с чиновниками. Путем опросов замерялась доля лиц, имевших хотя бы один контакт с государственным должностным лицом и дававших взятку государственному должностному лицу или получавших от этих государственных должностных лиц взятку в течение предыдущих 12 месяцев.

В ряде стран имел место резкий рост показателя. Так, в Буркина Фасо он возрос с 38% до 41%. Но были и исключения: например, в Бенине эта доля снизилась с 4,3% до 2,5%, а в Гане - с 31,6% до 29,9%. Снижение также наблюдалось и в Руанде - с 81,9% до 75,5%.

Однако итоги все равно хуже принятых на 2019 г. страновых целевых показателей. Чрезвычайно сильный (на порядок) разброс переменных у соседних стран, населенных одними и теми же или близ-

кородственными народами, также заставляет усомниться в достоверности измерений [12, p. 17].

В конечном итоге, весь мониторинг свелся к подсчету случаев взяточничества. Данных, касающихся более фундаментальных вопросов (удовлетворенность работой законодательной власти, выполнение общеафриканских задач) не приводится вовсе.

На наш взгляд, это косвенно свидетельствует о переоцененности трансформационного лидерства как реальной цели, инструмента или мерила успеха. Не списывая со счетов важность личного примера и способности воодушевить и увлечь за собой массы, напомним, что и то, и другое - лишь субъективные факторы, способные несколько ускорить или задержать социальные, экономические и политические трансформации, своевременность и успешность которых определяется объективными причинами и условиями.

Не только в Африке, но и во многих других регионах мира надуманные характеристики и количественные показатели принудительно провозглашаются в качестве мерила успеха на критически важных для страны направлениях. На деле они - лишь вторичный внешний атрибут, мало влияющий на содержательную сторону вопроса и реальные нужды. На обеспечение искусственно назначенных «критическими» показателей направляется внимание широких масс людей, затрачиваются немалые усилия, которые, возможно, полезней было бы направить на более насущные задачи, но требуемые качественные результаты так и остаются не достигнутыми. Воистину: «движение все, конечная цель - ничто!» И это не только африканская реальность.

Список литературы / References

1. Правда, 24.09.1960. С. 2. (Pravda, Moscow. 24.09.1960) (In Russ.)
2. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М., 1956. 656 с. (Ilf I., Petrov E. Golden Calf. Moscow, 1956) (In Russ.)
3. U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. 2019 comprehensive annual report on public diplomacy & international broadcasting: Focus on FY 2018 budget data. Washington, DC. 2019. 266 p.
4. HM Government. National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. 3d Annual Report. July 2019. London. 59 p.
5. Programme des jeunes leaders franco-africains 2020 pour les jeunes africains. <https://www.opportunitiesforafricans.com/french-african-young-leaders-program-2020/> (accessed 20.09.2020)
6. Fully-funded program for African Leaders in Milan, Italy. <https://www.marj3.com/en/fully-funded-program-for-african-leaders-in-milan-italy.html> (accessed 20.09.2020)
7. Денисова Т.С. Тропическая Африка: эволюция политического лидерства. М., ИАФР РАН, 2016. 596 с. (Denisova T.S. 2016. Tropical Africa: the evolution of political leadership. Moscow) (In Russ.)
8. Прокопенко Л.Я. Имидж политических лидеров и партий в избирательных кампаниях. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 2 (33), с. 10-34. (Prokopenko L. 2015. Image of political leaders and parties in election campaigns. *Journal of the Institute for African Studies*. № 2 (33)) (In Russ.)
9. Прокопенко Л.Я. Молодое поколение лидеров в контексте ротации политических элит. *Молодежь в политической и социокультурной жизни Африки*. М., 2019, с. 203-227. (Prokopenko L. 2019. The young generation of leaders in the context of the rotation of political elites. *Youth in the political and socio-cultural life of Africa*. Moscow) (In Russ.)
10. ACBF Africa Capacity Report 2019. Harare. 2019. 276 p.
11. AU Agenda 2063. First 10 Years Implementation Plan 2014-2023. Addis Ababa: 2015. https://au.int/sites/default/files/documents/33126-doc-11_an_overview_of_agenda.pdf (accessed 20.09.2020)
12. First Continental Report on the Implementation of Agenda 2063. https://au.int/sites/default/files/documents/38060-doc-agenda_2063_implementation_report_en_web_version.pdf (accessed 20.09.2020)

DOI: 10.31857/S032150750012793-4

САУДОВЦЫ В ЛАБИРИНТЕ КИБЕРПРОСТРАНСТВА И ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

© 2020 А. ВАСИЛЬЕВ

ВАСИЛЬЕВ Алексей Михайлович, академик РАН, почетный президент Института Африки РАН; зав. кафедрой африканистики и арабистики РУДН; главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня» (dir@inafr.ru)

Статья написана в рамках гранта РФФИ № 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Аннотация. Развитие телевидения и Интернета меняет общую и политическую культуру жителей в Королевстве Саудовская Аравия - самом консервативном государстве Ближнего и Среднего Востока. По количеству смартфонов на тысячу жителей страна уже занимает 3-е место в мире. Правительство стремится отфильтровать информацию в электронных СМИ и киберпространстве, запрещая проникновение оппозиционных политических взглядов, критику королевской семьи или корпорации улемов-ваххабитов. Цензура относительно успешна в отношении ТВ, но сталкивается с большими сложностями в киберпространстве.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, киберпространство, электронные СМИ, режим и оппозиция, цензура

SAUDI SOCIETY IN LABYRINTH OF CYBERSPACE AND ELECTRONIC MEDIA

Alexey M. VASILIEV, member, Russian Academy of Science, Professor, Honorary President, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Head, Department of African and Arabic Studies, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Editor-in-Chief, "Aziya i Afrika segodnya" journal (dir@inafr.ru)

Abstract. Development of TV and Internet is changing general and political culture of the Saudi citizens. The Kingdom is the most conservative country in the Middle East. The number of iPhones per 1000 citizens put the Kingdom on the third place in the world. And the government seeks ways and means to filter the information available for the users in electronic mass media and in the cyberspace forbidding penetration of the opposition political views, criticism of the huge royal family, disagreement in the Wahhabi doctrine or just critical views towards Wahhabi ulemas. The government created a gigantic proxy-server in the King Abdulaziz City for Science and Technology which uses a firewall against both political and moral "inappropriate" information.

But if censorship of TV is more or less effective, the anti-regime information can penetrate through the firewall of KACST. It has turned the cyberspace into a field of virtual confrontation of the regime and all kinds of opposition movements.

The Saudi cyberspace has become a sort of a virtual "parliament" as well as an instrument for peers relations, business communications and entertainment. But the most important problem for the regime is to keep the ideological differences in the limits of "appropriate" discussion what is becoming more and more difficult in the light of growing economic stagnation, low prices for oil and international conflicts.

The kingdom during its existence for more than a century could overcome the challenges for its survival. For the time being only future will show how the kingdom could resolve its today difficulties.

Keywords: Saudi Arabia, cyberspace, electronic mass media, regime and opposition, firewall, censorship

Саудовская Аравия - наиболее консервативное государство Ближнего и Среднего Востока с точки зрения религиозной и политической жизни. Но это не значит, что она отгорожена от остального мира.

Только паломничество к святым местам каждый год приводит сюда миллионы мусульман со всех концов света. Нефтяной бум в прошлом веке и начале нынешнего привлек иностранную рабочую силу, численность которой в настоящее время - около 7,5 млн человек¹. Начиная с 60-70-х гг. прошлого века, учеба за границей (в основном, в США), главным образом за счет государства, приобрела непреходящую популярность. Последние годы примерно 150 тыс. саудовских студентов постоянно находятся вне страны в атмосфере, которая резко отличается от привычных для них саудовских условий. В королевство каждый год возвращается 25-30 тыс. молодых людей, получивших опыт жизни в совершенно других условиях.

Иностраннный диплом увеличивал шансы получить хорошо оплачиваемую и непыльную работу в госаппарате, а для девушек повышал их шансы удачно выйти замуж.

Король Фейсал (1964-1975) понимал значение телевидения как инструмента просвещения, информации и пропаганды. Его поездки в США и Европу познакомили его с этим средством коммуникации и воздействия на умы людей. Внедряя телевидение, он предоставлял саудовцам возможность развлечения, но одновременно создавал преграду на пути насеровской радиовоины.

Для большинства саудовцев появление телевидения в 1960-е гг. стало просто шоком. Ведь в стране не было даже кинотеатров. Предоставим слово тому, кто лично занимался его внедрением, тогдашнему министру информации Джамилю аль-Худжейяну: «Ситуация с телевидением в королевстве была особой... Телевидение... представляло собою наступление на устоявшиеся идеалы

¹ Почти 30% всего населения страны (прим. ред.).

и понятия... Мы начали с передач программ чтения Корана, хадисов и международных новостей. Саудовским газетам тогда было запрещено публиковать фотографии женщин. Но как же я смогу передавать по телевидению изображение европейских и американских женщин?.. Я вызвал своего помощника и сказал: «Подберите мне научную телепередачу, которую ведет женщина». Он подыскал американскую передачу с рассказом о животных, которую вела красивая американка, разумеется, в западном платье. Я сказал: «Передавайте эту программу». В первый раз большинство саудовских граждан увидели изображение женщины на экране. В первый раз! Возможно, что 90 процентов, а то все 100 процентов саудовцев, ничего подобного в своей жизни не видели. На экране изображена женщина, да еще с непокрытой головой!.. Началась трансляция. Я жду. Когда я увидел женщину на экране, то непроизвольно подлетел к телевизору и хотел его выключить! Думал, что я сейчас разнесу вдребезги телевизор! Я сам был застигнут врасплох.

Сказал жене: «Смотри!» И она досмотрела передачу. Мы преодолели барьер страха. Так и начала» [1, с. 290-291].

До начала 1990-х гг. две саудовские телестанции под контролем Министерства культуры и информации передавали или новости, или беседы на религиозные темы, или лишь изредка развлекательные программы. Все они соответствовали традициям саудовского общества и его религиозному консерватизму.

Появление спутникового телевидения вызвало переворот в СМИ. В 1996 г. начал вещание катарский канал «Аль-Джазира». Реально это было Би-Би-Си в арабской оболочке, и эта передача стала главным источником новостей. «Аль-Джазира» заняла резко враждебную позицию по отношению к саудовскому режиму. Сказались межгосударственные, идеологические и личные противоречия. Одновременно за саудовские деньги были созданы другие каналы, соответствующие вкусам саудовского населения и политическим установкам режима. В королевстве стали производить фильмы для собственного потребления. В начале XXI в. 97% саудовских домов, а позднее - все 100, были оснащены спутниковыми тарелками [2, р. 46].

«Аль-Джазира» сыграла едва ли не важнейшую роль в развязывании протестов «арабской весны» в Тунисе, Египте, Ливии. Впрочем, в то время большинство саудовцев оставались преданными зрителями и слушателями своих собственных каналов, и они ориентировались на ситуацию в стране, которая значительно отличалась от того, что происходило в арабском мире.

С помощью спутникового телевидения вслед за новостями двери были открыты для развлечений, как семейных, так и индивидуальных. Стали популярными ток-шоу, кинофильмы, музыка. Соответственно, огромное пространство заполняла реклама, с помощью которой и финансировалось,

во всяком случае, частично, спутниковое телевидение. Для людей 20-40 лет спутниковые каналы стали обычным телевидением, частью их жизни и их интересов. Семьи проводили по несколько часов перед телевизором, потому что других развлечений не было. Шли передачи на все вкусы и возрасты от популярных программ, посвященных спорту, до мод, шопинга и т.д. [2, р. 47].

Когда в 1990-х гг. в стране появился Интернет, киберпространство стало частью обычной жизни саудовского общества еще быстрее, чем телевидение. Сейчас в Саудовской Аравии используется примерно вдвое больше сотовых телефонов, чем численность ее населения. Во втором десятилетии нашего века страна стала 3-й в мире по использованию смартфонов (пропорционально численности населения - 38 млн человек). Напомним, что на первом месте была Южная Корея. Число пользователей Интернета увеличилась с 3 млн в 2005 г. до более 24,5 млн в 2017-м и продолжает расти [4].

Как выяснилось, пользователи, особенно молодые, отдавали предпочтение Ватсапу, Фейсбуку, Твиттеру, Инстаграму, Ютубу. Молодежь считала, что с помощью смартфонов развиваются ее технологические навыки, и возможность защиты частной жизни и ее вкусов от наблюдения родителей. В отличие от телевизора, консервативно настроенные старшие члены семьи не могли запретить молодежи устанавливать контакты через Интернет и смотреть неудобные им передачи. Интернет позволял устанавливать горизонтальные связи с равными, с товарищами, сослуживцами, создавать кружки по интересам - культурным, политическим, религиозным. Молодежь получила доступ к неофициальной информации, смогла знакомиться с различными культурами, другим образом жизни [2, р. 51].

Юноши и девушки могли обмениваться фотографиями и завязывать романтические отношения, что означало категорический вызов традициям и могло вызвать резко отрицательное отношение их родителей. Чаще всего, такие отношения оставались виртуальными, т.к. браки заключались все-таки в соответствии с традициями [2, pp. 50-51].

Авторы книги «Молодежь в Саудовской Аравии» приводят список наиболее популярных блогеров. В начале второго десятилетия его возглавлял социальный активист, который стал известен благодаря своей благотворительной работе для таких групп, как беженцы, пожилые люди или инвалиды. Ислам требует от людей совершать акты благотворительности, и такой блогер вызывал симпатии. Ему подражали многие другие. Однако значительная часть блогеров - это авторы развлекательных программ, комедианты, карикатуристы, художники, актеры, представители шоу-бизнеса. [2, pp. 52-53]. Сначала среди самых популярных не было политических комментаторов, но потом они появились.

В этой книге приведены такие цифры: программы об известных поэтах собирали по 1 700 000 пользователей; о борьбе против «Аль-Каиды» - 1 500 000; «Как приготовить вкусную и здоровую пищу» - 1 200 000; интервью с экстремистом, который сидит в тюрьме, - 1 000 000 [2, pp. 53-54].

Ни спутниковое телевидение, ни Интернет в Саудовской Аравии не могли остаться вне внимания властей, которые стремились контролировать содержание информации. Сразу же появилась цензура, чтобы не допустить, в частности, распространения порнографии, любых материалов, враждебных исламу, и пропаганду других религий, не говоря о выпадах против власти семьи Саудидов. Это было более или менее эффективно по отношению к телевизионным каналам. Но распространение Интернета сделало непрактичной эту цензуру. Даже с сайтами радикальных шиитских богословов можно было ознакомиться на Ютубе, а каждый, кто увлекался порнографией, мог найти способ ее смотреть, обходя официальные ограничения.

Какое-то упорядочивание службы Интернета в Саудовской Аравии началось в 1998 г., когда компьютеры Города науки и технологии имени короля Абдель Азиза (*King Abdulaziz City for Science and Technology - KACST*) связали компьютеры саудовских университетов в одну сеть с международными провайдерами. В 2003 г. была учреждена Комиссия по коммуникациям и информационным технологиям. На нее была возложена задача организовать и одновременно контролировать все коммуникационные службы, включая мобильные телефоны и Интернет [2, p. 50].

В Саудовской Аравии любые разговоры по поводу идентичности суннитской, шиитской или племенной считаются опасными темами или угрожают единству страны. Поэтому их никто не хочет обсуждать публично. Однако Интернет все же позволял оставаться анонимными людям, которые обсуждали именно эти темы. То, что раньше считалось экстремизмом, стало обычной темой дискуссии. Конечно, главное, что заботило власти, которые хотели бы контролировать Интернет, это обсуждение политики правящей семьи Саудидов [2, pp. 54-55].

Фильтрация содержания Интернета на общенациональном уровне - это огромная задача, неразрешимая до настоящего времени. Саудовское правительство создало колоссальный национальный прокси-сервер именно на базе *KACST* - чтобы следить за всем трафиком Интернета в стране, оценивая его с точки зрения «подходящего» или «желаемого» содержания.

Напомним, что секс вне брака или употребление алкоголя или наркотиков - уголовно-наказуемые преступления в королевстве, не говоря о каких-либо пропагандистских выпадах против королевской семьи. Сервер *KACST* запрещает что-либо, противоречащее мусульманским ценнос-

тям, традициям и культуре, но прежде всего, какую-либо критику королевской семьи или режима. Те, кто попадают в черные списки в рамках этого сервера, могут лишиться социальных благ, а в худшем случае - попасть под уголовное преследование. Но пользователи, которые хотят смотреть программы из альтернативных источников информации и высказывают свое мнение, используют сотни способов, чтобы обойти «официальные» ограничения или пробить брешь в той стене, которая отделяет допустимую, с точки зрения властей, и недопустимую информацию.

Самое начало этой борьбы примерно 10 лет назад было уже изложено в исследовании Кеннета Гирса «Секс, ложь и киберпространство: за попытками создать национальный сетевой экран в Саудовской Аравии» (*Kenneth Geers. Sex, Lies and Cyberspace: Behind Saudi Arabia's National Firewall*).

Естественно, что важнейшей политической темой обсуждения в Интернете, несмотря на официальные ограничения, оставалась обстановка в огромной семье Саудидов и проблемы престолонаследия. Когда Сальман ибн Абдель Азиз в 2015 г. стал королем, его пожилые родные братья Султан и Найиф уже скончались. Тогда он назначил наследным принцем представителя уже следующего поколения из семьи Саудидов, своего племянника ибн Найифа (сына министра внутренних дел Найифа Мухаммеда), а не кого-либо из своих родных или сводных братьев, которые могли бы со временем претендовать на трон.

Постепенно ибн Найиф был лишен каких-либо полномочий в системе власти, был лишен поста министра внутренних дел. В июне 2017 г. наследным принцем был объявлен Мухаммед - сын короля. Сальман принял это решение, не заботясь о мнении других старших принцев, включая своего родного брата Ахмеда, не считаясь со сводными братьями, которые были старше по возрасту и более опытными в политике, чем назначенный кронпринцем молодой Мухаммед ибн Сальман. Противоречия внутри правящей семьи Саудидов стали очевидными. Тогда саудовское киберпространство превратилось в поле виртуальной борьбы.

В Интернете распространилось письмо группы внуков основателя королевства, которые утверждали, что в свое время король Сауд в борьбе с наследным принцем Фейсалом был отстранен от власти лишь за то, что совершил только небольшую часть тех ошибок, которые делает король Сальман. Их второе утверждение состояло в том, что король Сальман якобы из-за своего плохого здоровья уже не был способен управлять государством. Поэтому он передал все полномочия сыну, который якобы вообще «развалил» управление королевством. Одновременно шла растрата государственных ресурсов и суверенных резервов.

Практически, письмо молодых принцев было призывом к дворцовому перевороту. Его текст

прочитали 2 млн пользователей Интернета. Но вскоре несколько принцев, которых подозревали в его авторстве, исчезли из публичной жизни [3, р. 61].

Этим дело не ограничилось. В киберпространстве появились новые «разоблачители», которые скрывались под псевдонимами. Одно из них - «Муджтахид» - называли «саудовским Джулианом Ассанжем». У него оказалось 1,5 млн подписчиков, а всего он получал около 10 млн посланий твитов. Он заставил отвечать на свои послания даже главного муфтия страны. Международные СМИ, такие, как «Файненшл таймс», Би-Би-Си, Си-Эн-Эн, «Арабиен бизнес» и многие другие стали комментировать эти послания и даже вести переписку с их автором.

Возможно, это был один из членов семейства Саудилов, которое, в общем-то, насчитывало только действующих принцев более 2 тыс. Возможно, под псевдонимом «Муджтахид» скрывалась какая-то группа принцев-диссидентов.

«Муджтахид» сам объяснял свою популярность тем, что, во-первых, саудовское общество всегда интересовалось секретами семейства Саудилов, а он как раз их-то и раскрывал; во-вторых, точностью его сведений, которые подтверждались потом конкретными событиями. Он утверждал, что действует в строгом соответствии с моральными и религиозными нормами, избегая сенсационных и неподтвержденных слухов, касающихся личной жизни принцев. Но вместе с тем, он открыто заявлял о желании подорвать легитимность режима.

«Муджтахид» занимался тем, что высказывался за перемены в высших эшелонах власти. Но одновременно он был критически настроен по отношению и к саудовским либералам, и к саудовским исламистам, в особенности к тем, которые были преданы правительству. Он также критиковал официальных улемов, которые принимали и одобряли любые правительственные решения. Он, в частности, писал: «Подлинный ислам требует от человека отвергать несправедливость, репрессии и коррупцию. Я распространяю информацию, которая разоблачает этих лицезмеров среди интеллектуалов, улемов и даже исламистов» [3, р. 64].

«Муджтахид» полагал, что ликвидировать несправедливость в стране можно лишь при смене режима, и объяснял, почему саудовцы не восстают, если они все знают о коррупции и плохом управлении страной. С точки зрения «Муджтахид», «силы, которые вызывают перемены, все еще лояльны режиму, например, религиозная элита,

племенные группировки, бизнесмены и представители аристократии. Кроме того, репрессии осуществляются силами безопасности, которые хорошо оплачиваются и остаются преданными режиму... Саудовцы - это не тот тип людей, которые будут проводить мирные протесты, захлестнувшие другие страны арабского мира» [3, р. 65].

Сочетание спутникового ТВ и распространение Интернета, возможно, еще не изменили систему правления в королевстве, но они уже изменили политическую культуру и надежды людей.

Киберпространство стало и «парламентом», и площадкой для сугубо личных контактов и бизнес-связей, и рекламой шопинга и развлечений, и возможным проявлением диссидентства, и открытой дверью для конкурирующих идей.

Любопытно отметить, что до недавнего времени особого радикализма в саудовском контексте, который был бы антиисламским и республиканским, просто не было. В любом случае, как молодые люди, так и пожилые в большей степени воспринимали события через собственную культуру и национальную идентичность. Они, в частности, считали монархию нормальным видом правления, как для американцев нормальным считается убеждение, что они живут в «самой демократичной стране мира».

И все же киберпространство оказалось открытым для обсуждения проблем, которые травмировали саудовское общество. В настоящее время обвалились цены на нефть, катастрофически увеличился дефицит государственного бюджета. Задача смены экономической модели государства-рантье требует отказа от многих социальных благ, к которым привык саудовский средний класс (отсутствие налогов, субсидирование расходов на электроэнергию, бензин, воду, покупку квартиры, бесплатную медицину и т.п.).

Раскол в огромной королевской семье невозможно скрыть, что и стало предметом горячей дискуссии в Интернете. Корпорация ваххабистских улемов ослаблена критикой и справа, и слева, в т.ч. со стороны исламистских экстремистов. Все это воспринимается саудовским руководством как угроза режиму.

Третье саудовское государство, созданное несколько более 100 лет назад Абдель Азизом ибн Саудом, не раз сталкивалось с вызовами, которые грозили самому его существованию, но справлялось с ними. Как оно преодолет нынешний критический период - ответ на этот вопрос может дать только время.

Список литературы / References

1. Васильев Алексей. Король Фейсал: Личность, эпоха, вера. М., Восточная литература. 2010. 519 с. (Vasiliev Alexey. 2010. King Faisal: Personality, Age, Faith. Moscow) (In Russ.)
2. Fadaak Talha H., Roberts Ken. Youth in Saudi Arabia. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019, p. 204.
3. Al-Rasheed Madawi. (Editor). Salman's Legacy. The Dilemmas of a New Era in Saudi Arabia. NY: Oxford University Press, 2018, p. 367.
4. Ministry of Communications and Information Technology - Open Data. Telecom Sector Indicators (2017). <https://www.mcit.gov.sa/en/open-data>; <https://www.tech-wd/2016/08/31/internet-users-in-saudi/> (accessed 09.11.2020)

DOI: 10.31857/S032150750012794-5

ПОЛИТИЗАЦИЯ САЛАФИЗМА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

© 2020 Т. ХАЙРУЛЛИН

ХАЙРУЛЛИН Тимур Радикович, кандидат политических наук, н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований, ИАФР РАН; старший преподаватель Департамента политологии, Финансовый университет при правительстве РФ, (jumglaw16@yandex.ru)

Резюме. На рубеже 70-80-х гг. XX в. консервативный салафитский исламизм получил организационное оформление и развитие благодаря финансовому росту монархий Залива. После временного спада популярности в 90-е гг. XX в. процесс политизации салафитских идей получил новый импульс в период событий «арабской весны», когда в ряде стран арабского региона стали создаваться политические партии. Несмотря на то, что изначально салафиты рассматривали открытое участие в политическом процессе в качестве временной тактической меры, это не могло не повлиять на идеологические взгляды либерально настроенных салафитов, которые выступили за сочетаемость политики с идеями салафизма.

Ключевые слова: салафизм, исламизм, Саудовская Аравия, «Братья-мусульмане», «арабская весна»

POLITICIZATION OF SALAFISM IN THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA

Timur R. KHAYRULLIN, PhD (Political Science), Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Senior lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation (jumglaw16@yandex.ru)

Abstract. The process of politicization of traditional salafi ideas led to the emergence of conservative Islamism, which eventually moved away from medieval traditionalism and adapted to modern political conditions. The process of politicization of Salafism was initiated by the Salafi reformists al-Afghani and M. Abdo in the early XX century. However, reformists Salafi ideas were modified into political ideology by the Muslim Brotherhood, which was strongly influenced by Salafism in its early stages. During the 50-60s of the XX century, the emerging conservative Salafi Islamism was on the defensive, as it faced the ideas of Arab nationalism.

The forced relocation of the Egyptian Muslim Brotherhood to Saudi Arabia, in parallel, marked the movement of Islamists ideas, which received significant development and organizational form due to the financial power of the Gulf monarchies. At the turn of the 70-80s of the XX century, conservative Salafi Islamism helped the Saudis adapt to the processes of globalization and strengthen their positions in the Arab region, relying mainly on unarmed methods.

After a temporary decline in popularity in the 1990s, the process of politicization of Salafi ideas received a new impetus during the events of the Arab spring, when political parties began to be created in a number of countries in the Arab region. Despite the fact that initially the Salafists considered open participation in the political process as a temporary tactical measure, this could not but affect the ideological views of the liberal-minded Salafists, who advocated the compatibility of politics with the ideas of Salafism.

Keywords: Salafism, Islamism, Saudi Arabia, Muslim Brotherhood, Arab spring

Политизация салафизма связана с проблемами политизации религии, с которой столкнулась исламская цивилизация в процессе глобализации. В начале XX в. на базе исламских идей и принципов стала формироваться политическая идеология - политический ислам или исламизм в его широком понимании, который возник в результате политизации салафитских идей. Эти идеи складывались на протяжении XIII-XVIII вв. на основе учений Ибн Таймийи и Ибн Абд аль-Ваххаба.

Салафизм несет в себе главную идею о том, что на протяжении столетий ислам искажался новыми элементами, в т.ч. противоречащими исконным исламским принципам. Чтобы избавиться от многовековых наслоений, необходимо вернуть его к тому состоянию, в котором он находился во времена пророка Мухаммада и четырех праведных халифов. Времена т.н. «золотого века» ислама являются для салафитов постоянным источником вдохновения [1]. Поэтому отметим, что нельзя ставить знак равенства между салафизмом и исламизмом (направлением в исламе и возникшей на его основе политической идеологии).

К концу XIX - началу XX вв. салафизм был одним из популярных направлений в исламе, и, не

смотря на свою популярность салафиты (в т.ч. саудовские салафиты-ваххабиты) были весьма слабо вовлечены в политику, за исключением, пожалуй, тогдашнего Риядского эмирата (1902-1914). Востребованность салафитских идей во многом была связана с реакцией на снижение роли ислама, которая претерпела серьезное испытание в колониальный период истории арабских стран. Технологические и военные успехи Западной Европы вызывали чувство отчаяния, осознания отсталости исламской цивилизации на волне довольно длительного подъема цивилизации западной.

Кризис государственности и идеологии привел к появлению таких мыслителей, как Джамаль ад-Дин аль-Афгани (1839-1897) и Мухаммад Абдо (1865-1935), которые выступили с инициативой преодолеть идеологический кризис и избавить мусульманское общество от западного влияния. Стремясь придать новый импульс исламской мысли, они стали пересматривать традиционные салафитские труды о необходимости возвращения к истокам исламской веры времен благочестивых предков и пришли к выводу, что оглядка на «золотой век» ислама нужна исключительно для руководства и поддержки. Буквалистского от-

ступления ко временам пророка Мухаммада быть не должно [2, р. 17].

Аль-Афгани выступал за примирение ислама с современной наукой, рациональностью и реформами. Он считал, что ислам и его принципы совместимы с рациональностью и, таким образом, мусульмане могут стать политически едиными, сохраняя при этом свою веру, основанную на религиозной и общественной морали [3, pp. 104-125]. Связывая необходимость политических реформ с религией, он хотел укрепить ислам как основу многих сфер мусульманского общества.

Идеи аль-Афгани оказали глубокое влияние на его ученика Мухаммада Абдо, который продолжил развивать идею использования рациональности в аспекте человеческих отношений, чтобы идти в ногу со временем. М.Абдо выступал за такую форму ислама, которая освободит людей от рабства, обеспечит равные права для всех людей, отменит монополию факихов (мусульманских правоведов) на толкование священных текстов и отменит расовую дискриминацию и религиозное принуждение [4].

Аль-Афгани и М.Абдо внесли реформаторский взгляд в салафитскую философию ислама. Рассуждая о совместимости принципов шариата и ислама, в целом, с современными реалиями, а также касаясь вопросов государства и власти, они косвенно связывали традиционные салафитские идеи с политикой.

Салафитские лидеры систематически внушали мусульманам посредством призывов (да'ва) идеи о том, что они должны освободиться от колониального гнета и построить единое исламское общество, вернувшись к первоначальным истокам. Ликвидация халифата Ататюрком в 1924 г. лишь укрепила эти призывы¹. Этот институт уже не имел того масштабного политического веса в пределах всего мусульманского мира, не являлся символом духовного единства. К этому времени мир ислама уже стал придатком европейской колониальной системы.

Развал Османской империи привел к переделу территорий между Англией и Францией. Нахождение многих государств Ближнего Востока и Северной Африки под английским и французским протекторатом тормозило общеисламскую политическую мысль. Слабая коммуникация между колониями и постоянная борьба за передел территорий привели к тому, что исламская мысль стала развиваться в пределах отдельно взятых государств². Успеха удалось добиться там, где была

сильна исламская традиция, в первую очередь, в Египте.

ПОЛИТИЗАЦИЯ САЛАФИЗМА «БРАТЬЯМИ-МУСУЛЬМАНАМИ»

Либеральные для того времени взгляды аль-Афгани и М.Абдо были подхвачены Хасаном аль-Банной который в 1928 г. организовал в Египте Ассоциацию «Братьев-мусульман» фактически как реакцию на колониализм и развал Османского халифата [2, р. 16; 5, р. 171]. С момента основания, Ассоциация занималась благотворительной и просветительской работой, что подтверждает деятельность их основателя Хасана аль-Банна - школьного учителя, и была далека от политики, что, в целом, как бы соответствует традиционной салафитской доктрине.

Сам лидер Ассоциации был довольно хорошо знаком и находился под определенным влиянием идей салафитских реформистов - аль-Афгани и М.Абдо. Так, западный исследователь Т.Ларсон утверждает, что аль-Афгани после своей смерти считался «духовным отцом и лидером» «Братьев-мусульман», поскольку аль-Афгани умер до рождения аль-Банна и в силу исторического разрыва «братьям» было легче смотреть на него как на «духовного предка» [2, р. 19]. Более того, аль-Банна был хорошо знаком с трудами М.Абдо и состоял в тех же религиозных кругах, что и ученики Абдо, в число которых входил отец аль-Банна [6, р. 15]. Существенное влияние на Х.аль-Банну оказал Рашид Рида, ученик М.Абдо, которого многие члены «Братьев-мусульман» считают одним из идейных вдохновителей Ассоциации [7, р. 19].

Со второй половины 1930-х гг. к просветительско-благотворительной деятельности Ассоциации стали добавляться черты политической организации. По мнению членов «Братьев-мусульман», нельзя было ставить знак равенства между терминами «ислам» и «религия». Лидер организации Х.аль-Банна отмечал, что «политика - часть религии, ислам включает правителя и подданного... ислам не знает конфликта, который есть в Европе между духовным и мирским, между церковью и государством» [8, pp. 102-103].

Таким образом, переосмысленные «Братьями-мусульманами» реформистские салафитские взгляды аль-Афгани и М.Абдо стали политизироваться. Здесь можно согласиться с западным исследователем Р.Азулаем, что «главным отличием реформистов аль-Афгани и М.Абдо от «Братьев-мусульман» является то, что первые занимались

¹ Эти призывы нередко трактуются в качестве основных постулатов панисламизма (так же, как и панарабизма, где этническая составляющая выходит на первый план, отбрасывая религию). Однако т.н. панисламистские идеи носили кратковременный характер и были, скорее, следствием нахлынувшей эйфории от свободы, которая стала наступать с развалом Османского халифата (*прим. авт.*).

² Тем самым поставив под удар идеи как панисламизма, так и панарабизма (*прим. авт.*).

«модернизацией ислама, а «братья» выступали, скорее, за исламизацию современности, тем самым создавая основу для исламизма как политической идеологии» [5, р. 171]. Однако это высказывание требует уточнения.

На наш взгляд, Ассоциация «Братьев-мусульман» создавала основу для консервативной салафитской версии исламизма, поскольку, несмотря на то, что сегодня в Ассоциации преобладают умеренные исламистские взгляды, на начальных этапах своего возникновения она испытывала значительное влияние салафитской идеологии, как и ее основатель. Так называемая «умеренность» в рассуждениях о государстве и власти как некое самостоятельное направление в исламизме еще должно было оформиться. Это не происходит одновременно. Поэтому «умеренный исламизм» в стратегии Ассоциации начнет складываться только в 60-70-е гг. XX в. как реакция на радикальные взгляды С.Кутба³ и переосмысление трудов лидера Ассоциации Х.аль-Банна, новым поколением теоретиков в лице аль-Худайби, У.Тильмисани, М.Машхура и т.д.

РАЗВИТИЕ КОНСЕРВАТИВНОГО ИСЛАМИЗМА В КОНТЕКСТЕ ВОЗВЫШЕНИЯ РОЛИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ В РЕГИОНЕ

В период 50-60-х гг. XX в. складывавшийся консервативный салафитский исламизм «Братьев-мусульман» находился в обороне, поскольку столкнулся с серьезным давлением со стороны пришедших к власти военных во главе с Г.А.Насером исповедовавших идеи арабского национализма. Находясь под идеологическим прессингом, салафитские идеи стали радикализироваться, дав впоследствии начало отдельному «джихадистскому» направлению в исламизме. Здесь необходимо отметить, что нельзя ставить знак равенства между салафизмом и т.н. «джихадизмом», поскольку не только салафиты могут быть сторонниками вооруженного отстаивания принципов ислама, но также и вооруженные отделения умеренных исламистских организаций, таких, как, например, палестинская ХАМАС.

Репрессии со стороны насеровского режима привели к эмиграции многих членов Ассоциации, что вызвало активизацию движения в других арабских странах. Главным прибежищем «Братьев-мусульман» стал район Персидского залива, в особенности Саудовская Аравия, чья консервативная общественно-политическая система воспринималась «братьями» как успешный пример исламского государства. В свою очередь, нефтяные монархии Залива во главе с Саудовской Ара-

вией остро нуждались в кадрах. Видимо, изначально увидев в развиваемой консервативной идеологии «Братьев-мусульман» определенный потенциал, саудовцы в какой-то мере пытались «приручить братьев», выстроив выгодное для обеих сторон сближение. «Братья-мусульмане» стали методично брать под контроль интеллектуальную жизнь Саудовской Аравии, издавая книги и участвуя в дискуссионных кругах и салонах, проводимых королевской семьей [9, pp. 173-174].

Развиваемый «Братьями-мусульманами» консервативный салафитский исламизм (как следствие политизации идей салафизма), в основе которого лежали идеи аль-Банна и ранних модернистов аль-Афгани и М.Абдо, стал перемещаться в район Персидского залива. Дальнейший процесс политизации салафизма пошел в рамках мусульманской традиции Аравийского полуострова - ваххабизма.

К началу 70-х гг. XX в. Саудовская Аравия все активнее стала претендовать на роль регионального лидера и центра исламского мира. Поражение националистических идей и возвышение роли Саудовской Аравии совпало с окончательным обретением независимости странами Персидского залива и началом «нефтяного бума».

Продвигая салафитский ислам суннитского толка, королевство финансировало и поддерживало разнообразные движения и организации, выступающие с этих позиций по всему миру. Во многом это проявлялось в отправке в ряд соседних государств религиозных миссионеров, которые распространяли труды идеологов данного направления (Ибн Абд аль-Ваххаба и Ибн Таймийи), а также в финансировании строительства мечетей и развития мусульманских ассоциаций. Отметим, что после 1973 г. миссионерская деятельность Саудовской Аравии по распространению салафитского ислама достигла нового уровня.

Дело в том, что только в Саудовской Аравии ислам, исходящий от улемов, сохраняет монополию на религиозный дискурс, выражающийся в высказываниях о политической системе и основополагающих ценностях. Модифицировав салафитские идеи ислама в форму ваххабитской интерпретации, саудовские улемы внесли значительный вклад в понимание современного суннитского ислама. Подчеркнем, что Саудовская Аравия отвергает термин «ваххабизм» [10, с. 80].

Салафитский (ваххабитский) ислам, имея общие доктринальные положения с учением С.Кутба и призывая к возврату к первоначальному исламу времен пророка, тем самым присваивал себе исключительное право на социальный консерватизм. Ваххабиты интерпретировали исламскую религию в том виде, в каком ее понимал пророк

³ Сайид Кутб - египетский писатель, философ, революционер. Лидер египетских «Братьев-мусульман» в 1950-е - 1960-е гг. В 1966 г. был признан виновным в подготовке покушения на президента Египта Гамала Абделя Насера и казнен через повешение (*прим. авт.*).

Мухаммад и его сподвижники. Подчеркивалась важность жизни общества согласно канонам Корана и Сунны, представленных в шариатских толкованиях. Так называемые нововведения, не нашедшие прецедента в преданиях (хадисах), назывались бид'а. Следовать нововведениям разрешалось только после их «легализации» авторитетными богословами, которые должны были вынести решение относительно их правомерности. Ни о каких революционных интерпретациях ислама речи быть не могло, т.к. это несло угрозу монархическому строю страны.

Саудовский ваххабитский исламизм основан на правовых установках ханбалитской правовой школы, самой непримиримой по отношению к любому рода нововведениям. Со временем, саудовским исламистам-ваххабитам под натиском глобализации и политической конъюнктуры все же пришлось одобрить такие новшества, как телефон, телевизор, кодекс о труде, социальное страхование и т.д. Однако, несмотря на некоторое ослабление идеологических принципов, отрицательное отношение саудовцев к нововведениям до сих пор сохранилось, что превратило ваххабитскую версию исламизма в одну из самых негибких форм политического ислама [10, с. 72].

На рубеже 70-80-х гг. XX в. консервативный салафитский исламизм претерпел мощное идеологическое развитие и организационное оформление благодаря финансовой мощи монархий Залива во главе с Саудовской Аравией. Благодаря усилиям саудовцев по всему ближневосточному региону укрепились салафитские движения, которые пользовались дипломатической и финансовой поддержкой со стороны Эр-Рида и занимались продвижением салафитских идей.

Однако к концу XX в. ваххабизм как идеологический и объединительный проект, альтернативный арабскому национализму, стал претерпевать кризис. Затормозилась дальнейшая политизация салафитских идей и, как следствие, развитие консервативного салафитского исламизма. Роль саудовского королевства как ведущей исламистской силы оказалась частично подорвана действиями Ирака, захватившего Кувейт, и появлением американских войск на территории Саудовской Аравии. Помимо этого, активность саудовцев в продвижении исламистского проекта была замедлена падением цен на нефть в период 90-х гг. XX в. [11].

ВЫХОД НА НОВЫЙ УРОВЕНЬ

На рубеже XX-XXI вв. консервативный салафитский исламизм лишь радикализировался,

не получая развития. Однако такая динамика стала проглядываться в результате событий «арабской весны». Салафитский исламизм исключал возможности создавать политические партии для борьбы за власть. Он известен своей доктринальной непримиримостью и решительным осуждением любых исламистских групп и движений, не разделяющих его религиозных взглядов. До «арабской весны» в странах Ближнего Востока и Северной Африки, за исключением Кувейта, салафиты ограничивали свое присутствие в социальной сфере и отказывались участвовать в политической борьбе. Салафиты видели в политике инструмент для раскола мусульман. Демократия и выборы в их понимании несовместимы с основополагающим принципом «таухида» (единобожия) и шариатом. Тем не менее, несмотря на жесткую позицию в отношении демократии и выборов, они воздерживались от публичной критики, считая, что законному правителю необходимо подчиняться во всех случаях, даже если он несправедлив, деспотичен или не строго придерживается требований шариата (исламского закона) [12, р. 207]. Эта тенденция была обращена вспять после «арабской весны», когда в различных арабских странах начали создаваться политические партии салафитов.

Салафитские политические партии образовались в Египте, Тунисе Йемене, а в Марокко салафитские движения благодаря активной гражданской позиции повлияли на результаты парламентских выборов 2011 и 2016 гг. Наибольших успехов салафиты сумели добиться в Египте.

В частности, одним из сюрпризов послереволюционного периода явилась не предвыборная кампания «Братьев-мусульман», а появление салафитской партии ан-Нур. Глава и основатель партии Имад Абд аль-Гаффур считал, что партия не будет заниматься традиционной проповеднической деятельностью и что быть политиком - это совсем не то же самое, что быть духовным лидером. Политика рассматривалась лишь как инструмент для лоббирования своих интересов. Поэтому, основав в 2011 г. партию, салафиты посчитали, что тем самым они сумеют закрепить за собой право голоса в переходный период.

Однако создание политической партии не гарантировало скорейшего успеха салафитов, у которых отсутствовал опыт политической борьбы. Рост популярности умеренных исламистов в лице «Братьев-мусульман» отнимал у них надежду на достижение поставленных целей. Дело в том, что для консервативного салафитского исламизма умеренный исламизм «Братьев-мусульман» пред-

⁴ Здесь речь идет о сторонниках т.н. «политического ислама» — зародившегося в Египте общественно-политического движения «Братья-мусульмане». Однако в историографии и востоковедческих исследованиях термин «ихваны» применялся и в отношении тех сил, с помощью которых, например, пришел к власти дом Саудов (*прим. авт.*).

ставлял конкурентную силу в борьбе за политическую власть.

«Ихванский» вариант исламизма⁴ позволял активное участие в современных политических процессах таких элементов, как партия, выборы, и т.д., что шло вразрез с представлениями салафитских теоретиков, воспринимавших такого рода прогрессивные идеи в качестве псевдоисламских. «Братья-мусульмане» с подозрением относились к «пуританизму» салафитов. Представитель «ихванского» варианта исламизма шейх Юсуф аль-Кардави даже заявлял, что только республиканская форма правления является истинной для исламского государства [13, с. 3]. Такие заявления не могли не вызывать раздражения среди салафитских общин не только Египта, но и других государств региона. Однако, несмотря на то, что умеренные исламисты являются едва ли не самыми главными врагами консервативных салафитов, руководство ан-Нур приняло стратегию - забыть на время доктринальные разногласия и блокироваться для достижения совместной победы на парламентских выборах 2011 г.

Итогом прошедших в ноябре 2011 г. парламентских выборов стало то, что созданная «Братьями-мусульманами» «Партия свободы и справедливости» получила 235 мест из 508. Объединившаяся с «братями» ан-Нур, получила 123 места [14]. Таким образом, за счет альянса «Партии свободы и справедливости» и ан-Нур в сформированном законодательном органе - парламенте - большинство получили исламисты.

В результате победы на президентских выборах 2012 г. к власти в Египте фактически пришли «Братья-мусульмане» во главе с Мухаммедом Мурси. С приходом «братьев» к власти выросла значимость Египта как центра исламизма в «ихванском» варианте. Это было вызовом Саудовской Аравии.

Именно поэтому саудовцы и их союзники из стран Залива (кроме Катара) совместно с египетскими военными и экономическими элитами, а также египетскими спецслужбами (которые при поддержке либеральных контрэлит смогли организовать «народную поддержку» военному перевороту) добились свержения режима М.Мурси [15]. Египетским военным и их покровителям удалось в июне 2013 г. сформировать исключительно широкий фронт, лишивший власти правительство «Братьев-мусульман».

Египетские салафиты, представленные, в первую очередь, политической партией ан-Нур, связанной с Саудовской Аравией, поддержали разработанную военными «дорожную карту» по выходу страны из кризиса. В целом, салафиты и «Братья-мусульмане» не были верными союзниками с самого начала. Это было лишь тактическое объединение, в котором каждая сторона преследовала свою выгоду. Поэтому, когда Саудовская Ара-

вия взяла курс на свержение М.Мурси руками египетских военных, то финансово зависимое от Саудовской Аравии руководство салафитской партии ан-Нур поддержало Абдул-Фаттах ас-Сиси.

В Тунисе после свержения президента Зина аль-Абидина бен Али в 2011 г., страна стала свидетелем активизации салафитских движений, которые, как и другие исламистские движения, испытывали притеснения со стороны прежнего режима. В подавляющем большинстве салафитские движения в стране ассоциировались с радикализмом и даже терроризмом. Поэтому официальная регистрация 29 марта 2012 г. салафитской партии Джебхат аль-Ислах была встречена с тревогой. Об этом свидетельствует и то, что ранее временное правительство дважды отклоняло из соображений безопасности требования представителей Джебхат аль-Ислах об официальном признании [16].

Несмотря на возникающие разногласия с властью, салафитская партия изначально осуждала насилие и была по своей сути настроена демократически. Ее лидеры неоднократно давали понять, что они поддерживают демократию в той мере, в какой она ограничена религией. Мухаммад аль-Хауджа, лидер Джебхат аль-Ислах, заявлял, что «сейчас уже не время для вооруженного джихада... мы считаем, что ислам - это религия демократии и свободы» [16]. «В Европе демократия дает суверенитет народу, но в мусульманских странах мы предпочитаем подчеркивать суверенитет исламского законодательства», - говорил глава партии, добавляя, что для него «работа законодателя (как народного представителя в парламенте) состоит в том, чтобы отличать “харам” (незаконное) от того, что является “халаль” (законным), согласно нормам исламского права» [17].

Отметим, что изначально салафитская Джебхат аль-Ислах (так же, как и египетские салафиты) не проявляла враждебности к набиравшей популярность умеренной исламистской партии «Возрождение» (ан-Нахда), имевшей близкие связи с египетскими «Братьями-мусульманами». Во время выборов в Учредительное собрание Туниса в октябре 2011 г. Джебхат аль-Ислах выдвинула несколько независимых кандидатов в 6 избирательных округах, а также предложила своим сторонникам голосовать за ан-Нахду. Все же, в отличие от египетской партии ан-Нур, в 2011 г. тунисские салафиты не сумели получить места в Учредительном собрании, которому было предоставлено право на разработку нового Основного закона. Однако косвенная поддержка со стороны салафитской Джебхат аль-Ислах позволила ан-Нахде добиться победы.

Усиление позиций ан-Нахды по итогам парламентских выборов, так же, как и в Египте, встретило отпор со стороны Саудовской Аравии. По-

средством пропаганды через местные и зарубежные СМИ саудовцы обвинили партию ан-Нахда в финансовых махинациях и теневых связях с другими государствами, лоббировавшими через партию свои интересы в стране. Расхождение во взглядах произошло и с салафитскими партиями, когда лидеры ан-Нахды выступили с инициативой, согласно которой шариат в новой конституции страны прекращал быть единственным источником законодательства [11]. Итогом многочисленных забастовок против действий умеренных исламистов стало их поражение на следующих парламентских выборах, состоявшихся в октябре 2014 г. Отметим, что доля голосов отданных за салафитскую партию, была ничтожно мала, и они также не сумели добиться успеха.

Политическое фиаско салафитов во многом было связано с отсутствием у партии электората, который стал бы надежной опорой в ходе выборов. В Тунисе не было такого сильного салафитского движения, как, например, в Египте. Умеренные религиозные взгляды большинства тунисцев, фракционность в салафитском спектре и склонность большинства салафитов поддерживать радикальные салафитские группы, а не политические партии, вероятно, также «сработали» этот результат. Сами лидеры Джебхат аль-Ислах заявляли, «что иногда радикально настроенная салафитская молодежь оказывала давление на всю свою семью, чтобы они не голосовали, потому что для них демократия была под запретом (харам), что заставляло их отвергать любую форму участия в выборах, в т.ч. голосовать за салафитские партии [18]. К тому же разрыв отношений с умеренными исламистами сделал и без того непрочные политические позиции салафитов еще более шаткими.

В Марокко салафитские движения не создавали политических партий, однако активным образом проявляли свою гражданскую заинтересованность и способствовали победе умеренной исламистской Партии справедливости и развития (ПСР) на парламентских выборах 2011 г. Традиционные салафитские движения в Марокко, особенно движение шейха Мухаммеда ибн Абдурахмана Аль-Маграуи, проявили прагматизм, решительно перейдя от полного отказа участвовать в политике к поддержке ПСР в маршах протеста против королевской власти в 2011 г. [19]. Прагматизм заключался в желании воспользоваться политической свободой для улучшения своего правового статуса и политической значимости без ущерба для салафитской идеологии.

Внутренний успех ПСР на парламентских выборах 2011 г. вынудил королевский двор заручиться финансовой и дипломатической поддержкой Саудовской Аравии и оказать давление на марокканских салафитов с целью внести раскол между последними и ПСР [20]. Итогом проведен-

ной контратаки стало ослабление позиций умеренных исламистов в Марокко на следующих парламентских выборах 2016 г., поскольку марокканские салафиты вынуждены были поддержать промонархические партии.

В Йемене в марте 2012 г. была основана первая политическая партия салафитов -Союз аль-Рашад, при поддержке Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива во главе с Саудовской Аравией. Партия стремилась быть выразителем консервативной исламской идеологии в стране и установить нормы шариата в качестве основополагающих [21]. Решение йеменских салафитов выйти на политическую арену они объясняли религиозным долгом в ответ на репрессивную политику А.А.Салеха в отношении народных восстаний. Однако из-за эскалации конфликта и продолжающейся нестабильности в стране партия так и не сумела продемонстрировать свой потенциал.

Таким образом, возникновение на первых порах салафитских партий в Египте, Тунисе, Йемене и активизация салафитских движений в Марокко были связаны со стремлением получить политические дивиденды на волне революционных потрясений. Более того, салафиты понимали, что они могут добиться значительно большей политической выгоды, если объединятся с умеренными исламистскими силами, выступив с ними единым фронтом. Отчасти этим объясняется победа «Братьев-мусульман» и родственных им партий на парламентских выборах в 2011 г. в Египте, Тунисе и Марокко.

Однако политический успех умеренных исламистов мог изменить расклад исламистских сил в регионе. Такая перспектива не устраивала главного спонсора консервативного салафитского исламизма в регионе - Саудовскую Аравию, которая, опираясь на союзнические силы в этих странах, а также на местные салафитские движения, сумела нанести поражение умеренным исламистам в период следующих парламентских выборов. В данной ситуации салафитские партии из временных союзников превратились в противников усиливающихся умеренных исламистских партий. Однако в целом, возникновение салафитских партий говорит о довольно существенных сдвигах в традиционной салафитской доктрине, направленных в сторону либерализации.

РАСКОЛ В САЛАФИТСКОМ ДВИЖЕНИИ

Возникновение салафитских партий в период событий «арабской весны» вызвало серьезное осуждение со стороны традиционных салафитских движений в странах, где это произошло, породив в результате раскол между теми, кто рассматривал создание политических партий в качестве временной меры, и теми, кто выступал за сов-

мещение проповеднической и политической деятельности. Более того, подобный раскол произошел и внутри самих партий.

Например, в Египте уже в сентябре 2012 г. (сразу после парламентских и президентских выборов) в выборе тактики салафитской ан-Нур наметились два лагеря: первый, во главе с И.А.Гафуром, стремился к укреплению позиций партии через расширение социальной базы. Второй лагерь, представленный Джалалем Аль-Муррой и Ашрафом Табетом, выступал против того, чтобы политика стояла на первом месте. Вопросы политики должны находиться в ведении салафитских шейхов, считавших, что партия выполнила свою «миссию» и салафиты должны сосредоточиться на традиционной проповеднической деятельности [22].

Кризис перерос в кампанию взаимных упреков между двумя лагерями, прежде чем салафитские шейхи вмешались, чтобы выступить посредниками между конфликтующими сторонами. Итогом разногласий стал выход ряда салафитов во главе с И.А.Гафуром из состава партии, и создание в январе 2013 г. собственной партии аль-Ватан, которая придерживалась прогрессистских взглядов. Сторонники аль-Ватан продолжали поддерживать «Братьев-мусульман» и близкую им «Партию свободы и справедливости» во главе с М.Мурси вплоть до их свержения в июле 2013 г.

После того, как от партии ан-Нур откололись салафиты с реформистским взглядами, в ней возобладали консервативные традиционалистские идеи салафитских шейхов, и она перестала играть заметную роль в последующих парламентских выборах.

В Тунисе ряд салафитов также скептически отнесся к политической роли Джебхат аль-Ислах из-за ее сотрудничества с ан-Нахдой, предполагая, что это приведет к смягчению ее довольно жестких салафитских взглядов. Другие, более радикальные салафиты, яростно выступали против партии, изображая ее оторванной от религиозного ультраконсервативного движения. Один из лидеров традиционных салафитских движений заявил: «Джебхат аль-Ислах ничего для нас не значит, у него нет потенциала для мобилизации и у него нет социальной базы» [17].

В Марокко среди салафитских движений произошел идеологический раскол после того, как на них было оказано давление со стороны королевской власти и Саудовской Аравии. Консервативное течение хотело сохранить традиционные салафитские принципы, в то время как реформистское течение стремилось к большему участию в общественно-политической жизни страны. Начиная с лета 2013 г. разногласия между традиционными салафитами стали очевидными, особенно между влиятельным движением Аль-Маграуи и группой реформистов, возглавляемой его уче-

ником Хаммадом Каббаджем. Раскол усилился после военного переворота в Египте 3 июля 2013 г. и в связи с предполагаемой ролью Саудовской Аравии в падении режима М.Мурси.

Напряженность привела к отделению некоторых шейхов и их последователей от движения Аль-Маграуи. Эти салафиты образовали новое течение реформистской направленности, выступая за большее политическое участие и проявляя интерес к государственным делам. Отметим, что в период парламентских выборов 2016 г., когда традиционные салафитские движения под давлением королевского двора и Саудовской Аравии поддержали промонархические партии, новое реформистское течение продолжило поддерживать ПСР [20].

В Йемене также объявление о создании партии вызвало критику со стороны ряда салафитских кругов в стране. Некоторые салафиты утверждали, что движение должно воздерживаться от политического участия и оставаться исключительно религиозным [23].

Несмотря на то, что прагматизм и гибкость позиций не нашли понимания у большинства традиционных салафитских движений рассматриваемых стран, среди них выделились такие, которые продолжили выступать за политическое представительство и участие в решении государственных вопросов. Некоторые египетские салафиты даже высказались против вмешательства Саудовской Аравии во внутренние дела своей страны [24].

* * *

Таким образом, процесс политизации традиционных салафитских идей привел к появлению консервативного салафитского исламизма, который со временем отделился от средневекового традиционализма и приспособился к современным политическим условиям. Сам процесс политизации салафизма был заложен салафитскими реформистами аль-Афгани и М.Абдо в начале XX в. Однако реформистские салафитские идеи были модифицированы в политическую идеологию созданной в 1928 г. Ассоциацией «Братьев-мусульман», которая на начальных этапах своего возникновения находилась под сильным влиянием салафизма.

В период 50-60-х гг. XX в. складывающийся консервативный салафитский исламизм находился в обороне, поскольку столкнулся с идеями арабского национализма. Находясь под идеологическим прессингом, салафитские идеи стали радикализироваться, дав впоследствии начало отдельному «джихадистскому» направлению в исламизме. В свою очередь, начавшиеся репрессии против Ассоциации вынудили «Братьев-мусульман» эмигрировать в другие страны арабского региона, что привело к развитию консервативного исламизма за пределами Египта.

Вынужденное переселение египетских «Братьев-мусульман» в Саудовскую Аравию, параллельно ознаменовало собой перемещение исламистских идей, которые получили существенное развитие и организационное оформление благодаря финансовой мощи монархий Залива. На рубеже 70-80-х гг. XX в. консервативный салафитский исламизм помог саудовцам приспособиться к процессам глобализации и укрепить свои позиции в арабском регионе опираясь в основном на невооруженные методы.

После временного спада популярности в 90-е гг. XX в. процесс политизации салафитских идей получил новый импульс в период событий «арабской весны», когда в ряде стран арабского региона стали создаваться политические партии. Несмотря на то, что изначально салафиты рассматривали открытое участие в политическом процессе в качестве временной тактической меры, это не могло не повлиять на идеологические взгляды либерально настроенных салафитов, которые высту-

пили за сочетаемость политики с идеями салафизма. Появление либерально настроенных исламистов в рядах салафитских партий и движений правильнее охарактеризовать как неореформистское, поскольку в данном случае т.н. политизация салафизма вышла на принципиально новый уровень.

Безусловно, политизация салафизма должна иметь свои границы. Участие салафитов в политическом процессе должно иметь под собой лишь одну цель, реализацию с помощью властных полномочий тех принципов и идеалов, которые ставятся во главу угла в рамках салафитской доктрины. Достижение политических успехов и реализация намеченных планов развеет иллюзии многих радикальных салафитских групп, не верящих в отстаивание исламских принципов мирными способами. Однако усиление процессов политизации может привести к смыванию различий между консервативным и умеренным исламизмом.

Список литературы / References

1. Мирский Г.И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. М., 2008, 163 с. (Mirskiy G.I. 2008. Islamism, transnational terrorism and Middle East conflicts. Moscow) (In Russ.)
2. Larsson T. 2017. The Islamist Ideology of Hassan al-Banna and Sayyid Qutb. A Comparative Analysis. Oslo, 96 p.
3. Hourani A. 1983. Arabic Thought in the Liberal Age, 1798-1939. Cambridge, 406 p.
4. Campo E.J. 2009. «Abduh, Muhammad», Encyclopedia of Islam. Syracuse, 745 p.
5. Azoulay R. 2015. The power of ideas. The influence of Hassan Al-Banna and Sayyid Qutb on the Muslim Brotherhood organization. *Przeгляд Strategiczny*. № 8, pp. 171-182.
6. Kerr M.H. 1965. Islamic Reform. California, 249 p.
7. Euben R.L., Zaman M.Q. 2009. Princeton Readings in Islamist Thought. Princeton, 560 p.
8. Al-Banna Kh. 1951. Advocacy and preacher notes. (In Arab.) Cairo, 288 p.
9. Kepel G. 2006. The War for Muslim Minds: Islam and the West. Cambridge, 336 p.
10. Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. - конец XX в.). М., 1999, 672 с. (Vasiliev A.M. 1999. History of Saudi Arabia (1745 - end XX c.). Moscow) (In Russ.)
11. Хайруллин Т.Р. Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов? М., 2019, 2014 с. (Khayrullin T.R. 2019. The Struggle for Leadership in the Arab region. Do Islamists have a chance? Moscow) (In Russ.)
12. Wiktorowicz Q. 2006. Anatomy of the Salafi movement. *Studies in Conflict & Terrorism*. № 3, pp. 207-239.
13. Васильев А.М., Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе. Азия и Африка сегодня, 2019, № 10, с. 2-9. (Vasiliev A.M., Khayrullin T.R., Korotayev A.V. 2019. New Alliance in the struggle for leadership in the Arab region. *Aziya i Afrika segodnya*, № 10) (In Russ.) DOI 10.31857/S032150750006519-2
14. Исаев Л.М. Арабская весна и исламское государство. *Неприкосновенный запас*, 2013, № 5, с. 199-215. (Isaev L.M. 2013. Arab spring and the Islamic state. *Emergency ration*. № 5) (In Russ.)
15. Ketchley N. 2017. Egypt in a Time of Revolution, 218 p.
16. Zelin A. Who is Jabhat al-Islah. Carnegie Endowment. 18.07.2012. <https://carnegieendowment.org/sada/48885> (accessed 28.09.2020)
17. Wolf A. New Tunisian Salafist Party: a threat to democratic transition? *Open Democracy*. 14.08.2012. <https://www.opendemocracy.net/en/new-tunisian-salafist-party-threat-to-democratic-transition/> (accessed 26.09.2020)
18. Lorch J. Trajectories of Political Salafism: Insights from the Ahle Hadith Movement in Pakistan and Bangladesh. Middle East Institute. 30.10.2018. <https://www.mei.edu/publications/trajectories-political-salafism-insights-ahle-hadith-movement-pakistan-and-bangladesh> (accessed 24.09.2020)
19. Karim S. Party Politics in Morocco's Salafis? Carnegie Middle East Center. 02.10.2012. <https://carnegie-mec.org/sada/49544> (accessed 10.10.2020)
20. Masbah M. Between Preaching and Activism: How Politics Divided Morocco's Salafis. Moroccan Institute for Policy Analysis. 13.05.2018. <https://mipa.institute/5615> (accessed 12.10.2020)
21. Ahdaf al-Rashad kadim. *Al-Rashad*. 2020. http://alrshad.net/?page_id=74 (accessed 12.09.2020)
22. Al-Sherif A. Egypt's Salafists at a Crossroads. Carnegie Endowment for International Peace. 29.04.2015. <http://carnegieendowment.org/2015/04/29/egypt-s-salafists-at-crossroads/i7y8> (accessed 18.09.2020)
23. The Rashad Union Party. *Islamopedia*. 2020. <https://web.archive.org/web/20160304062040/http://www.islamopediaonline.org/country-profile/yemen/political-landscape/rashad-union-party> (accessed 20.09.2020).
24. Moroccan Salafists disown Salafi Sheikh over election. *Arabi21*. 06.10.2016. (In Arab.). <https://arabi21.com/story/951599/...> (accessed 14.09.2020)

DOI: 10.31857/S032150750012795-6

СТРАТЕГИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В АФРИКЕ ЮЖНЕЕ САХАРЫ ПОСЛЕ БРЕКЗИТА

© 2020 А. АЛЕШИН

АЛЕШИН Александр Андреевич, м.н.с. Отдела международно-политических проблем Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН (aleshin.a@imemo.ru)

Резюме. После выхода из Европейского Союза Великобритания стремится к углублению экономического и военно-политического взаимодействия с государствами в Африке южнее Сахары, укрепляя при этом свою репутацию и субъектность. Выделяются 5 сфер сотрудничества: экономический рост, Сахель, безопасность, климатические изменения, демография. Однако новая стратегия находится в процессе разработки и сталкивается с рядом противоречий и препятствий, в числе которых ограничение внешнеполитического потенциала Великобритании после Брекзита и конкуренция со стороны внерегиональных акторов.

Ключевые слова: Великобритания, Брекзит, «Глобальная Британия», Африка южнее Сахары, Т.Мэй, Б.Джонсон

THE UNITED KINGDOM'S STRATEGY IN SUB-SAHARAN AFRICA AFTER BREXIT

Alexander A. ALESHIN, Junior Research Fellow, Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (aleshin.a@imemo.ru).

Abstract. Given the lack of resources for participating in world political processes alone, the United Kingdom seeks to use financial leverage, "soft power" and its system of alliances to influence political processes in different regions of the world after Brexit, thereby strengthening its position. Despite Africa being secondary in the new foreign policy strategy «Global Britain», after the withdrawal from the European Union, the UK seeks to deepen economic and military-political cooperation with states in Sub-Saharan Africa, strengthening its reputation and subjectivity. There are 5 areas of cooperation for that: economic growth, Sahel, security, climate change, demography. The main focus is on cooperation with Nigeria, Ethiopia, Kenya, South Africa, and the African Union. After Brexit the UK will strive to enter into new political and economic agreements with countries in the region, focusing on humanitarian cooperation and development. Among non-regional partners are China, the US, France and the EU.

However, a new strategy is in the process of development and faces a row of obstacles, including foreign policies confines after Brexit and rivalry from non-regional actors. The conditions for future relations with the EU are not defined, a trade agreement hasn't still concluded. It is not clear whether the UK will continue to participate in the missions of the CSDP. All this will affect the subjectivity of the UK in the region. Also, the strategy itself is not sufficiently structured and worked out. All aspects of the new approach to sub-Saharan Africa will likely be developed after the end of the Brexit transition, that is, after 2020. The consequences of the COVID-19 pandemic and recession in the global economy are also unpredictable for African-British relations.

Keywords: United Kingdom, Brexit, «Global Britain», Sub-Saharan Africa, T.May, B.Johnson

С выходом из Европейского Союза (ЕС) Соединённое Королевство (СК) стремится расширить сотрудничество и партнёрство с неевропейскими акторами. Столпами британского влияния в мире остаются внешнеэкономическая политика, система союзов страны, безопасность и оборона. Однако Брекзит приводит к изменению географических ориентиров, сокращению влияния Великобритании в Европе и поиску её нового места в мире. Правительство стремится к расширению влияния страны во всех регионах мира, в т.ч. в Африке, со многими государствами которой существуют устоявшиеся связи. В новой внешнеполитической стратегии «Глобальная Британия» [1] обозначены подходы к взаимодействию с регионами и отдельными странами после Брекзита, и Африке южнее Сахары (АЮС) в ней отведено отдельное место.

Африка сохранила своё геостратегическое значение: через неё проходят ключевые морские пути из Европы в Азиатско-Тихоокеанский регион, она соединяет Атлантический и Индийский океаны, богата природными ресурсами. СК традиционно является заметным игроком на экономическом и военно-политическом пространствах Африки, принимая активное участие в торговле, инвестициях, обеспечении стабильности и безопасности в регионе. После Брекзита Великобритании необ-

ходимо повышение своей политической и экономической значимости на мировой арене, и Африка может сыграть в этом важную роль.

Сегодня этот континент вновь стал ареной противоборства великих держав. Его осью является глобальное противостояние США и Китая, проявляющееся в Африке в экономической и военно-политической конкуренции. В этих условиях СК сталкивается как с новыми возможностями, так и с вызовами. Кроме того, от конфигурации глобального противоборства зависит баланс свободы и ограниченности внешней политики Великобритании, который может драматически повлиять на её внешнеполитический потенциал в Африке.

Основным документом внешней политики Лондона остаётся Стратегия национальной безопасности и стратегический обзор обороны и безопасности 2015 г. (далее - «Стратегия-2015») [2]. Новые же подходы были изложены в разрозненных документах и выступлениях членов правительства. В связи с этим представляется важным собрать воедино основные новые подходы к политике в отношении Африки южнее Сахары и охарактеризовать их.

Исследование проведено на основе системно-исторического подхода с привлечением количествен-

ных методов, что позволило проследить объёмы политического и экономического сотрудничества с государствами региона, а также сопоставить их с аналогичными показателями для ведущих европейских внерегиональных акторов. Помимо этого, в работе использовался анализ политического дискурса и контент-анализ стратегических документов.

ЗНАЧЕНИЕ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ ДЛЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Многие государства АЮС обладают историческими и культурными связями с СК. 19 из них были британскими колониями: Судан, северо-западная часть Сомали, Кения, Уганда, Танзания, Замбия, Малави, Зимбабве, ЮАР, Ботсвана, Лесото, Свазиленд, Нигерия, северная часть Камеруна, Гана, Сьерра-Леоне, Гамбия, Маврикий и Сейшельские острова, а Намибия - подконтрольной территорией британского доминиона Южно-Африканский Союз.

Во второй половине XX в. колониальная империя распалась, и Великобритания заново выстраивала связи с бывшими колониями. Несмотря на постколониальные антибританские настроения в ряде стран Африки, СК удалось сохранить близкие связи со многими государствами региона во многом благодаря добровольной и относительно мирной деколонизации большинства из них.

Многие бывшие африканские колонии СК вступили в Содружество наций - организацию,

укрепляющую взаимодействие между независимыми государствами, имевшими связи с Великобританией. Это было обусловлено глубокими экономическими связями с бывшей метрополией, а также возможностями, которые предоставляла эта организация, в т.ч. развитие экономических контактов, гуманитарная помощь, образовательное сотрудничество. Сегодня в Содружестве наций состоит 19 государств Африки, а также Мозамбик и Руанда, ранее не входившие в Британскую империю.

Великобритания преследует в Африке южнее Сахары и экономические, и политические, и военные цели. В выпущенном ещё до референдума 2016 г. о выходе из ЕС документе, актуальном и сегодня, - «Стратегии-2015» - подчеркивается, что Великобритания стремится значительно углубить отношения с африканскими странами, способствовать большему экономическому росту и сокращению бедности. Для этого она сотрудничает с региональными государствами, организациями и внешними партнёрами, прежде всего, с США и Францией.

СК тратит 0,7% ВВП на официальную помощь развитию, координируя её через отдельное министерство - Департамент международного развития. Согласно официальной доктрине, она направлена на укрепление безопасности, продвижение равенства возможностей гендеров, доступ к базовым услугам для самых бедных, повышение устойчивости к кризисам и реагирование на бед-

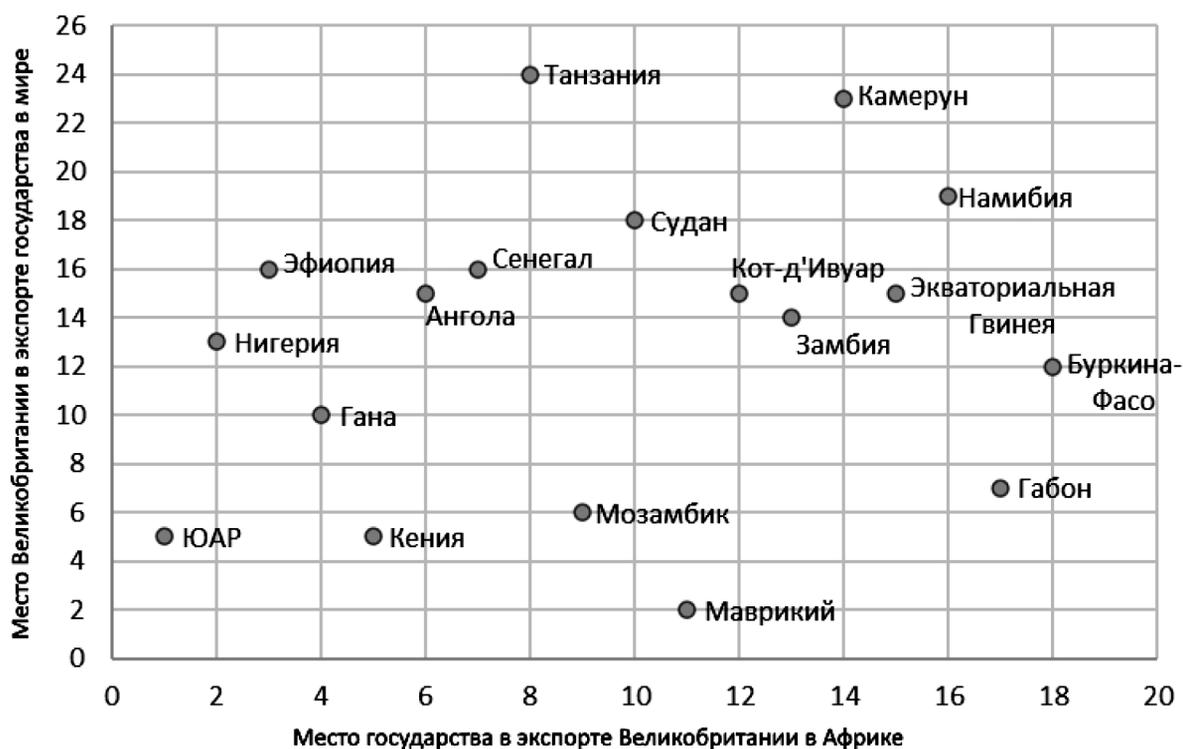

Диаграмма 1. Торговля Великобритании с ведущими экспортёрами её товаров в Африке южнее Сахары в 2019 г.

Источник: International Trade Centre [3].

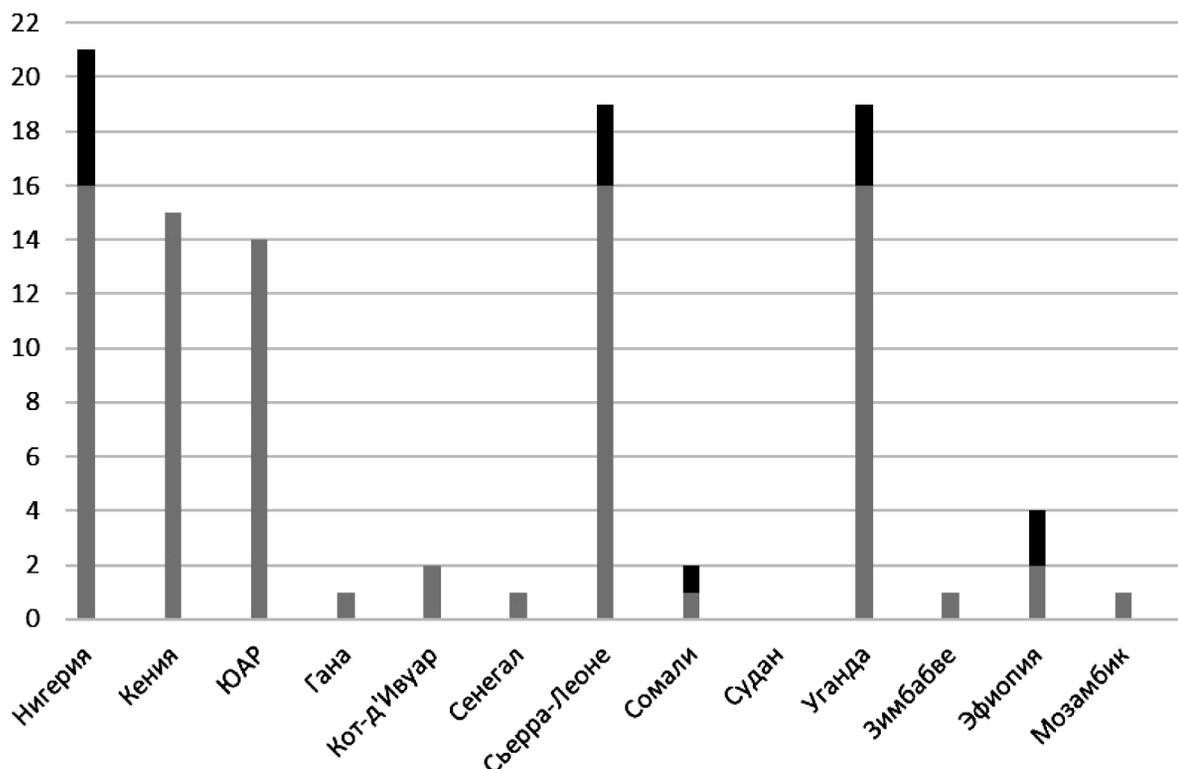

Диаграмма 2. Экономические и политические соглашения Великобритании с некоторыми государствами Африки.

Источник: UK Treaties Online [4].

ствия, упрочение верховенства закона, эффективное управление.

Британское правительство постулирует стремление играть ведущую роль в вопросах безопасности и борьбы с терроризмом в Африке южнее Сахары. Отдельные государства региона имеют с ней политические и военные соглашения. Военный и гражданский персонал занимается содействием и консультированием местных вооружённых сил, а британские новобранцы проходят здесь обучение. Вооружённые силы СК принимают участие в операциях в Сомали, Южном Судане, Мали, Нигерии, Кении, Малави, Ботсване, Замбии, Сьерра-Леоне, Уганде, Танзании и ЮАР.

Военные, полицейские и тренировочные миссии с участием Великобритании частично проходят на двусторонней основе, но по большей части - под эгидой ООН, ЕС, Африканского Союза (АС). В «Стратегии-2015» отмечается, что Афросоюз вместе с ООН и ЕС играет ведущую роль в деле поддержания мира и принуждения к миру в Африке южнее Сахары. Великобритания сотрудничает с АС в поддержании мира, разрешении конфликтов, миграции, управлении и торговле.

Проанализировать динамику и интенсивность внешнеполитического участия Лондона в делах Африки южнее Сахары можно, определив его важнейших партнёров в регионе и рассмотрев количество заключённых двусторонних соглашений в наиболее стратегически важных сферах эконо-

мического и политического сотрудничества. На *диагр. 1* представлены позиции ведущих торговых партнёров Великобритании в АЮС в её экспорте в регион, а также позиции СК в экспорте этих государств в мире.

Отобрав государства по принципу значимости для них и для Великобритании двусторонней торговли и присутствия на их территории британских вооружённых сил (в качестве участников миротворческих миссий или в результате двусторонних договоров), мы рассмотрели двусторонние соглашения, разделив их на экономические и политические. Среди наиболее стратегически важных сфер экономического сотрудничества были выбраны экономическая кооперация, защита инвестиций и торговля; политического - оборона, вопросы дипломатических и межгосударственных отношений. Для анализа соглашений использована база договоров Форин-офиса [3].

На *диагр. 2* приведены данные о 13 государствах, отобранных по вышеописанному принципу, с которыми Великобританией было заключено наибольшее количество соглашений. Важно отметить, что с 1991 г. не было заключено ни одного политического соглашения, а с 2016 по 2020 гг. - ни одного во всех выбранных нами сферах. При этом наибольшее количество договоров было подписано в период с 1920 по 1940 гг., а единственное соглашение в сфере обороны было заключено с Нигерией в 1961 г.

Можно сделать вывод о том, что двусторонние отношения Великобритании с государствами Африки южнее Сахары не имеют высокой интенсивности. Важной причиной этого является относительно низкий уровень экономических связей с регионом. Только одна африканская страна - ЮАР - входит в число 20 ведущих импортёров Великобритании, занимая 19-е место, и ни одна - в число 20 ведущих экспортёров [4].

Не имеет СК здесь и значимых политических интересов. Сокращение влияния в мире после Второй мировой войны и распад колониальной империи привели к смещению зоны большей части стратегических интересов страны в Евроатлантический регион. Среди инструментов влияния Великобритании в мире уменьшается роль военных операций и увеличивается значение «мягкой силы». В последнем направлении страна традиционно находится на ведущих позициях в ряде рейтингов, заняв в 2019 г. 2-е место в мире после Франции¹. Говоря же о первом направлении, со времён Фолклендской войны 1982 г. Великобритания провела в одиночку (вне коалиции государств) только одну военную операцию - «Баррас» в Сьерра-Леоне в 2000 г.

При этом Лондон делает упор на операции в составе коалиций и по мандатам международных организаций. Таким образом, Лондон использует, прежде всего, политические ресурсы других более сильных игроков, делая значительный вклад в многостороннее сотрудничество в Африке южнее Сахары. Это в наибольшей степени соответствует его внешнеполитическим интересам в условиях ограниченности материальных ресурсов и зависимости от более влиятельных союзников (в первую очередь, США). Однако такому подходу сопутствуют определённые ограничения действий, связанные как с позициями союзников, так и недостаточностью влияния для

коренного изменения хода дел и в регионе в целом, и в его субрегионах и государствах, в частности.

НОВЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Правительство Великобритании стремится компенсировать экономические и политические издержки Брекзита за счёт расширения сотрудничества во всех регионах мира и в международных организациях. В условиях недостатка ресурсов для участия в мировых политических процессах в одиночку оно планирует использовать финансовые рычаги, «мягкую силу» и свою систему союзов, чтобы влиять на политические процессы в разных регионах мира. В новой внешнеполитической стратегии «Глобальная Британия» отмечаются ключевые регионы: Северная Америка, Европа, Индо-Тихоокеанский регион. Африка же упоминается ниже наравне с Латинской Америкой.

Впервые о создании нового сотрудничества с Африкой тогдашний премьер-министр Великобритании Тереза Мэй заявила 28 августа 2018 г. в своей речи в Кейптауне (ЮАР) [6]. Основные угрозы в Африке южнее Сахары, оказывающие влияние на Великобританию: рост населения, бедность, изменение климата и проблемы безопасности. Правительство стремится содействовать их решению и использовать возможности на растущих по мере урбанизации рынках. Важную роль в британской политике занимают наиболее динамично развивающиеся державы Африки, такие как Нигерия, Кения, Эфиопия и ЮАР (см. табл. 1), а также партнёрство с АС [1, р. 40].

Новые подходы можно разделить на 5 направлений планируемой деятельности: экономический рост и процветание, проблемы Сахеля, долгосрочная безопасность и стабильность, климатические изменения, демография [8].

Таблица 1

Политические и экономические отношения Соединённого Королевства с Нигерией, Кенией, Эфиопией и ЮАР

	Импорт, \$ млрд*	Экспорт, \$ млрд*	Количество двусторонних соглашений	Из них:**		Визиты членов кабинета СК с 2016 г.	Постоянное размещение военного персонала СК	Размещение советников по обороне
				Экономические	Политические			
Нигерия	1,76	1,67	53	16	5	2	Да	Да
Кения	0,38	0,44	40	15	0	2	Нет	Да
Эфиопия	0,07	0,62	14	2	2	1	Нет	Да
ЮАР	8,46	2,35	90	14	0	1	Нет	Да

* В 2019 году.

** Экономические: экономическая кооперация, защита инвестиций, торговля; политические: оборона, вопросы дипломатических и межгосударственных отношений.

Источник: International Trade Centre [3], UK Treaties Online [4], Foreign & Commonwealth Office [7].

¹ По рейтингу *The Soft Power* 30 [5].

Для экономического развития планируется рост частных и государственных инвестиций, способствование увеличению налоговых доходов в странах Африки, укрепление двусторонней торговли. Великобритания планирует к 2022 г. достичь лидерства в инвестициях в Африку среди стран «Группы семи», увеличив их количество на 75% по отношению к 2017 г. и выделив из них 3,5 млрд ф.ст. из бюджета [6].

На прошедшем 20 января 2020 г. в Лондоне Британо-Африканском инвестиционном саммите правительством было заявлено, что новая торговая и инвестиционная политика Великобритании в Африке будет преследовать цели укрепления торговых отношений, поддержания экономических преобразований в африканских странах, финансирования их инфраструктуры, развития экологически чистой энергетики. Были объявлены дополнительные расходы в размере 1,5 млрд ф.ст. на цели развития. Отмечен рост торговли на 7,5% за двухлетний период [9].

В качестве официальной помощи развитию (ОПР) в 2017 г. Великобритания отправила в Африку почти 3 млрд ф.ст., что составляет 34,04% от всей помощи развитию страны и 0,15% ВВП [10, р. 176]. В Африке действуют британские Фонд по конфликтам, стабильности и безопасности (*CSSF*) и Фонд процветания, деятельность которых планируется расширить. Наибольшие расходы *CSSF* в 2017 г. пришлось на Нигерию, Судан и Южный Судан, а Фонда процветания - на Нигерию, Кению и ЮАР.

Отдельное внимание уделяется проблемам Сахеля. Великобритания является членом «Альянса Сахеля»². В 2015-2019 гг. она предоставила гуманитарную помощь 2,3 млн человек в регионе, став третьим по величине помощи донором. С 2014 г. ею было внесено 50 млн ф.ст. в развитие национальных систем социальной защиты и 30 млн - на поддержку образования в Сахеле и соседних странах. Также в последние годы СК увеличило своё дипломатическое представительство в Мали, Мавритании, Сенегале, Нигере и Чаде.

В сфере безопасности отмечаются задачи предотвращения и разрешения конфликтов путём сотрудничества с африканскими институтами, борьбы с организованной преступностью, управления миграцией и создания более сильных региональных и национальных учреждений общественного здравоохранения.

Военная политика Лондона в Африке преследует 4 цели: противодействие терроризму, гуманитарная помощь, миротворчество и борьба с браконьерством [11]. На 1 апреля 2019 г. в Африке южнее Сахары на постоянной основе было расквартировано 12 военных атташе и 320 регулярных военных, количество которых будет увеличиваться в соответствии с уже существующими договорённостями с рядом стран (например, в Сомали, Юж-

ном Судане, Нигерии, Мали) [12]. 22 февраля 2019 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании с АС, а 13 мая - Меморандум о взаимопонимании в сфере обороны с Мозамбиком.

Такая политика способствует укреплению безопасности в регионе, что повышает его инвестиционную привлекательность, в т.ч. и для британского бизнеса. Защита торговых путей увеличивает возможности для британского экономического и военного присутствия в Азии и Южной Америке. Одновременно повышение роли Великобритании в Африке увеличивает привлекательность торговли с этим государством для других стран, а также увеличивает его значимость для союзников, в первую очередь США.

По вопросам устойчивого развития планируется оказывать помощь в его интегрировании в долгосрочное планирование государств, выполнению Парижского соглашения по климату, упрощению доступа к климатическому финансированию, а также инвестировать в экологически чистую энергетику и запустить в 2020 г. новую программу технического содействия стоимостью 250 млн ф.ст.

Для регулирования демографии Великобритании предлагает содействие в расширении доступа к качественному образованию и здравоохранению, включая инструменты добровольного планирования семьи, в преодолении гендерного неравенства, в создании рабочих мест. Правительство обязуется до 2022 г. ежегодно тратить 225 млн ф.ст. на добровольное планирование семьи в странах по всему миру с низким уровнем дохода - при этом пока не ясно, какая сумма будет отправлена именно в Африку.

Эффективным инструментом политического влияния Великобритании и площадкой для диалога остаётся Содружество наций. К 2022 г. объём торговли внутри Содружества должен вырасти не менее чем на 17% и составить около \$700 млрд [13]. СК стремится увеличить торговлю со странами Содружества, тем самым снизив негативные эффекты Брекзита. Вместе с этим, площадка является инструментом продвижения «мягкой силы» Великобритании, в т.ч. демократических и либеральных ценностей.

Среди внерегиональных партнёров отмечается Китай как важный игрок в Африке, США, ЕС и Франция - как влиятельные государства и стратегические партнёры Великобритании. Кроме того, упоминаются Германия, Турция, Бразилия, Россия и государства Персидского залива - как наращивающие активность в регионе.

ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

У новых подходов Лондона существует ряд препятствий, которые могут помешать их реализации. В «Стратегии-25» отсутствует детально проработанный план её реализации, не ясно, как

² Sahel Alliance - международная платформа для содействия государствам Сахеля, в которую входят Франция, Германия, Великобритания, Италия, Испания, ЕС, ООН, Всемирный банк, Африканский банк развития (прим. авт.).

Таблица 2

Товарооборот некоторых стран с интеграционными объединениями Африки в 2019 г. (\$ млрд)

	Великобритания	Франция	США	Китай	Россия
COMESA	6,04	9,68	14,82	47,95	8,72
ECOWAS	7,01	11,18	13,62	39,02	2,21
ECCAS	0,38	1,86	2,56	20,30	0,26
SADC	12,64	7,43	21,77	95,53	1,74
Всего	26,07	30,15	52,77	202,80	12,93

Источник: International Trade Centre [3].

она будет работать с частным сектором, как будет происходить взаимодействие между департаментами, какие будут временные рамки её реализации, каков её бюджет [14]. Те же вопросы задают и обо всей стратегии «Глобальная Британия». В выпущенном в марте 2018 г. докладе Палаты общин парламентарии отметили непонимание парламента, чем новая глобальная политика будет принципиально отличаться от прежней, помимо торговых соглашений [15]. Стоит ожидать, что подобная поверхностность, отсутствие детальности и во многом импровизирование будут присущи британскому внешнеполитическому дискурсу вплоть до разработки новой стратегии национальной безопасности. Однако до окончания переходного периода Брекзита основные ресурсы правительства будут направлены на переговоры с ЕС.

Кроме того, оппоненты правительства часто вспоминают, что в 2002 г. Энтони Блэр объявлял о новой эре сотрудничества Африки и стран Запада. Однако рост сотрудничества СК с Африкой был незначительным [16]. В связи с этим существуют опасения, что за сегодняшней риторикой существенных изменений не последует.

Проблемы стратегии СК в Африке южнее Сахары особенно актуальны в контексте развивающейся серьёзной конкуренции на материке между великими державами. Великобритания отстаёт от ведущих внерегиональных игроков по количеству политических контактов со странами Африки, интенсивности экономических связей (см. табл. 2), количеству дипломатических представительств [17]. Для сравнения: Франция в 2016 г. размещала в Африке более 14 тыс. военнослужащих (Великобритания - 500), её дипломатический корпус в регионе был больше британского в 7 раз, а её президент Э.Макрон только за первый год в должности посетил 11 государств Африки [16].

Кроме того, Великобритания может столкнуться с противоречиями экономических интересов США, которые являются их значимым союзником, крупным торговым и инвестиционным партнёром, а также с конкуренцией со стороны ЕС. Всё это накладывает на британский внешнеполитический потенциал определённые ограничения.

Помимо этого, пока не ясно, удастся ли Лондону быстро заключить новые двусторонние согла-

шения со странами Африки в сферах безопасности и торговли. Неизвестно и то, на каких условиях эти договоры будут составлены. В первом направлении Великобритания участвует в миссиях ЕС, и пока нельзя сказать, продолжится ли это участие. В экономической сфере до заключения двусторонних соглашений торговля с государствами региона будет вестись по правилам ВТО, условия которых уступают соглашениям об экономическом партнёрстве, которые заключал ЕС с некоторыми группами африканских стран. Кроме того, в случае Брекзита без сделки правительство может пойти на сокращение тарифов для ряда стран, из-за чего африканские государства столкнутся с повышенной конкуренцией на британском рынке [18].

Третьей проблемой могут стать экономические потери Великобритании от выхода из ЕС. Пока не ясно, будет ли заключено торговое соглашение с ЕС по окончании переходного периода Брекзита. На фоне негативных прогнозов наблюдается отток инвестиций - с момента проведения референдума 2016 г. из экономики было выведено более \$30 млрд [19]. Политическая неопределённость сказалась и на росте нестабильности курса фунта стерлингов. Если негативные прогнозы сбудутся, правительство будет вынуждено урезать расходы, и, в первую очередь, это коснётся департамента внешних связей и министерства обороны. В этом случае реализация новой африканской стратегии вряд ли осуществима в заявленных правительством масштабах, что, впрочем, касается и всей стратегии «Глобальная Британия».

* * *

Суммируя вышесказанное, можно разделить стратегию политики Великобритании в Африке южнее Сахары на 3 уровня. Первый - экономическое сотрудничество, которое основано на стремлении выхода британского капитала на новые рынки. Вследствие замедления глобального экономического роста и увеличения конкурентности и конфликтности между великими державами это стремление стало одной из важных причин самого Брекзита. В результате выхода из ЕС Великобритания получит большие возможности в Африке, однако их степень и способность правительст-

ва их использовать зависит от условий (и наличия) торгового соглашения с ЕС. Кроме того, важную роль будут играть и внерегиональные акторы, сотрудничество и конкуренция с ними в регионе.

Второй уровень - военно-политическое взаимодействие, которое призвано обеспечить стабильность и безопасность в Африке для успешного развития местных экономик, защиты британского бизнеса, а также обеспечения безопасности в Европе. Ключевое значение здесь имеет политика внерегиональных влиятельных государств, в первую очередь, США и Китая. От отношений этих двух держав зависит степень свободы внешней политики Великобритании в связи с ограничениями, накладываемыми тесными связями Лондона с Вашингтоном.

Третий уровень - репутационно-идеологический. При любом варианте решения вопроса о торговом соглашении с ЕС СК понизит свою субъектность на мировой арене. Африка южнее Сахары - наиболее подходящая площадка для проецирования глобального влияния, использования

«мягкой силы», создания экономических возможностей, укрепления лидерства как на региональном, так и на глобальном уровнях, повышения субъектности государства. Поэтому после Брекзита Лондон будет стремиться заключать новые политические и экономические соглашения со странами региона, делая акцент на гуманитарном сотрудничестве и развитии.

Важно отметить, что на сегодняшний день стратегия СК в Африке южнее Сахары, как и сама стратегия «Глобальная Британия», фрагментирована, противоречива, поверхностна и не сведена в единый документ. Правительству предстоит разработать новую стратегию национальной безопасности, где будут структурированно изложены новые подходы страны к мировой политике. Скорее всего, это состоится уже после окончания переходного периода Брекзита, т.е. после 2020 года.

Кроме того, пока непредсказуемы последствия для африкано-британских отношений пандемии COVID-19 и начавшейся рецессии в мировой экономике.

Список литературы / References

1. Memorandum from the Foreign and Commonwealth Office. 12.03.2018. https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfa/780/78008.htm#_idTextAnchor035 (accessed 19.05.2020)
2. National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478933/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_web_only.pdf (accessed 19.05.2020)
3. International Trade Centre. <https://www.trademap.org/> (accessed 20.05.2020)
4. UK Treaties Online. <https://treaties.fco.gov.uk/responsive/app/consolidatedSearch/> (accessed 20.05.2020)
5. The Soft Power 30. <https://softpower30.com/> (accessed 20.05.2020)
6. PM's speech in Cape Town: 28 August 2018. <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-in-cape-town-28-august-2018> (accessed 20.05.2020)
7. Foreign & Commonwealth Office. <https://www.gov.uk/government/organisations/foreign-commonwealth-office> (accessed 28.05.2020)
8. Written evidence from the Foreign and Commonwealth Office on behalf of Her Majesty's Government House of Commons Foreign Affairs Committee Inquiry Beyond Aid: The UK's Strategic Engagement in Africa. <http://data.parliament.uk/writtenevidence/committeeevidence.svc/evidencedocument/foreign-affairs-committee/beyond-aid-the-uks-strategic-engagement-in-africa/written/105575.pdf> (accessed 22.05.2020)
9. UK Government Statement. 20.01.2020. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/859314/2020_01_20_AIS_-_UK_Government_Statement_-_Final_Version.pdf (accessed 22.05.2020)
10. Annual Report and Accounts 2018-19. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/815787/ARA-2019.pdf (accessed 23.05.2020)
11. The British Army in Africa. <https://www.army.mod.uk/deployments/africa/> (accessed 23.05.2020)
12. Ministry of Defence Annual Report and Accounts 2018-19. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/831728/MOD_Annual_Report_and_Accounts_2018-19_WEB_ERRATUM_CORRECTED.pdf (accessed 23.05.2020)
13. Britain hoping for Brexit boost from Commonwealth summit. *FMT News*. 16.04.2018. <https://www.freemalaysiatoday.com/category/world/2018/04/16/britain-hoping-for-brexite-boost-from-commonwealth-summit/> (accessed 25.05.2020)
14. Written evidence from APPG for Africa. <http://data.parliament.uk/writtenevidence/committeeevidence.svc/evidencedocument/foreign-affairs-committee/beyond-aid-the-uks-strategic-engagement-in-africa/written/104790.html> (accessed 24.05.2020)
15. Global Britain. House of Commons Foreign Affairs Committee, Sixth Report of Session 2017-19. <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfa/780/780.pdf> (accessed 25.05.2020)
16. Mitchell I., Timmis H. Follow the New UK Partnership with Africa: From Rhetoric to Reality. *Center for Global Development*. 31.08.2018. <https://www.cgdev.org/blog/new-uk-partnership-africa-rhetoric-to-reality> (accessed 25.05.2020)
17. Кулькова О.С. Место Африки в концепции «Глобальной Британии». *Доклады Института Европы*. М., 2018, № 356, с. 103-109. (Kulkova O.S. Africa in the «Global Britain» concept. *Reports of the Institute of Europe*. № 356. Moscow) (In Russ.)
18. Suess J. The UK's policy towards Africa post-Brexit. *Policy Center for the New South*. 05.2019. <https://www.policycenter.ma/sites/default/files/PCNS-PB1719.pdf> (accessed 25.05.2020)
19. Investors pull billions from UK on prospect of no-deal Brexit. *Financial Times*. 31.08.2019. <https://www.ft.com/content/e9ed11e0-7fb4-35ec-b2d2-1cfc09fec50a> (accessed 24.05.2020)

DOI: 10.31857/S032150750012796-7

«МИРНЫЙ ОСТРОВ» ЧЕДЖУДО: ПОЛИТИЧЕСКОЕ БРЕНДИРОВАНИЕ РЕГИОНА И ФОРМИРОВАНИЕ ЕГО ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА

© 2020 Н. ЧЕСНОКОВА

ЧЕСНОКОВА Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (chesnatalie@gmail.com)

Резюме. Рассматривается «бренди́рование» регионов на примере Республики Корея. Согласно нашему исследованию, в 2000-х гг. с потеплением отношений между государствами Корейского полуострова южнокорейское правительство стало продвигать остров Чеджудо под брендом «остров мира», что было позитивно воспринято как в РК, так и в КНДР, и по-прежнему актуально. Исследование опирается на контент-анализ СМИ РК, деятельность Чеджуского института мира, риторику южнокорейских президентов по отношению к этому острову в 2000-2020 гг.

Ключевые слова: Корейский полуостров, Республика Корея, КНДР, Чеджудо, бренди́рование, сотрудничество

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 20-01-068 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2020-2021 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

“PEACEFUL ISLAND” JEJU: POLITICAL BRANDING OF THE REGION AND FORMATION OF ITS POSITIVE IMAGE

Nataliya A. CHESNOKOVA, PhD (History), Associate Professor, HSE University (National Research University Higher School of Economics) (chesnatalie@gmail.com)

Abstract. The article focuses on the branding of regions, namely the case of Jeju Island in the Republic of Korea. As my research states, in the 2000s, with the warming relations between the states on the Korean peninsula, the South Korean government began to promote Jeju Island with a brand “Island of peace”. It was positively taken both in the DPRK and the RK, and is still highly demanded.

The article is based on the content analysis of the South Korean media, the open documents of the Jeju Peace Institute, the rhetoric of current South Korean president Moon Jae-in and his predecessors. The goal of the study is to examine whether Jeju Island is really associated with the idea of the “island of peace” among Korean citizens and whether there are any other well-established inter-Korean symbols of long-term cooperation.

The study proves that even though the idea of the “island of peace” is often supported by the government of the ROK, it is still not wide-spread term among common people. Nevertheless, it can indeed be the “island of peace” through an appeal to the well-established centuries-old dualism of the two highest mountains on the Korean peninsula - Baektusan located in the DPRK, and Hallasan, located in the ROK, on Jeju. This dualism is often used as a synonym to the whole Korean peninsula and is positively understood by people both in the ROK and the DPRK. So, it is possible to conclude that in the near future the dialogue between the ROK and the DPRK will be symbolized by these images.

Keywords: Korean peninsula, Republic of Korea, DPRK, Jeju Island, branding, cooperation

Формирование положительного образа региона способствует повышению его статуса и однозначно связано с привлечением инвестиционного потока и продвижением региона в государственном, а, возможно, и мировом пространстве. Рассмотрим южнокорейский остров Чеджудо как пример успешного бренди́рования.

Чеджудо (кор., досл. - «остров Чеджу») - самый крупный остров Республики Корея. С 2006 г. - это единственная провинция с особой автономией, административный центр - г. Чеджу. Войдя в состав Кореи (государство Корё, 918-1392 гг.) в Х в., Чеджудо служил местом ссылок, пастбищем. Известен цитрусовыми и промыслом морских деликатесов. При Пак Чонхи (президент РК, 1963-1979) стал популярным курортом, коим и остается до сих пор.

Для современной политики подобная историческая память ценна, но не функциональна. С 2000-х гг. Чеджудо в южнокорейском политиче-

ском дискурсе начинает упоминаться под брендом «остров мира», что влияет на его восприятие в глобальном международном диалоге.

ЧЕДЖУДО В ЮЖНОКОРЕЙСКИХ СМИ

Обратимся к южнокорейскому сайту *Big Kinds*, позволяющему провести контент-анализ 54 основных СМИ РК в 1990-2020 гг. [1].

СМИ называли Чеджудо «островом мира» еще в начале 1990-х гг., но эпизодически (в 1991-1996 гг. - 3-5 раз) (см. *диагр.*), однако в 2000 г. видим уже 194 упоминания. Причина - первая встреча лидеров РК (Ким Дэджун, 1998-2003) и КНДР (Ким Чен Ира, 1994-2011) в Пхеньяне в июне 2000 г. В неформальном диалоге, попавшем в новостные хроники, лидеры двух государств изъявляли желание подняться на горы Халласан и Пэктусан¹ [2], что, как показывает представленное ни-

¹ Халласан - самая высокая гора в Южной Корее, расположенная на Чеджудо; Пэктусан - самая высокая гора в КНДР и на Корейском полуострове (*прим. авт.*).

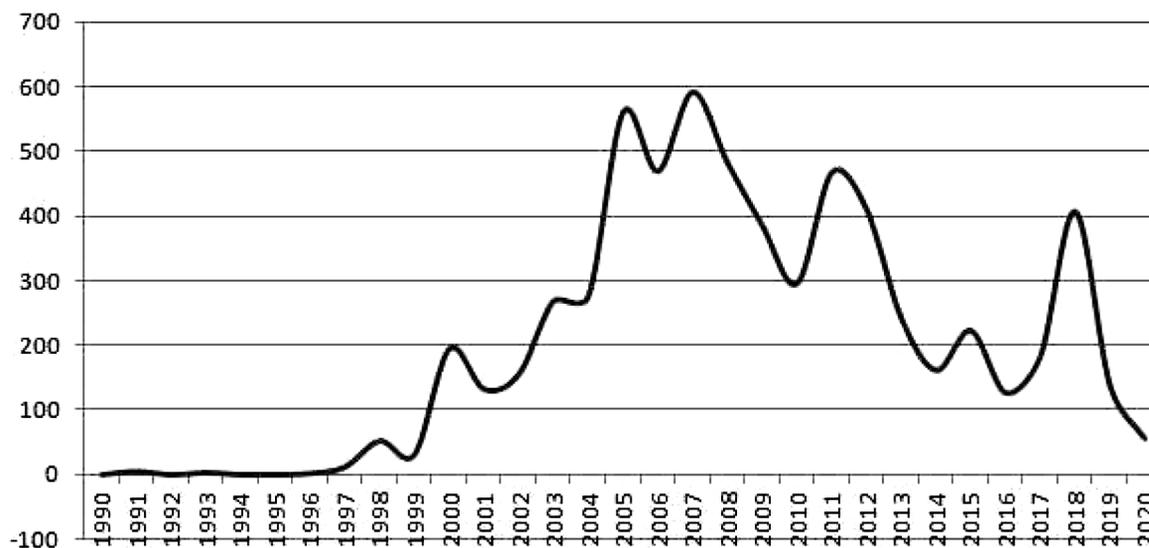

Диаграмма. Упоминания Чеджудо как «остров мира» в южнокорейских СМИ с 1990 г. до июня 2020 г. (число упоминаний / год).

Примечание: Учитываются не все упоминания Чеджудо, а именно те, где журналисты называют его «остров мира».

Составлено автором по: [1].

же исследование, подразумевало потенциальное укрепление межкорейских отношений.

Резкое увеличение числа упоминаний - более 550 в 2005 и 2007 гг. - связано с началом брендинга «острова мира» президентом Но Мухёном (2003-2008) и улучшением межкорейских отношений. Впоследствии словосочетание начинает выходить из употребления, что мы соотносим с приходом к власти в РК президентов-консерваторов - Ли Мёнбака (2008-2013) и Пак Кынхе (2013-2016). Нельзя сказать, что они были против межкорейского диалога - стабилизация ситуации на Корейском полуострове и его безопасность по-прежнему требовали пристального внимания и участия, но изменялись и внешнеполитическая ситуация, и особенности политического курса каждого из лидеров.

Следующий «пик» упоминаний - в 2011-2012 гг. (466 и 409), в то время как 2010 г. отмечен низкими показателями, что связано с обострением межкорейских отношений из-за затопленного северными корейцами в марте 2010 г. корвета ВМС РК «Чхонан». Кроме того, в 2011 г. на Чеджудо начинается строительство военной базы, что вызывает недовольство корейцев, появляются многочисленные публикации, вопрошающие о правомерности таких действий на «острове мира».

Как видно на *диаграмме*, словосочетание «остров мира» в период президентства Ли Мёнбака и Пак Кынхе использовалось редко, хотя в 2013 г. Пак Кынхе выдвинула внешнеполитический проект - «Инициатива по укреплению мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии». Но непосредственно с Чеджудо он никак не был связан. Предполагалось, что КНДР сможет использовать механизмы, выдвинутые Инициативой, для решения отдельных собственных проблем (подробнее см.: [3]).

В первой половине 2013 г. проводимая Пак Кынхе политика действительно снижает уровень напряженности между КНДР и РК. В феврале 2014 г. и октябре 2015 г. состоялись встречи разделенных семей; в августе 2015 г. подписано «Двустороннее соглашение по снижению напряженности в отношениях». Однако отношения между Севером и Югом не стали доверительными - а, напротив, развивались по традиционному сценарию, где имели место политические провокации и военные инциденты [4]. Мирное взаимодействие между странами Корейского полуострова находилось к 2016 г. на чрезвычайно низком уровне, что мы также видим на *диаграмме*.

В 2017 г. к власти приходит демократ Мун Джэин. Его политика способствует росту упоминаний «Чеджудо - остров мира» (406 в 2018 г.), в т.ч. благодаря успехам дипломатии и встречам в 2018 г. с лидером КНДР Ким Чен Ыном. Но в 2019 г. кривая на *диаграмме* вновь ползет вниз, т.к. уже в мае Чеджудо ассоциировался с такими словами, как «мелкая пыль», «преступность» или «пляж» [5]. После запуска северокорейских баллистических ракет южнокорейская газета «*Кукче синмун*» («Международная газета») выходит со статьей «Год после переговоров в Пхеньяне», где ставит под сомнение эффективность достигнутых Мун Джэином результатов [6]. Хотя анализ его действий, напротив, указывает, что межкультурный диалог между КНДР и РК был установлен, и лидеры стран заговорили на одном семантическом языке.

ДВА ПОЛЮСА ЕДИНОЙ КОРЕИ

До разделения полуострова по 38-й параллели после Второй мировой войны самой высокой го-

рой Корейского полуострова была Пэктусан (2744 м), ныне находящаяся в КНДР, а Халласан, вторая по высоте (1947 м), - на острове Чеджудо.

Корейская литература начала XX в. часто обращается к словосочетанию «Пэкту-Халла» как символу единой Кореи. После разделения каждое из государств получило «свою гору», прочно ассоциируемую с территорией, на которой она находится. Так, например, говоря «Халласан», корейцы часто подразумевают «Чеджудо», и наоборот.

Поэтому словосочетание «Пэкту-Халла» имеет более устойчивое семантическое значение, чем «Чеджудо - остров мира», и оба выражения используются в СМИ для укрепления позитивного образа Чеджудо и межкорейского сотрудничества. В официальных документах РК на первом месте сейчас - Халласан; т.е. «Халла-Пэкту».

Хотя дуальность проговаривалась еще Ким Дэджун и Ким Чен Иром, в дальнейшем она не получила развития, пока в 2013 г. Ким Чен Ын не поднялся на Пэктусан. Это было связано с легитимностью его власти в КНДР и продолжением «культы личности», но позволило РК спустя несколько лет использовать данный факт для брендинга Чеджудо и начала нового межкорейского диалога.

Взглянем, например, на учебную литературу, спонсируемую правительством РК и предназначенную для изучения за рубежом. Выпускается она Академией корейских исследований (AKS). В 2017 г. вышло новое издание англоязычного учебника по географии Кореи [7].

Помимо сведений о физической географии острова, государственный учебник включает легенду о трех основателях Чеджудо, якобы явившихся из-под земли - Ко, Яне и Пу, обращая внимание читателя, что этот миф не входит в противоречие с мифом об основателе корейской нации - «Тангуне, сошедшем с небес». Это замечание закрепляет дуальность, т.к. формируется параллель: север (Пэктусан) и юг (Халласан), один основатель - группа основателей, явление с неба - явление из-под земли. Для поддержания этой исторической формулы авторы учебника даже пошли против «официального» мифа о Тангуне, согласно которому с небес спустился Хванун, отец Тангуна. Отметим, что Тангун и Пэктусан имеют особое значение для КНДР, где неотъемлемо ассоциируются с правящим кланом Ким.

Даже допуская, что авторы государственного учебника ошиблись, мы не можем игнорировать факт навязываемой дуальности на втором и третьем межкорейских саммитах.

«Церемониальный» второй саммит 27 апреля 2018 г. в Пханмунджоме завершился посадкой сосны на демаркационной линии в Зоне Объединенной безопасности. Высажена она в смесь земли с гор Пэктусан и Халласан и полита водой из рек Амноккан (КНДР) и Ханган (РК).

Во время третьего саммита 18-20 сентября 2018 г. президент РК Мун Джэин выступил перед

жителями Пхеньяна, обозначив территорию Кореи «от Пэктусана до Халласана» [8]. Тогда же Мун Джэин, Ким Чен Ын и их супруги поднялись на Пэктусан.

Отметим, что дуальность «Пэктусан-Халласан» совершенно естественно воспринимается по обе стороны 38-й параллели - помимо выше упомянутых речей лидеров КНДР, мы встречаем ее, например, на размещенных в Пхеньяне рекламных стендах автомобильной компании «*Pyonghwa Motors*», где первое слово означает «мир» [9].

В СМИ 2018 г. Чеджудо характеризуется как «третье место» (в СМИ обсуждались Улан-Батор и Стокгольм), где могли бы встретиться лидеры РК, КНДР и США для переговоров; как «символ мира» и «эпицентр мира» [11]; «посредник» между КНДР и РК; и даже как «место рождения матери Ким Чен Ына»² [10]; «посредник» между КНДР и РК, Значительное число статей развивали бренд «мирного острова» через межкорейское сотрудничество и горную дуальность, что позволило южно-корейскому политологу Чхве Чонмуку заключить, что Чеджудо и Халласан стали неразрывно ассоциироваться с потенциальным визитом Ким Чен Ына и урегулированием межкорейских конфликтов (см.: [12]). Но Ким Чен Ын не приехал в 2019 г. в Южную Корею, и брендинг Чеджудо как «остров саммита» уступило «острову мира», хотя оба тезиса не противоречат друг другу.

Рассмотрим, как поддерживают брендинг правительственные организации, среди которых - Чеджуский исследовательский институт мира (далее - Институт мира).

«ПЛАН “ОСТРОВА МИРА” ПО МИРНОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ 2.0»

Институт расположен на Чеджудо, открыт в 2006 г. Под его опеку переведены ежегодные «Чеджуский форум [мира и процветания]» (проводится с 2001 г) и конференция по разоружению и мирному урегулированию конфликтов - «Чеджуский процесс» (проводится с 2001 г.).

Согласно сайту Института мира, его цель - продвижение представления о регионе как мирного и готового к диалогу; укрепление статуса Чеджудо как «острова мира»; постепенное превращение Института в основную всемирную организацию, которая занимается разработкой и продвижением инициатив, направленных на ослабление вооруженного военного противостояния [13].

В марте 2020 г. Институт мира выступил с результатами «Плана “острова мира” по мирному урегулированию 2.0», провозглашенного в 2017 г. [14]. Отчет представляет итоги деятельности 17 проектов, которые были запущены с 2005 г., из которых 9 все еще продолжаются, 8 - успешно реализованы. Также обнародованы планы 14 новых проектов.

² Сомнительное заявление, не соответствующее реальности (прим. авт.).

Экономические проекты - результат успешной инвестиционной политики и успешного брендинга, но нас, в первую очередь, интересуют сферы, связанные именно с брендингом Чеджудо. Это:

- «мировое сотрудничество по вопросам мира» - 6 проектов. *Продолжаются*: «развитие “Чеджуского форума”», «привлечение международных организаций и совместное проведение конференций», «установление мирного сотрудничества в Северо-Восточной Азии». *Новые*: «официальная помощь в целях развития (ОПР)», «план по развитию Чеджудо», «организация диалога между государствами Дальнего Востока на базе Чеджудо»;

- «сотрудничество между государствами Корейского полуострова» - 6 проектов. *Продолжаются*: «проведение межкорейских переговоров на базе Чеджудо», «обмен товарами местного производства между Чеджудо и КНДР». *Новые*: «туристическое сотрудничество между РК и КНДР “Халла-Пэкту”», «совместное научное исследование и сотрудничество по вопросам сохранения экологии [гор] Халласан и Пэктусан», «мирный круиз и сотрудничество с государствами Северо-Восточной Азии в туристической сфере», «создание канала связи между Чеджудо и КНДР»;

- «распространение культуры мира» - 4 проекта. *Продолжаются*: «Академия мира Плюс», «создание большого парка мира на Чеджудо». *Новые*: «развитие образования по вопросам мира на Чеджудо», «неделя мира на Чеджудо» (см.: [15]).

По названиям проектов отчетливо видно, что Чеджудо позиционируется как коммуникативный центр для осуществления международного межкультурного диалога и «остров мира».

* * *

Вопрос, который заслуживает отдельного исследования, - является ли целевой аудиторией, для которой конструируется «изобретенная традиция», только мировое сообщество или же и население Корейского полуострова? Опираясь на «План 2.0» Института мира, мы можем предположить, что если сотрудничество между государствами Корейского полуострова обозначается именно через формулу «Халласан - Пэктусан», то это устоявшаяся дуальность.

В дальнейшем представляется необходимым рассмотреть реальные шаги, которые будут приняты правительством Республики Корея и Институтом мира, для продолжения брендинга Чеджудо как «острова мира» и отражение этой деятельности в южнокорейских СМИ.

Список литературы / References

1. Big Kinds (In Kor.). <https://www.bigkinds.or.kr/> (accessed 29.05.2020)
2. Proceedings of the first inter-Korean summit with a strong sense of humor (In Kor.). <https://www.youtube.com/watch?v=aX4NRbgVZUk> (accessed 05.05.2020)
3. Ланцова И.С. Инициатива президента Республики Корея Пак Кынхе и проблема институционализации сотрудничества в сфере безопасности в Северо-Восточной Азии. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2015. № 4. С. 93. (Lantsova, I.S. 2015. The Proposal of Park Guen-hye, President of the Republic of Korea, and its contribution to institutionalization of security cooperation in Northeast Asia. *Azimuth of Science Research: Economics and Management*, № 4) (In Russ.)
4. Лукин А.Л., Коротич С.А. Евразийская инициатива после Пак Кын Хе: развитие, современное состояние и перспективы южнокорейских интеграционных процессов. *Известия Восточного института*. 2016. № 4. С. 104. (Lukin A.L., Korotich S.A. 2016. Eurasian proposal after Park Guen-hye: development, current state and perspectives of South Korean integration processes. *Proceedings of the Institute of Eastern Studies*, № 4) (In Russ.)
5. «Window to Big Data»: What comes in April and May? Ask Big Data not the psychics 30.03.2019 (In Kor.). http://news.khan.co.kr/kh_news/khan_art_view.html?artid=201903300600015&code=940100 (accessed 31.05.2020)
6. Year after the Pyongyang Summit. 16.09.2019 (In Kor.). <http://www.kookje.co.kr/news2011/asp/newsbody.asp?code=1700&key=20190916.22026006509> (accessed 31.05.2020)
7. Geography of Korea. Academy of Korean Studies. *Understanding Korea*. 2017, № 7, pp. 261-262.
8. Address by President Moon Jae-in at May Day Stadium in Pyeongyang. 20.09.2018. <http://www.korea.net/Government/Briefing-Room/Presidential-Speeches/view?articleId=163727> (accessed 06.05.2020)
9. Тюдор Д., Пирсон Дж. Северная Корея изнутри: черный рынок, мода, лагеря, диссиденты и перебежчики. М., 2018, с. 95. (Tudor D., Pearson J. 2018. North Korea Confidential: Private Markets, Fashion Trends, Prison Camps, Dissenters and Defectors. Moscow (In Russ.)
10. Nervous war over the place of North Korea-US meeting. 17.04.2018 (In Kor.). <https://www.fnnews.com/news/201804161724162249> (accessed 31.05.2020)
11. The world must come to an end to the Cold War on the Korean Peninsula. 27.06.2018 (In Kor.). <http://www.jemin.com/news/articleView.html?idxno=525780> (accessed 31.05.2020)
12. Going to a Society of Trust. 19.11.2018 (In Kor.). http://news.khan.co.kr/kh_news/khan_art_view.html?artid=201811192104015&code=990100 (accessed 31.05.2020)
13. Jeju Peace Institute (In Kor.). <http://www.jpi.or.kr/kor/introduction/point.sky?code=point> (accessed 04.05.2020)
14. Jeju Peace Institute. Skyboard (In Kor.). http://www.jpi.or.kr/skyboard/read.sky?id=31&page=1&code=sy_enGjeju&code=&search=&searchString= (accessed 04.05.2020)
15. Announced results of the service for the “World Peace Island Peace Practice Project 2.0 Initiative” (In Kor.). <https://www.jeju.go.kr/news/bodo/list.htm?act=view&seq=1235622> (accessed 05.05.2020)

DOI: 10.31857/S032150750012797-8

БЕНИН: ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ (К 60-летию независимости)

© 2020 Т. ДЕНИСОВА, С. КОСТЕЛЯНЕЦ

ДЕНИСОВА Татьяна Сергеевна, к.и.н., вед.н.с., зав. Центром изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН (tsden@hotmail.com)

КОСТЕЛЯНЕЦ Сергей Валерьянович, кандидат политических наук, вед.н.с., зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН; доцент РУДН; ст.н.с. НИУ ВШЭ (sergey.kostelyanyets@gmail.com)

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Резюме. Республика Бенин (до 1975 г. - Дагомея) обрела независимость 1 августа 1960 г. За свою 60-летнюю историю страна пережила несколько военных переворотов и ненасильственных смен режима, «социалистическую ориентацию» и «демократизацию». Несмотря на частые политические трансформации, в течение десятилетий Бенин оставался «островком стабильности» в Западной Африке, большинство государств которой неоднократно оказывались в состоянии войны или военно-политического конфликта. Не располагающая значительными природными ресурсами, страна, тем не менее, последовательно наращивала темпы экономического роста, если и не опережая, то и не отставая в этом отношении от других государств региона.

Ключевые слова: Бенин, «социориентация», Матьё Кереку, Патрис Талон, президентские и парламентские выборы, политические трансформации

BENIN: POLITICAL METAMORPHOSES (ON THE OCCASION OF THE 60th ANNIVERSARY OF INDEPENDENCE)

Tatyana S. DENISOVA, PhD (History), Leading Research Fellow, Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, RAS (tsden@hotmail.com)

Sergey V. KOSTELYANETS, PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, RAS; Senior Research Fellow, HSE University (National Research University Higher School of Economics); Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia (sergey.kostelyanyets@gmail.com)

Abstract. The Republic of Benin, which at the time was called Dahomey, gained independence on 1 August 1960. Over its 60-year history, the country has experienced several military coups and non-violent regime changes, the turbulent first post-colonial years, and the periods of "socialist orientation" and "democratization". However, despite frequent political transformations, for decades Benin has remained an "island of stability" in West Africa, where most states over the same time have routinely underwent wars or military-political conflicts.

Benin's postcolonial political history may be divided into three main periods. The first, which lasted from the 1960 independence to the 1972 coup d'état, was the period of the crisis of decolonization and independent governance, which was manifested in extreme political instability. The second period, between 1972 and 1990, was marked by the implementation of the course towards "socialist development" and was characterized by the strengthening of the state apparatus, the nationalization of some private enterprises and the establishment of new state-owned and mixed-ownership enterprises. The third period - the so-called democratic renewal - has continued from 1990 till present and has been characterized by a return to multi-party politics, regular presidential and parliamentary elections, and the more or less successful implementation of economic recovery programs.

The course toward non-capitalist development, which was proclaimed in 1974 by Mathieu Kérékou, has had a tremendous impact on the formation of Beninese society. It was under his leadership that there began the large-scale construction of rural roads, housing for the poor, agro-industrial complexes, etc. During his last term in power Kérékou abandoned the policy of "social orientation", but, having died in 2015, remained in the memory of his descendants as one of the most prominent leaders in Africa. Lacking significant natural resources, the country, nevertheless, has consistently increased the rate of economic growth, if not overtaking than at least matching its regional neighbors in this regard.

Keywords: Benin, socialist orientation, Mathieu Kérékou, Patrice Talon, presidential and parliamentary elections, political transformation

В 1957-1960 гг. в Дагомее, как до 1975 г. назывался Бенин¹, развернулось масштабное движение за независимость, которую страна обрела 1 августа 1960 г.

Постколониальную политическую историю Бенина можно условно разделить на три основных этапа: первый - от обретения независимости в 1960 г. до государственного переворота 1972 г. -

является периодом кризиса деколонизации, выразившегося в острой политической нестабильности. Второй, 1972-1990 гг., был отмечен осуществлением политики «социориентации» и ознаменовался укреплением государственного аппарата и национализацией некоторых частных предприятий, созданием новых государственных и смешанных предприятий. Третий период - т.н. демо-

¹ С 1975 г. - Народная Республика Бенин, с марта 1990 г. - Республика Бенин (прим. авт.).

кратического обновления с 1990 г. по н.в. - характеризуется возвращением к многопартийной политике, регулярным проведением президентских и парламентских выборов и более или менее успешной реализацией программ оздоровления экономики. Следует отметить, однако, что смены режимов и идейно-политических ориентаций не сопровождались разрешением межплеменных разногласий.

НЕМНОГО ХРОНОЛОГИИ

В момент обретения независимости экономическое положение страны было крайне тяжелым; промышленность и сельское хозяйство находились в состоянии застоя. Голод в ряде районов и рост цен в городах привели к обострению внутриполитической обстановки и к конфликтам внутри правящей группы страны.

Хотя на короткое время политическое руководство было объединено в одной организации - Дагомейской партии единства, межличностные конфликты и унаследованные социальные и этнические расколы привели к появлению 3 политических группировок:

- на юго-востоке Суру-Миган Апити (1913-1989) возглавил *йоруба*, проживавших в столице страны г. Порто-Ново и его окрестностях;

- Жюстен Ахомадегбе-Тометин (1917-2002), выходец из дагомейской королевской семьи, сформировал свою электоральную базу в районах с преимущественным проживанием народов *фон* и *аджа* в центре и на юго-западе Дагомеи;

- Юбер Кутуку Мага (1916-2000), школьный учитель, превратившийся в политика, объединил *бариба* и другие народы севера страны.

По результатам выборов 1960 г. президентом стал Ю.К.Мага (1960-1963), вице-президентом - С.-М.Апити (1960-1963).

Основным направлением политики первого независимого правительства Бенина было укрепление сотрудничества со странами Запада. Дагомея осталась в зоне франка и присоединилась в качестве ассоциированного члена к Европейскому экономическому сообществу (ЕЭС). В 1961 г. дагомейское правительство заключило с Францией военный договор и соглашения о сотрудничестве в области экономики, финансов, торговли, высшего образования и др.

В 1961 г. был принят 4-летний план развития на 1962-1965 гг., который предусматривал значительное увеличение валового дохода страны и производства экспортных и продовольственных культур, создание большого числа предприятий обрабатывающей промышленности, выделение крупных средств на развитие образования и здравоохранения, но он так и остался на бумаге [1, р. 5]. Однако экономическая политика Ю.К.Маги

не привела к сколько-нибудь заметным изменениям в экономической структуре. Иностранный капитал упрочил свои позиции, и все плановые мероприятия финансировались Францией и другими странами ЕЭС и США.

Состоявшийся в августе 1963 г. съезд правящей ДПЕ обнаружил серьезные разногласия внутри самой партии. Осенью того же года в политическую жизнь вмешались профсоюзы, впервые после 1960 г. выступившие с требованиями повышения заработной платы. Организованные Всеобщим объединением трудящихся Дагомеи забастовки привели к падению режима Маги 28 октября 1963 г.

Временное правительство, сформированное полковником Кристофом Согло, но оказавшееся под двойным руководством Апити и Ахомадегбе-Тометина, распустило парламент, а также все политические партии и общественные организации, за исключением профсоюзного объединения.

В экономическом положении Дагомеи в эти годы никаких существенных изменений не произошло. Правительство увязывало планы экономического развития с изысканием средств за пределами страны. Во второй половине 1965 г. резко обострились противоречия внутри руководства правящей партии. В конфликт вмешалась армия. В обстановке острой борьбы между различными политическими лидерами 22 декабря начальник штаба армии, теперь уже генерал, К.Согло взял власть в свои руки и создал собственную администрацию.

Правительство Согло запретило деятельность политических партий, ввело режим строгой экономики, разработало план экономического развития на 1966-1970 гг. Основные надежды на экономическое возрождение страны правительство по-прежнему возлагало на иностранную помощь, прежде всего Франции.

В декабре 1967 г. группа младших офицеров объединилась вокруг амбициозного северянина *сомба* майора Мориса Куандете и свергла режим Согло. Однако, не получив достаточную поддержку, чтобы претендовать на пост президента, Куандете был вынужден передать власть популярному в армейских кругах начальнику штаба Альфонсу Аллею, который 19 декабря был приведен к присяге в качестве президента. В годы его правления была разработана новая конституция.

15 мая 1968 г. состоялись президентские выборы, победу на которых одержал поддержанный оппозицией малоизвестный политик Базиль Мумуни, получивший 80% голосов, но, не справившись с управлением страной, в июле 1968 г. он передал власть бывшему министру иностранных дел (1965-1967) Эмилю Зинсу. Его правление было недолгим.

10 декабря 1969 г. в стране произошел военный переворот во главе с майором Морисом Куандете;

Зинсу был ранен и арестован. Между тем, офицерский корпус, в основном представленный южанами, отказался назначить инициатора переворота временным президентом и вместо этого создал Военный совет, в который от армии вошел Морис Куандете.

Но армия оказалась совершенно неспособной добиться консенсуса по вопросу о политическом будущем страны, и гражданских политиков, оказавшихся к этому времени «в изгнании», призвали вернуться в Дагомею. Мага, Апити и Ахомадегбе сумели объединиться в поддержку единого кандидата на президентских выборах, состоявшихся в начале 1970 г.

Мага получил, по предварительным подсчетам, большинство голосов, но Военный совет неожиданно отменил результаты, сославшись на электоральные злоупотребления [1, р. 9]. Однако в апреле 1970 г. три лидера договорились сформировать т.н. Президентский совет (ПС), в котором они должны были стать «сопрезидентами» и управлять по очереди (каждый в течение двух лет): сначала Мага (1970-1972), а затем Ахомадегбе и Апити.

Уникальная схема правления не имела большого успеха, хотя и привела к первой мирной передаче власти в мае 1972 г., когда Ахомадегбе сменил Магу на посту председателя ПС. Период «президентства» Маги характеризовался теми же финансовыми проблемами, nepoтизмом и коррупцией, которые были свойственны его администрации 1960-1963 гг. Вооруженные силы становились главным источником нестабильности.

Конец 1971 - начало 1972 гг. ознаменовались военными мятежами в нескольких гарнизонах; в феврале 1972 г. большое число военных и гражданских лиц были арестованы за подготовку государственного переворота, потенциальные участники которого имели чрезвычайно противоречивые мотивы, но военный переворот, осуществленный 26 октября 1972 г., оказался успешным и приветствовался большинством дагомейцев.

РЕЖИМ «СОЦОРИЕНТАЦИИ»

Переворот 1972 г. не отличался от предыдущих военных интервенций, но вскоре он полностью изменил политическую жизнь страны. Осуществившие его офицеры-южане убедили майора-сомба Матьё Кереку (1933-2015) возглавить новый режим. От командования армией были отстранены все «политизированные» старшие офи-

церы, от руководства страной - все «бывшие политики».

Становление нового режима по времени (1960-е - 1980-е гг.) совпало с распространением на Африканском континенте марксистско-ленинской идеологии и с появлением группы стран, лидеры которых объявили о «социалистической» (или «некапиталистической») ориентации экономического и политического развития их государств.

В разные годы в эту группу входили Ангола, Гана, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Мадагаскар, Мозамбик, Республика Конго, Сан-Томе и Принсипи, Танзания, Эфиопия и др. «Социализм» с его акцентом на коллективизм был популярен среди первых лидеров независимой Африки, т.к. олицетворял собой разрыв с колониальным прошлым и формирование «справедливой» системы общественных отношений. Однако большинство африканских режимов, последовавших по «некапиталистическому» пути развития, не достигли ни экономической независимости (от бывших метрополий), ни процветания, ни равенства, что стало для многих причиной разочарования в «соцориентации», в целом.

Подобную эволюцию - от провозглашения курса на «некапиталистическое» развитие, поддержанного значительной частью населения, до падения «социалистического» правительства - пережил и режим М.Кереку.

Изначально, в 1972 г., идеологическая риторика новых лидеров была расплывчатой и зачастую противоречивой, но к 1974 г. сдвиг правящей группы влево стал более четко артикулированным. Под руководством военного лидера происходил напряженный поиск социальной и политической модели развития. Наконец, 30 ноября 1974 г. Кереку выступил на исторической площади Гохо² в одном из крупных городов страны - Абомее с программной речью, в которой объявил о социалистическом выборе правительства и о том, что «философским фундаментом и путеводным ориентиром нашей революции является марксизм-ленинизм» [2].

В свою очередь, в декрете (1974 г.) Военно-революционного правительства указывалось: «Союзники и друзья дагомейской революции - крестьяне, рабочие, солдаты, патриотическая интеллигенция, социальные слои, не связанные с заграницей. Враги революции - международный империализм, местные его прислужники, политико-бюрократическая буржуазия, феодалы» [цит. по: 26, с. 149].

² В январе 1894 г. на площади Гохо последний правитель независимой доколониальной Дагомеи - Беханзин, прекративший борьбу с французскими завоевателями, сложил с себя королевские полномочия и сдал оружие командующему французским экспедиционным корпусом. Долгие годы площадь была «местом скорби». Не случайно 80 лет спустя правительство Кереку избрало именно Гохо для провозглашения в стране курса на построение общества нового, социалистического типа (*прим. авт.*).

Национализация промышленных предприятий и переименование страны в Народную Республику Бенин были лишь верхушкой айсберга. К 1977 г. крупные сегменты экономики и большая часть социальных услуг оказались под контролем государства. Иностранные инвестиции в страну всегда были незначительными, и, хотя Кереку всячески пытался расширить их ручеек, его призывы к постепенной замене частных предприятий государственными и кооперативными и к «пресечению стихийного развития капиталистических производственных отношений» [26, с. 150-151] полностью его высушили. Между тем, Бенин начал получать финансовую и техническую помощь от множества новых доноров, преимущественно из стран Восточной Европы.

Сначала правительственная политика национализации частных предприятий поддерживалась «широкими слоями населения»; на предприятиях начали создаваться комитеты защиты революции (КЗР), призванные пропагандировать и проводить в жизнь идеи новых руководителей. К концу 1974 г. число КЗР достигло 1500 [3].

Однако бенинская «революция» была осуществлена ценой резкого экономического спада, отчасти связанного с неблагоприятными климатическими условиями, которые в середине 1970-х гг. привели к засухе в прибрежных районах, но в большей степени с неумелым управлением: деятельность государственных предприятий, располагавших избыточным административным персоналом и создававших возможности для коррупции, привела к провалу даже тех отраслей (например, хлопковой), которые по своей сути должны были быть прибыльными.

В результате, режим Кереку очень быстро поставил страну в полную зависимость от иностранной помощи из-за перманентной нехватки материальных ресурсов.

Несмотря на сбалансированный бюджет 1975 г., замораживание зарплат, жесткую экономию и удовлетворительный рост ВВП (на 11,6% с 1970 по 1975 гг. и на 18% в одном лишь 1977 г.), Бенин оставался одной из беднейших стран мира (\$118,4 на душу населения) с экспортом, часто покрывавшим менее 18% импорта [1, р. 13]. Без какой-либо финансовой подотчетности или административного мониторинга государственный сектор превратился в частную кормушку для гражданских и военных лидеров, а злоупотребления (коррупция, хищения из государственной казны), наблюдавшиеся в годы правления М.Кереку, и провал его политики «некапиталистического развития» практически свели на нет достижения его режима, среди которых: строительство

сельских дорог, туристических объектов, жилья и агропромышленных комплексов; механизация сельского хозяйства; расширение производства хлопка - главного экспортного сельскохозяйственного продукта страны и др.

В 1977 г. режиму пришлось столкнуться с нападением вооруженных наемников во главе с Бобом Денаром³, прибывших на транспортном самолете и захвативших аэропорт Котону. Кереку направил против них президентскую гвардию, в составе которой было много хорошо обученных солдат, и, осознав, что дело обречено на провал, наемники, которых было около 100 человек, покинули Котону в неизвестном направлении. Считается, что вдохновителем операции был бывший президент Эмиль Зинсу, проживавший в то время во Франции, который и ранее пытался организовать в Бенине антиправительственные выступления [6].

К чести Кереку, следует признать, что бенинская «революция» не стала повторением подобных экспериментов в других частях света: в 1981 г. число политических заключенных в тюрьмах Бенина едва достигало 100. Лишь к концу 1980-х гг., когда из-за ухудшения материального положения граждан обстановка в стране стала накаляться, военный режим начал использовать силу в целях сохранения власти [4, р. 2].

Как справедливо отмечали авторы вышедшей в Москве в 1988 г. книги «Африка: политическое и социальное развитие в условиях социалистической ориентации», «определяющее качество данной разновидности революционно-демократической власти заключается в ее незавершенном характере, что порождает ряд негативных последствий» [5, с. 13].

К началу 1980-х гг. «революционный» эксперимент фактически был завершен. Несколько государственных предприятий закрылись в 1982 г., другие были приватизированы, третьи реорганизовались в компании со смешанной экономикой. Кереку пообещал ограничить роль государства в экономике, поддержать частное предпринимательство и начал активно привлекать западный капитал.

Однако экономическое положение Бенина продолжало ухудшаться. В 1987 г. Кереку уволился из армии и приступил в качестве главы смешанного военно-гражданского правительства к реализации программы оздоровления экономики под эгидой МВФ, в ходе которой были приняты радикальные меры (дополнительный, 10-й вычет, из заработной платы, принудительный выход государственных служащих на пенсию и др.). В 1989 г. Кереку неохотно уступил давлению сво-

³ Боб Денар (1929-2007) - французский военный, наемник, участник ряда вооруженных конфликтов и государственных переворотов в африканских странах (Конго-Заир, Ангола, Нигерия, Коморы, Бенин и др.) (*прим. авт.*).

их сторонников и в феврале 1990 г. организовал Национальный съезд, чтобы обсудить и предложить решения по выходу из экономического тупика. В девятидневном форуме участвовали 488 представителей армии, государственных структур и оппозиции.

К моменту проведения Национального съезда судьба Кереку уже была решена, хотя он об этом еще не знал.

Искренность его намерений была поставлена под сомнение, как и возможность сыграть роль временного президента. Дискуссия, проведенная в прямом эфире на радио и ТВ, превратилась в критику всех аспектов 18-летнего правления Кереку. В кратчайшие сроки съезд присвоил себе роль учредительного собрания, которому было поручено подготовить конституцию, многопартийные выборы и переход к режиму гражданского правления. Кереку остался президентом, но лишился реальной власти. Вскоре правительство Франции, а также ВБ и МВФ предупредили о немедленном отказе от участия в переговорах о предоставлении помощи, если не последуют экономические и политические реформы. Кереку принял неизбежное, и Бенин вновь удивил весь мир - в этот раз тем, что стал одной из первых «новых демократий» Африки. Марксизм-ленинизм был окончательно отвергнут, западная финансовая помощь начала поступать, а международные кредиторы - прощать долги.

РЕЖИМ НИСЕФОРА СОГЛО

12 марта 1990 г. премьер-министром (в статусе временного главы государства) стал Нисефор Согло, до этого занимавший высокие должности в ВБ и МВФ. Под его руководством была разработана новая конституция, 2 декабря 1990 г. одобренная на референдуме. Среди ее пунктов было введение «либеральной плюралистической демократии». Другой пункт устанавливал максимальный возраст (70 лет) для кандидатов в президенты, что было направлено на отстранение от баллотирования «старой гвардии» политиков, в т.ч. Зинзу, который все еще имел президентские амбиции.

В марте 1991 г. состоялись президентские выборы, победу на которых одержал Н.Согло. На пост главы государства претендовали 14 кандидатов, но единственными реальными соперниками были Н.Согло и М.Кереку, не постеснявшийся выставить свою кандидатуру. Поскольку ни один кандидат не набрал большинство голосов в I туре, во II участвовали только эти двое: Согло одержал победу с 67,7% голосов и вступил в должность президента Бенина 4 апреля 1991 г. [7].

Оказавшись у власти, он приступил к реструктуризации армии и чистке ВС; была расформиро-

вана президентская гвардия Кереку, состоявшая из северян-фулани, которая в 1991 г. организовала несколько мятежей. Еще одной задачей Согло было достижение политической стабильности, выполнение которой оказалось несложным, т.к. окрыленные «победой демократии» бенинцы решили поддержать новый режим.

Вскоре, однако, стало очевидно, что введение многопартийной системы не решило проблемы страны, в т.ч. не снизило накал межэтнических разногласий, хотя в кабинете Согло наблюдался этнический и региональный баланс. Студенты и госслужащие критиковали Согло за неспособность к руководству экономикой. Раздутая гражданская служба сохранялась, несмотря на требования доноров по ее сокращению.

Тем не менее, в первой половине 1990-х гг. в Бенине выросли макроэкономические показатели; удалось поставить под контроль и инфляцию. Правда, несмотря на то, что усилия режима Согло были, в основном, сосредоточены на достижении экономической эффективности, реформы, которые проводило его правительство, не получили поддержки населения и вызвали общественные беспорядки, тем более что вслед за нехваткой квалифицированных кадров страна столкнулась с другой проблемой - безработицей среди специалистов с дипломами, в т.ч. среди врачей и инженеров.

Экономическая либерализация быстро теряла своих сторонников; появились и ностальгические настроения - жизнь в условиях «бенинского социализма» теперь, в ретроспективе, казалась «вполне сносной». Сформировался довольно мощный оппозиционный блок, обвинявший Согло в «предательстве национальных интересов». Поэтому результаты президентских выборов 1996 г., на которых М.Кереку одержал победу, удивили не многих. В I туре выиграл Согло, но во II он уступил Матё Кереку, набравшему 52,5% голосов, который вновь - на 10 лет - пришел к власти [8].

ВТОРОЙ ЗАХОД КЕРЕКУ ВО ВЛАСТЬ

В 2001 г. Кереку, получив во II туре 84% голосов, был переизбран на второй срок. Период его правления с 2001 по 2006 г. ознаменовался быстрым ростом числа (106) политических партий. В парламентских выборах в марте 2003 г. участвовали 49 партий, но лишь 18 из них смогли получить хотя бы по 1-му месту в парламенте [8].

М.Кереку выступил против хаотического увеличения числа политических организаций, наносивших вред «демократизации». По его инициативе в 2003 г. Национальное собрание приняло специальный закон, в соответствии с которым партия, желавшая легализоваться, должна была представить подписи не менее 10 членов-учреди-

телей из каждой из 12 провинций. Он ловко лавировал между крупными политическими партиями, опираясь то на левых, то на правых, и в результате достигая намеченной цели.

Во второй «заход во власть» Кереку полностью отказался от социалистической риторики, обратившись к традиционным вождям, к «духам предков», к вуду, христианству, цитированию Библии и др. К избирателям он обращался, как проповедник: «Дорогие братья и сестры» [9].

Несмотря на зигзаги его политической биографии, Матьё Кереку, безусловно, является одним из наиболее выдающихся африканских лидеров. В значительной степени именно благодаря ему в 2000-е - 2010-е гг. Бенин стал островком стабильности на Африканском континенте.

РЕЖИМ ЯЙИ БОНИ

Второй президентский срок Кереку истек в марте 2006 г., и по конституции он не мог претендовать на третий. На выборах 5 марта 2006 г. главой государства был избран Яйи Бони (*йоруба*, р. 1952), набравший 74,6% голосов [8]. В наследство от предыдущих режимов новому правительству достались масштабная бедность, охватывавшая треть населения⁴; высокий уровень коррупции; практически полное отсутствие инфраструктуры и крайне слабый промышленный сектор. Экономика оставалась зависимой от экспорта хлопка, объем доходов от которого в 2010-е гг. достигал 80% и составлял 13% ВВП [10, р. 71].

В 2006 г. была принята и начала выполняться программа «Стратегия роста и сокращения бедности» на 2006-2009 гг., основными пунктами которой стали создание инфраструктуры (морские порты, системы телекоммуникаций, объекты энерго- и водоснабжения); развитие человеческого капитала (бесплатное начальное образование); диверсификация производства и экспорта; поддержка частного сектора, расширение налоговой базы, совершенствование финансовой системы, приватизация и т.д. [11, pp. 5-12].

Начало реализации экономических реформ побудило ВБ и МВФ аннулировать большую часть внешнего долга страны и предоставить ей дополнительную финансовую помощь. Так, в 2000-2018 гг. помощь ВБ Бенину составила \$748 млн [12, р. 33]. Темпы роста экономики в 2001-2016 гг. в среднем составляли 4,1% в год - чуть ниже среднего показателя (4,5%) для стран Тропической Африки [13]. За счет внешней помощи в этот период финансировалось от четверти до трети годового бюджета, благодаря чему правительство оказалось в состоянии выплатить задол-

женности по зарплате госслужащим и стипендии студентам, предотвращая таким образом проявления массового недовольства [14], хотя в 2014-2015 гг. страна была охвачена забастовками учителей, судей, сотрудников полиции и др., требовавших повышения заработной платы [15].

Несмотря на определенные позитивные сдвиги в социально-экономической сфере, в течение всего срока его правления Бони подвергался масштабной критике со стороны оппозиции, указывавшей на жестко авторитарный стиль его руководства.

Тем не менее, 13 марта 2011 г. Яйи Бони во второй раз одержал победу на президентских выборах, получил лишь 53% голосов избирателей [8]. Возможно, столкнувшись с внутренней оппозицией, Бони начал осуществлять частые перестановки в кабинете министров: новое правительство было сформировано в апреле 2011 г., но уже в августе 2013 г. президент полностью распустил кабинет, обвинив министров в их связи с Патрисом Талоном, в то время просто крупным бизнесменом и бывшим союзником Бони, превратившимся в его врага [16].

Патрис Талон (р. 1958), известный как «Хлопковый король», сделал свое состояние сначала на торговле сахаром - еще при «социалистическом» режиме Кереку. Благодаря его «ценности» в качестве делового союзника государства он и после 1990 г. сохранил хорошие отношения с властями, занявшись торговлей удобрениями и хлопком. К моменту его прихода к власти в 2016 г. Талон был одним из самых богатых людей Африки и входил в тройку наиболее состоятельных предпринимателей Бенина [4, р. 15].

В 2006 г. он стал главным спонсором предвыборной кампании Яйи Бони, который вознаградил своего ближайшего сторонника возможностью выиграть в 2008 г. тендер на приватизацию 15 из 18 хлопкоперерабатывающих заводов и таким образом практически монополизировать отрасль. Перед очередными выборами 2011 г., в ходе которых Талон также финансировал кампанию Я.Бони, он «выиграл» еще один тендер - на управление таможней в порту Котону с годовым доходом в размере 1,5 млрд евро, что почти равнялось государственному бюджету [17], а позже распространил свою деятельность на банковские, портовые и гостиничные услуги [18].

Однако вскоре Талон утратил благосклонность президента. Сам он объяснял это несогласием с планами Бони по изменению конституции и по снятию ограничений на президентские полномочия двумя сроками. Но были и другие версии: что Бони не позволил Талону выиграть оче-

⁴ Номинальный ВВП на душу населения в 2006 г. составлял \$855. Для сравнения: в 2019 г. - \$1260 [25].

редной тендер и что из-за этого бизнесмен потерял два выгодных контракта [19].

Так или иначе, но в октябре 2012 г. против Талона было выдвинуто обвинение в попытке организации заговора с целью убийства (отравления) Бони; Талону пришлось покинуть страну и скрываться от бенинского правосудия в Париже, где он был арестован в декабре того же года, но Франция отказалась его выдать. В мае 2013 г. дело было прекращено, и Бони «простил» Талона при посредничестве тогдашнего президента Сенегала Абду Диуфа. В 2015 г., вернувшись в Бенин, Талон объявил о намерении в 2016 г. баллотироваться на пост президента в качестве независимого кандидата.

ПРАВЛЕНИЕ ПАТРИСА ТАЛОНА

Талона активно поддерживала бенинская молодежь, которая рассматривала его как политика нового типа, не опасавшегося продемонстрировать собственное богатство и обещавшего обеспечить «расцвет предпринимательства». На выборах в марте 2016 г. он одержал победу (65% голосов). Сразу после вступления в должность президента Талон пообещал заняться конституционной реформой, ограничить сроки полномочий президента, сократить число членов правительства с 28 до 16 [20], снизить уровень безработицы среди молодежи и повысить эффективность систем здравоохранения и образования [17].

Бенин перестал считаться «образцом демократии» весной 2019 г. 28 апреля в стране состоялись парламентские выборы, к участию в которых были допущены лишь проправительственные партии - Республиканский блок (РБ) и Прогрессивный союз (ПС). Результаты были объявлены 1 мая: ПС получила 47 мест в парламенте, РБ - остальные 36 [21].

Оппозиция бойкотировала выборы; в результате явка на них оказалась на самом низком уровне в истории Бенина - 27% от 5 млн зарегистрированных избирателей [22]. За несколько недель до выборов на протестные демонстрации (во главе с бывшими президентами Н.Согло и Я.Бони) против отстранения оппозиционных партий, лишившихся мест в Национальной ассамблее) полиция ответила расстрелом безоружных демонстрантов, с использованием танков, водометов и слезоточивого газа; 7 человек погибли [22]. Были заблокированы Интернет и соцсети. Люди, подозревавшиеся в подстрекательстве к беспорядкам, как и журналисты, выступавшие с критикой правительства, задерживались без предъявления ордера на арест [23].

Интересно, что военные осудили решение, принятое, по всей видимости, самим Талоном, использовать боевые патроны против мирных жите-

лей, и заявили, что «не пойдут за президентом на край света» и воспрепятствуют возможному аресту Н.Согло и Я.Бони [22]. Безусловно, такие заявления свидетельствуют о незначительном влиянии Талона на армию, что может быть чревато для него печальными последствиями.

Политический кризис возник, во-первых, из-за отмены в январе 2019 г. права работников государственных предприятий и учреждений на забастовку и, во-вторых, в связи с постановлением Конституционного суда в феврале 2019 г., в соответствии с которым политические партии должны представлять в избирательный орган т.н. сертификат соответствия, выданный МВД. Был установлен регистрационный взнос (эквивалентный \$424 тыс. - на 1500% больше по сравнению с предыдущей суммой) - непосильный для большинства организаций [22].

Эти изменения были нацелены на сокращение числа партий, которых в начале 2019 г. насчитывалось более 200, и это в стране с численностью населения примерно в 11 млн человек; в результате партийной реформы их осталось 10, из которых 8-ми по разным причинам было отказано в участии в выборах. Оппозиция считала, что эти политические маневры были направлены на обеспечение поддержки Талона, который якобы намерен баллотироваться на президентских выборах 2021 г. [24].

Безусловно, Талон - не только успешный бизнесмен, но и проницательный политик, который наверняка предвидел, что острый период противостояния пройдет, и страна вновь вернется к «мирной» жизни, что в значительной степени объясняется успехами режима в деле экономического развития. В 2019 г. темпы роста экономики достигли 7,5% [25], увеличившись более чем на 3% с 2016 г. - времени прихода нынешнего бенинского лидера к власти.

Главными направлениями социально-экономической политики Талона стали привлечение западных инвестиций в инфраструктуру, сельское хозяйство и сферу образования. Вырос объем выработки электроэнергии, значительно сократились периоды ее отключения. Началась реализация проектов, нацеленных на эффективное перераспределение земельных участков, на расширение доступа к финансовым услугам и к зарубежным рынкам, последнее - путем модернизации порта Котону. В 2018 г. началось строительство нового международного аэропорта Гло-Джигбе около Котону.

Бенин играет важную роль в качестве одного из торговых центров Западной Африки, располагая благоприятной бизнес-средой и инвестиционным кодексом, предоставляющим многочисленные налоговые льготы для партнеров. Удачное географическое положение (125-километровая бе-

реговая линия); общая граница с Нигерией с ее огромным потребительским рынком благодаря 200-миллионному населению) и наличие границ с не имеющими выхода к морю странами - Нигером и Буркина Фасо, пользующимися портом Котону, также являются факторами привлечения инвесторов.

Во внешней политике и торговле Бенин ориентируется, прежде всего, на своего соседа - Нигерию, на бывшую метрополию - Францию, другие страны Запада и Китай, однако в последние годы вновь, после длительного перерыва, начало развиваться торгово-экономическое сотрудничество с Россией, в основном в сферах торговли и геологоразведки.

* * *

За свою 60-летнюю историю Бенин пережил несколько военных переворотов и смен режима. Немногие государства Тропической Африки могут «похвастаться» такой «богатой» историей: за сравнительно короткий период времени страна успела перейти от колониализма к независимому развитию, пережить «социалистическую ориентацию» и «демократизацию». Не располагающее значительными природными ресурсами, государство, тем не менее, последовательно наращивает темпы экономического роста, если и не опережая, то и не отставая в этом отношении от других стран региона.

Список литературы / References

1. Decalo S. (1995). *Historical Dictionary of Benin*. Lanham, MD: Scarecrow Press.
2. Dahomey (1974). *Journal officiel de la République du Dahomey (JORD)*, № 26.
3. Kerekou Ahmed (Mathieu) 1933. 13.06.2020. <https://www.encyclopedia.com/education/news-wires-white-papers-and-books/kerekou-ahmed-mathieu-1933> (accessed 15.06.2020)
4. Kohnert D., Preuss H.J.A. (2019). Benin's Stealthy Democraicide: How Africa's Model Democracy Kills Itself Bit by Bit. *MPRA Paper*, № 96831.
5. Громыко Ан.А. (ред.). Африка: политическое и социальное развитие в условиях социалистической ориентации. М., Наука, 1988. (Gromyko An.A. (ed.). 1988. *Africa: Political and Social Development of Socialist Orientation*. Moscow) (In Russ.)
6. Розин А. Африканские эпизоды советского флота - Бенин. (Rozin A. African Episodes of the Soviet Navy - Benin) (In Russ.). <http://alerozin.narod.ru/Benin.htm> (accessed 16.06.2020)
7. Бенин / Постколониальный этап. *Политический атлас современности*. (Benin / The Postcolonial Period. *Political Atlas of Modernity*) (In Russ.). <http://www.hyno.ru/tom4/93.html> (accessed 16.06.2020)
8. Elections in Benin. *African Elections Database*. 30.05.2011. http://africanelections.tripod.com/bj.html#2001_Presidential_Election (accessed 17.06.2020)
9. Урсу Д.П. Бенинский политик Матье Кереку. *Вопросы истории*. 2016, № 11, с. 108-124. (Ursu D.P. 2016. Beninese politician Mathieu Kerekou. *Questions of History*. № 11) (In Russ.)
10. Wiafe-Amoako, F. (2017). *Africa. The World Today Series*. Baltimore, MD: Rowman & Littlefield.
11. APRM Country Review Report. Republic of Benin. January 2008. *African Peer Review Mechanism*. № 6. <https://www.aprm-au.org> (accessed 12.06.2020)
12. Heavily Indebted Poor Countries (HIPC) Initiative and Multilateral Debt Relief Initiative (MDRI) - Statistical Update. August 2019. *IMF Policy Paper*. Washington, D.C.: International Monetary Fund. <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/PP/2019/PPEA2019028.ashx> (accessed 13.06.2020)
13. Talon P. (2017) Why Benin. Message From the President. <http://revealingbenin.com/en/why-benin> (accessed 14.06.2020)
14. UNU-WIDER (2012). *Democracy in Benin: Achievements and Challenges*. Helsinki: UNU-WIDER. <https://www.wider.unu.edu/publication/democracy-benin> (accessed 17.04.2020)
15. Freedom House (2016). *Freedom in the World 2016 - Benin*. <https://www.refworld.org/docid/57a847f99.html> (accessed 19.05.2020)
16. Benin. 2020. *Infoplease*. <https://www.infoplease.com/world/countries/benin> (accessed 17.05.2020)
17. Mayer S. Businessman Patrice Talon Elected President of Benin. 21.03.2016. <http://africa-me.com/businessman-patrice-talon-elected-president-of-benin> (accessed 10.05.2020)
18. Patrice Talon. *West Africa Brief*. <http://www.west-africa-brief.org/content/en/patrice-talon> (accessed 10.06.2020)
19. Agon B. Plot to Poison Benin President Thomas Boni Yayi Uncovered. 17.07.2013. https://www.huffpost.com/entry/plot-to-poison-benin-president_n_3608543 (accessed 11.05.2020)
20. Patrice Talon, President of Benin (elected on Mar 20, 2016). 20.03.2016. <https://planetrulers.com/benin-president> (accessed 11.06.2020)
21. Patel N. Africa in the News: Sudan, Benin, Nigeria, and Sahel Updates. 04.05.2019. <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2019/05/04/africa-in-the-news-sudan-benin-nigeria-and-sahel-updates> (accessed 01.06.2020)
22. Mark M. The Testing of Benin's Democracy. 29.05.2019. <https://africacenter.org/spotlight/the-testing-of-benin-democracy> (accessed 01.06.2020)
23. Okanla K. Democracy in West Africa. 03.07.2019. <https://www.dandc.eu/en/article/troublesome-trend-recent-elections-senegal-benin-and-nigeria-have-revealed-serious-problems> (accessed 02.06.2020)
24. Paduano S. The Fall of a Model Democracy. *The Atlantic*. 29.05.2019.
25. ВВП Бенина: объем, темпы роста, на душу населения, структура. 2020 (Benin's GDP: volume, growth rate, per capita, structure. 2020). *Take-Profit*. <https://take-profit.org/statistics/gdp/benin> (accessed 12.06.2020)
26. Громыко Ан.А. (ред.). Общество и государство в Тропической Африке. М., Наука, 1980. (Gromyko An.A. (ed.). 1980. *Africa: Political and Social Development under the Conditions of Socialist Orientation*. Moscow) (In Russ.)

DOI: 10.31857/S032150750012798-9

СУЛТАНАТ ОМАН - КНР: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

© 2020 Е. МЕЛКУМЯН

МЕЛКУМЯН Елена Суменовна, доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока РГГУ; вед.н.с. Института востоковедения РАН (g.kosach@mail.ru)

Резюме. В статье рассматриваются различные этапы в развитии сотрудничества между Султанатом Оман и Китайской Народной Республикой.

На протяжении всех лет торговым связям уделялось самое пристальное внимание, т.к. Китай был заинтересован в импорте энергоресурсов, а Оман ввозил недостающие ему товары народного потребления.

Особое внимание уделено периоду, когда в обеих странах были приняты перспективные планы развития, реализация которых стала стимулом для дальнейшего расширения оmano-китайских связей.

Ключевые слова: Оман, Китай, сотрудничество, нефть, торговля, Oman Vision 2040, инициатива «Один путь, один пояс»

SULTANATE OMAN AND CHINA - STRATEGIC COOPERATION

Elena S. MELKUMYAN, Dr.Sc. (Political Science), Professor, Oriental Studies Department, Russian State University of the Humanities; Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (g.kosach@mail.ru)

Abstract. The article is describing different stages in the development of cooperation between the Sultanate of Oman and People's Republic of China, and analyzing its directions and the factors, which encouraged its deepening. Relations between Oman and the PRC began to develop after the establishment of diplomatic contacts. The cooperation between them covered both political and economic spheres. Throughout the years, trade relations have received the closest attention, since China was interested in importing energy resources, and Oman imported the consumer goods it lacked.

Gradually, the level of relations between the two countries increased, eventually reaching the level of strategic partnership.

The implementation of plans for the long-term development of Oman - Vision 2040 and the Chinese program «One way, one belt» open up new opportunities for them to expand mutually beneficial cooperation.

China highly appreciates Oman's ability to implement the One Road, One Belt project. The land and sea routes have a number of crossing points - one of them is the industrial city of Sohar located in the Sultanate of Oman. In addition, Oman is of great importance for the implementation of the PRC's Maritime Silk Road. It is connected not only with the Arabian Peninsula and the Persian Gulf region, but also with East Africa and South Asia - the territories included in this project.

The author paid special attention to the period, when both countries adopted perspective development plans, which realization stimulated further widening of Oman - China ties.

Keywords: Oman, China, cooperation, oil, trade, Oman Vision 2040, Initiative "One road, one belt"

Процесс глобализации, характеризующий современную систему международных отношений, расширяет границы межгосударственных контактов. Казалось бы, далекие друг от друга страны, отличающиеся по всем возможным параметрам, начинают укреплять между собой связи, которые в ряде случаев выходят на уровень стратегического партнерства. Одним из таких примеров являются взаимоотношения между Султанатом Оман и КНР.

Султанат Оман - небольшое государство, расположенное на Аравийском полуострове, не имеющее значительных нефтегазовых ресурсов, уровень экономического развития которого ниже, чем в соседних арабских государствах региона Персидского залива. Тогда как Китай - самое крупное государство мира по численности населения. Оно относится к региону Восточной Азии и сегодня занимает положение одного из экономически наиболее развитых государств мира. Кроме того, эти страны имеют отличные друг от друга политические системы: Оман - монархическое государство, возглавляемое султаном, который является представителем правящей семьи

Аль Саид, находящейся у власти с середины XVIII в.; КНР - социалистическая страна, правящую роль в которой играет коммунистическая партия.

Казалось бы, трудно найти какие-либо черты, которые бы их объединяли. Оман входит в группу арабо-мусульманских государств, являясь членом Лиги арабских государств, Организации исламского сотрудничества, Совета сотрудничества арабских государств Залива. Его политика во многом определяется членством в этих организациях. Он не претендует на повышение своего международного значения, занимая скромное положение даже на региональном уровне.

Китай - постоянный член Совета Безопасности ООН, обладающий ядерным статусом, кроме того, его экономическая мощь постоянно возрастает, все эти факторы определяют его положение на международной арене как одной из ведущих глобальных держав.

В то же время Оман и КНР в последние годы расширяют свое сотрудничество, прежде всего, в экономической сфере, что определяется совпадением их экономических интересов.

ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Территория Омана входила в состав древнейших мировых цивилизаций. Через нее до середины XIX в. проходил Великий шелковый путь, связывавший Восток и Запад. Оман считался одним из основных процветающих торговых центров на побережье Индийского океана. Оманцы были известны как умелые мореплаватели, строившие прочные и быстроходные суда, посещавшие дальние страны, в т.ч. и Китай.

Китайские исследователи писали о давних торговых отношениях между Оманом и Китаем. По их данным, в VI в. н.э. оманские корабли посещали Гуанчжоу, где образовался квартал, в котором селились оманские торговцы [1, р. 3].

В официальной истории Омана, опубликованной министерством информации, отмечалось, что китайские корабли еще в IX в. н.э. заходили в порты Омана, прежде всего, в порт Сохар - один из многонаселенных городов своего времени [2, р. 17]. Как напоминание о тех связях, которые существовали между Оманом и Китаем, в Гуаньжоу был установлен памятник, представляющий собой корабль, названный Сохар. Власти обеих стран используют исторические контакты как базу для развития отношений в настоящее время.

В последующие столетия история Омана была отмечена как взлетами, так и падениями. Наибольшего расцвета Оман достиг с приходом к власти нынешней правящей семьи Аль Бусаид в середине XVIII в., когда на страну напала Персия. Представитель семьи Бусаид возглавил сопротивление иностранному нашествию и был избран имамом. В годы его правления Маскат стал главным торговым городом в регионе Персидского залива. Он вел успешную политику экспансии в направлении Восточной Африки. В начале XIX в. территория Омана простиралась от Индии до Мозамбика, включая о. Занзибар, где был возведен город, ставший второй столицей страны. В тот период контакты с Китаем не были интенсивными, т.к. интерес к Оману возрос со стороны западных держав, связи с которыми приобрели приоритетное значение.

Современные отношения между Оманом и КНР начали развиваться с момента установления дипломатических отношений в 1978 г. Китай стал расширять свои связи со странами Персидского залива также из-за политических причин. После ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. Китай, который в тот период рассматривал Советский Союз в качестве своего стратегического противника, попытался установить более тесные отношения с теми государствами, которые не входили в число советских союзников, что стало одной из причин его возросшего интереса к арабским монархиям Персидского залива. От-

ношения с Оманом стали частью региональной политики КНР.

В соглашении об установлении дипломатических контактов правительство КНР заявило о своей поддержке стремления правительства Омана укрепить свою независимость и суверенитет. Со своей стороны, оманское правительство выступило с принципиально важным для Китая заявлением о том, что «оно признает правительство КНР в качестве единственного законного представителя китайского народа» [1, р. 4]. Тогда остро стоял вопрос о статусе Тайваня, который КНР не признавала в качестве независимого государства, считая его частью единого Китая.

Членство в Движении неприсоединения и разделявшиеся ими принципы внешнеполитической деятельности, основанные на нейтралитете, добрососедстве и невмешательстве во внутренние дела других государств сближали эти страны. Для КНР поддержка Оманом принципа невмешательства во внутренние дела имела огромное значение после 1989 г., когда из-за событий на площади Тяньаньмэнь - расстрела демонстрантов, протестовавших против политики правительства, многие западные страны прервали с ним свои связи. Оман же, напротив, их активизировал. В конце 1989 г. Оман посетила официальная делегация, которую возглавлял председатель Всекитайского собрания народных представителей, член политбюро ЦК КПК Ян Шанкунь. Ее целью было разъяснить оманскому руководству современную внутреннюю политику КНР, подвергшуюся критике со стороны мирового сообщества за нарушение прав человека и массовые жертвы на площади Тяньаньмэнь.

Визит китайской делегации широко обсуждался в оманской прессе, которая подчеркивала высокий ранг главы делегации, что свидетельствовало о том значении, которое китайское руководство придавало китайско-оманским отношениям. Отмечалось также совпадение точек зрения двух государств по всем актуальным международным вопросам, и подчеркивался дружеский характер двусторонних отношений [3, р. 165]. Оман в тот период рассматривал КНР в качестве лидера Азии, некую «третью силу», которая призвана стать противовесом двух супердержав того времени и которая может защитить интересы развивающихся стран.

Ответный визит оманской делегации состоялся в феврале 1990 г. Ее возглавлял министр иностранных дел по политическим вопросам, представитель правящей семьи Хейсам бин Тарик Аль Саид (в настоящее время - султан Омана).

НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Между Оманом и КНР успешно развивались торговые отношения. Для Китая, крупнейшей

торговой державы, особое значение имело географическое положение Омана, являвшегося связующим звеном трех регионов - Западной Азии, Южной Азии и Восточной Африки. Кроме того, он имеет выход к Персидскому заливу, Красному морю, Индийскому океану и является одной из двух стран (наряду с Ираном), контролирующих Ормузский пролив, через который осуществляется транспортировка большей части энергоресурсов из стран Персидского залива на мировой рынок. Оман имеет удобные естественные гавани, которые могут стать современными портами, что повышает его транспортные возможности.

В 1979 г. между Оманом и Китаем было подписано торговое соглашение сроком на 10 лет, которое неоднократно продлялось. В 1983 г. именно Оман стал первой страной Персидского залива, которая начала поставлять нефть в Китай [4]. Долгое время развитие сотрудничества между этими государствами было связано, прежде всего, с заинтересованностью Китая в импорте нефти. В 1996 г. из Омана в Китай было поставлено нефти и нефтепродуктов (главным образом горючесмазочных материалов) на сумму в \$140 млн. Оман постепенно превратился в одного из основных энергетических партнеров Китая среди арабских стран. В 1995 г. было подписано соглашение об увеличении поставок нефти в Китай в пять раз - с 20 000 баррелей нефти в день до 100 000 баррелей. Увеличивался и китайский экспорт в султанат. В 1997 г. он достиг \$50 млн, что составило рост на 30% по сравнению с предшествующим годом [1, р. 5].

Кроме того, Оман экспортировал в Китай финики, рыбные продукты, цемент, алюминий, медь и ароматическое сырье, вырабатываемое из сока местной породы дерева *лубан*, которое применяется в производстве духов и другой парфюмерной продукции [3, р. 166].

Основу китайского импорта составляла готовая одежда, ткани, обувь, другие изделия легкой промышленности, а также консервированные продукты, фарфоровая посуда, мебель. Большим спросом у оманского населения пользовалась китайская бытовая техника, радиоприемники, калькуляторы, магнитофоны и т.д. В Маскате ежегодно проходили выставки-ярмарки китайских товаров, что способствовало их упрочению на местном рынке.

Торговые связи между двумя странами были стабильными, постоянно шло увеличение торгового оборота.

Политические контакты также были постоянными - обмен парламентскими делегациями, встречи представителей министерств иностранных дел обеих стран. На них обсуждались двусторонние отношения и актуальные международные проблемы, но они носили в значительной степени протокольный характер.

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ СВЯЗЕЙ В 2000-е гг.

Более интенсивное развитие отношений между Султанатом Оман и КНР относится к 2000-м гг., когда КНР стремительно наращивала экономическую мощь и активизировала свое участие в мировой политике. В султанате также быстрыми темпами шел процесс модернизации. С 2005 г. между руководством Омана и Китая проходили ежегодные встречи, имевшие стратегический характер. На них обсуждались политические проблемы, затрагивавшие интересы обеих стран. Этот политический диалог позволял достигать взаимопонимания и сближать точки зрения по актуальным проблемам международных отношений.

Взаимодействие сторон охватывало и сферу безопасности. В период обострения ситуации из-за активизации действий пиратов в Красном море, Китай начал принимать участие в международном патрулировании, и его корабли регулярно заходили в оманский порт Салаля.

Быстрыми темпами развивалось и экономическое сотрудничество, что было подтверждено серией подписанных соглашений с компаниями в области строительства, создания электростанций, дорог, совершенствования портов и водоснабжения, а также строительства кораблей. Китай вложил свыше \$600 млн в развитие различных отраслей оманской промышленности. Более 40 китайских фирм работали на территории Омана [4]. Китай оказывал помощь Оману в подготовке кадров для нефтяного сектора.

Товарооборот также быстро рос, достигнув в 2013 г. \$23 млрд, что превратило Оман в четвертого (после Саудовской Аравии, ОАЭ и Ирака) крупнейшего торгового партнера Китая на Ближнем Востоке. Номенклатура оманского экспорта включала в себя сырую нефть, метанол, параселен, полипропилен [4]. В 2018 г. 82,8% нефтяного экспорта Омана было направлено в Китай [5]. Был подписан ряд торговых соглашений.

Партнерские отношения между двумя странами постоянно укреплялись. В мае 2008 г., когда в Китае произошло разрушительное землетрясение, султанат оказал ему помощь в строительстве жилья, а также медицинских и образовательных учреждений.

Еще одним свидетельством дружеских связей двух стран был тот факт, что Оман стал единственным пунктом в регионе Персидского залива, через который проходил путь Олимпийского огня из Греции в Китай в период состоявшихся в КНР в 2008 г. Олимпийских игр.

В 2010 г. была создана Ассоциация оmano-китайской дружбы, что содействовало развитию сотрудничества в области культуры. Китай принимает участие в фестивалях оманской культуры. Одним из примеров, демонстрировавших успехи

в этой области, стало участие Омана в Экспо в Шанхае в 2010 г. Оманский павильон посетили свыше 3 млн человек [5]. Между странами активно развивается сотрудничество в области образования и науки. В Пекинском университете были созданы центры изучения арабского языка, а в Оманском университете стали преподавать китайский язык.

НОВЫЙ ЭТАП СОТРУДНИЧЕСТВА

В 2007 г. в Омане была разработана стратегия развития «*Oman Vision 2040*». Ее главная цель - привлечение иностранных инвестиций. Одним из главных проектов стало строительство порта Дукм. Китай вложил в этот проект \$10,7 млрд [6]. Порт должен был быть оснащен сухим ремонтным доком, а также плавучим доком, предназначенным для ремонта и технического осмотра нефтяных и газовых танкеров повышенной грузоподъемности, а также складскими помещениями, емкостями для хранения металлов, нефтехимикатов, минерального сырья, руд и товаров народного потребления. Была поставлена задача превратить его в одну из ведущих, хорошо оборудованных гаваней мира. Благодаря своему расположению и возможности хранения нефти порт Дукм может стать важнейшим центром экспорта нефти в Заливе.

В 2016 г. Оман подписал с китайским консорциумом соглашение о создании специальной промышленной зоны Дукм. Кроме порта, в ней будут построены следующие объекты: нефтеперерабатывающий завод, завод по производству метанола, гигантские установки по выработке солнечной энергии, автосборочный завод, а также жилые комплексы для 25 тыс. жителей, со школами, медицинскими центрами, развлекательными учреждениями, офисами, а также туристической зоной, стоимостью в \$200 млн [7].

В марте 2017 г. китайский консорциум, осуществляющий проект оmano-китайской промышленной зоны, направил 39 оманских студентов в один из политехнических университетов Китая для прохождения двухгодичной стажировки. Предполагается, что это будет первая партия из 1000 студентов, которые пройдут стажировку в Китае, а затем будут работать в этой промышленной зоне [8]. Для Омана подобное сотрудничество помогает решить две актуальные задачи - подготовку кадров и увеличение числа рабочих мест.

В 2013 г. КНР представила два проекта - «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской шелковый путь XXI века». Позже они объединились в инициативу «Один пояс, один путь».

«Экономический пояс Шелкового пути» включает в себя создание новых сухопутных транспортных путей, и призван путем осуществления новых инфраструктурных проектов - в об-

ласти транспорта, включая железные дороги, и строительство трубопроводов - расширить связи между Китаем, Центральной Азией, Россией и Европой.

«Морской шелковый путь XXI века» предполагает строительство и совершенствование портов, чтобы создать единый морской путь, связывающий Китай, Южную и Юго-Восточную Азию, а также Восточную Африку и Западную Азию с Средиземноморьем.

Сухопутный и морской пути имеют ряд пунктов пересечения - один из них расположен в Султанате Оман - промышленный город Сохар. Кроме того, Оман имеет огромное значение для реализации Морского шелкового пути КНР. Он связан не только с Аравийским полуостровом и регионом Персидского залива, но и с Восточной Африкой и Южной Азией - теми территориями, которые включены в этот проект. Как отмечал оманский исследователь, «Оман расположен напротив порта Гвадар, что имеет особое значение для Китая, т.к. это прямая связь с его западной частью через китайско-пакистанский экономический коридор» [8]. Китай высоко оценивает возможности Омана для осуществления проекта «Один путь, один пояс». Как заявил посол КНР в Омане Ю Фулонг, «Оман находится в центре "Морского шелкового пути", который идет через Малаккский пролив к Индии и Шри-Ланке, проходит через Оман, а затем идет в Европу» [1, р. 6].

Оман также крайне заинтересован в участии в этом проекте, т.к. это даст ему возможность решить те задачи, которые были им намечены в перспективном плане - «Видение Омана 2040», предусматривающего глубокую трансформацию экономической структуры страны.

В 2018 г. султан Кабус и председатель КНР Си Цзиньпин заявили об установлении стратегического партнерства между возглавляемыми ими странами. В ноябре 2019 г. китайская официальная делегация, которую возглавлял председатель Национальной консультативной конференции КНР Ванг Яанг, посетила Оман. На встрече с Фахдом бин Махмудом Аль Саидом заместителем премьер-министра Омана, он заявил, что претворение в жизнь инициативы "Один путь, один пояс" предоставит Оману возможность расширить участие Китая в осуществлении своих проектов в сфере инфраструктуры, строительства, создании промышленных зон, энергетических и инновационных проектов. Они будут сопровождаться расширением сотрудничества в культурной и образовательной областях, а также в области туризма [9].

Национальные приоритеты двух стран, которые нашли отражение в их перспективных программах, создают основу для их дальнейшего сотрудничества на взаимовыгодной основе.

По мнению Хамдана Аль-Фазари из Сохарского университета, «Оман может создать для Китая новые транспортные возможности, для того, чтобы облегчить ему проникновение на новые рынки для сбыта его продукции, а также обеспечить энергетическую безопасность», став центром нефтепереработки. Благодаря своему стратегическому положению он может «стать региональным хабом между странами Персидского залива и Азией» [10, р. 153].

Оман является членом региональной организации Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), и Китай получает возможность расширить свои связи с другими государствами-членами этого объединения, а также принять участие в реализации их общих проектов, таких, как строительство скоростной железной дороги и других.

Дополнительным фактором успешности сотрудничества между Оманом и КНР является тот факт, что эти государства связывает их принадлежность к Азии, что имеет огромное значение в свете трансформации всей системы международных отношений, когда все азиатские страны испытывают свою причастность к стремительному подъему Китая, который становится одним из ведущих центров мировой политики.

В выступлении спикера Государственного совета Омана на встрече с представителями китайской делегации эта мысль получила свое подтверждение. Он заявил: «Как азиатская страна, Оман гордится грандиозными достижениями Китая и хотел бы и дальше углублять стратегические отношения с ним, основанные на взаимном доверии, и расширять связи в области нефти и газа, новых энергетических ресурсов, промышленных проектов, туризма и культуры, с тем, чтобы возро-

дить Шелковый путь» [9]. Совпадение интересов двух стран стало стимулом для расширения их отношений.

* * *

Отношения между Оманом и КНР начали развиваться после установления дипломатических связей в 1978 г., хотя они имели интенсивные контакты в древности, память о которых поддерживается в обеих странах для развития двухсторонних взаимовыгодных отношений в современный период. Сотрудничество между ними охватывало как политическую, так и экономическую сферу. На протяжении всех лет торговым связям уделялось самое пристальное внимание, т.к. Китай был заинтересован в импорте энергоресурсов, а Оман ввозил недостающие ему товары народного потребления. Постепенно уровень отношений между двумя странами повышался, достигнув, в конечном итоге, уровня стратегического партнерства.

Реализация планов перспективного развития Омана - «Видение 2040» и китайской программы «Один путь, один пояс» открывают перед ними новые возможности для расширения партнерских отношений. Обе страны крайне заинтересованы в этом, т.к. для Омана - это возможность получить китайские инвестиции, необходимые ему для осуществления программ по диверсификации экономики. Китай осознает важность Омана, который имеет уникальное географическое расположение, что превращает его в один из важнейших пунктов по реализации китайских транспортных проектов. Успешное выполнение поставленных задач создаст новые благоприятные перспективы для дальнейшего развития оmano-китайских отношений.

Список литературы / References

1. Zhibin Han. Historical Exchange and future cooperation. *International Relations and Diplomacy*. January 2018. Vol. 6, № 1. <https://pdfs.semanticscholar.org/b737/7d37f5bab3ccb5499c1e81d29c5e279ba583.pdf> (accessed 02.06.2020)
2. Oman in History. Ministry of Information. Sultanate of Oman. Immel Publishing Ltd. L., 1995.
3. Денисов Н.А. Становление государства Оман в период правления султана Кабуса (1970-1980 гг.). Дисс. ... к.и.н. М., 2000. (Denisov N.A. 2000. Formation of the state of Oman during the reign of Sultan Qaboos (1970-1980). PhD thesis. Moscow) (In Russ.)
4. Exploring the China and Oman. *The Diplomat*. 02.04.2020. <https://thediplomat.com/2014/05/exploring-the-china-and-oman-relationship/> (accessed 12.05.2020)
5. Oman-China Trade Ties to Deepen Further. *Muscat Daily*. January 13, 2019. <https://muscatdaily.com/Archive/Business/Oman-China-trade-ties-to-deepen-further-5cpn> (accessed 13.03.2019)
6. Oman's Duqm, a new port city for the Middle East? *Middle East Eye*, February 10, 2019. <https://www.middleeasteye.net/news/omans-duqm-new-port-city-middle-east> (accessed 18.05.2020)
7. Why China is building a new city out in the desert of Oman. <https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2017/09/08/why-china-is-building-a-new-city-out-in-the-desert-of-oman/#72d9be06b2f2> (accessed 18.05.2020)
8. Hamed Al-Hasni. The Role of China's Public Diplomacy in Promoting the Belt and Road Initiative in Oman through Communication: An Examination of the Integrated Model of Public Diplomacy - Online Manuscript Submission System. <http://www.globalmediajournal.com/open-access/the-role-of-chinas-public-diplomacy-inpromoting-the-belt-and-road-initiativein-oman-through-communic> (accessed 18.07.2020)
9. China, Oman agree to step up BRI cooperation. *XINUANET*, April 4, 2020. http://www.xinhuanet.com/english/2019-11/16/c_138560544_2.htm (accessed 22.07.2020)
10. Hamdan Al-Fazari. Adoption of One Belt and One Road initiative by Oman: lessons from the East. *Business Advancement*. 2019. Vol. 12, № 1.

DOI: 10.31857/S032150750012799-0

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КНР И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

© 2020 М. ГУЛЕВА

ГУЛЕВА Мария Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры медиалингвистики факультета журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова (guleva.m@gmail.com)

Резюме. В социально-экономическом развитии Китая одну из ключевых ролей играют вопросы трудоустройства рабочей силы и совершенствование структуры производства, что требует подготовки большого числа специалистов высокой квалификации. Важное значение приобретает стимулирование развития профессионального образования. Китай прошел несколько этапов в становлении системы профессионального обучения и сегодня стоит на пороге новых реформ в отрасли. В статье рассматриваются также проблемы и перспективы развития этого направления в обучении.

Ключевые слова: Китай, профессиональное образование, рабочая сила, финансирование и управление образованием, учебные программы

VOCATIONAL EDUCATION IN CHINA AND PROSPECTS OF IT'S DEVELOPMENT

Maria A. GULEVA, PhD (Economics), Associate Professor, Department of Media Linguistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (guleva.m@gmail.com)

Abstract. In the socio-economic development of modern China, one of the key roles is played by the issues of labor force placement and the improvement of the production structure, which requires the training of a large number of highly qualified specialists. In this regard, it is especially important to stimulate the development of vocational education. China has gone through several stages in the formation of a vocational training system and today is on the verge of new reforms in the industry.

This type of education has gone all the way from creation, expansion, to the quality development of the industry. Today it is the largest vocational training system for the population in the world. It covers 19 major industries and over 100 specialties, thus covering all areas of the national economy. Educational institutions for vocational training of the population of different levels are located in more than 300 cities in China and almost 3 thousand counties.

By 2030, a significant part of the China workforce will get older. That is why the concept of lifelong learning is now so actively supported by the country's authorities. It is obvious now that involving young people in vocational training and providing conditions for advanced learning is very important for the economic development of the country.

The article examines the current state of vocational education in the PRC, as well as the current problems, such as the lack of industry financing, mismatch between supply and demand on the market, and therefore the necessity of the curriculum reforms; besides the prospects for the development of this type of education are being analyzed.

Keywords: China, vocational education, labor force, education financing and management, curriculum

С момента основания Китайской Народной Республики в 1949 г. профессиональное образование (ПО) прошло несколько этапов своего развития.

Первый - это этап становления и формирования, длился вплоть до 1991 г. С 1992 по 2013 гг., в период, когда начался новый этап экономической реформы, а именно создание системы социалистической рыночной экономики, профессиональное образование начало развиваться во всех регионах страны. Уже в 2005 г. Министерство образования назвало развитие профессионального обучения ключевым фактором развития всей системы образования, в целом. Отмечалось, что первые этапы развития образования в стране - укрепление обязательного 9-летнего обучения в деревне и создание высококласных университетов мирового уровня - уже пройдены, и потому следующим ключевым этапом станет реформирование именно системы подготовки профессиональных кадров.

В 2014 г. Госсовет КНР принял документ - «Ускорение развития современного профессионального образования», с чего начался 3-й этап развития этой ступени обучения, который длится

и по сей день. Таким образом, профессиональное образование прошло весь путь от создания, расширения к качественному развитию отрасли.

На сегодняшний день - это крупнейшая система профподготовки населения в мире. Она охватывает 19 крупных отраслей и более 100 специальностей, покрывая, таким образом, все сферы национальной экономики. Учебные заведения по профессиональной подготовке населения разных ступеней расположены в более чем 300 городах Китая и почти 3 тыс. уездах [1].

ЧТО ПОДРАЗУМЕВАЕТСЯ ПОД ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ В КИТАЕ?

Речь идет об образовании, в ходе которого «передаются некоторые необходимые профессиональные навыки». В «Законе КНР о профессиональном образовании» 1996 г. говорится, что данный вид обучения является одним из важнейших в системе образования Китая [2].

Профессиональное обучение включает в себя: «1) овладение профессионально-техническими

знаниями в процессе общего образования; 2) профессиональную подготовку для занятия рабочего места по определенной профессии; 3) непрерывное профессиональное обучение для совершенствования знаний в определенной области» [3].

В ходе социально-экономического развития и изменения спроса на рынке труда границы профессионального образования становятся все более расширенными. Модернизация ПО способствует повышению качественных характеристик учащихся, подготовке кадров, обладающих различными актуальными навыками и, следовательно, дальнейшему совершенствованию структуры производства и экономического развития [4].

СИСТЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ СЕГОДНЯ

Профессиональное образование в Китае сегодня можно условно поделить на два типа: подготовка в учебных заведениях и вне их. К первому типу относятся начальное, среднее и высшее профессиональное обучение. Он включает в себя неполные средние школы, куда принимают учащихся, имеющих обязательное начальное образование (1-6 классы), учеба длится 3 года, как и в общеобразовательной средней школе первой ступени в Китае¹. Профессиональные школы начальной ступени расположены преимущественно в сельской местности и позволяют их выпускникам находить несложную работу в районе проживания. В 1980-1990 гг. они составляли лишь 2% от общего количества школ, а после 2000-х г. их число и вовсе стало стремительно падать: к 2018 г. во

всем Китае осталось лишь 11 учебных заведений этой категории с общей численностью 20 тыс. человек [5]. Этот факт свидетельствует о том, что жители Китая стремятся сейчас, в первую очередь, получить полноценное базовое 9-летнее образование в общеобразовательных школах и лишь потом начинать поиск той или иной работы.

Профессиональные школы средней ступени составляют основу системы ПО. В них принимают выпускников общеобразовательных средних учебных заведений с последующим обучением в течение 3 лет. После выпуска молодые люди могут, в зависимости от личного выбора и запросов рынка, продолжить обучение в вузе, либо начинают поиск работы. Количество средних ПО школ в Китае хотя и снизилось в последние 30 лет, однако все еще сопоставимо с общеобразовательными средними школами второй ступени, которых в 2018 г. насчитывалось около 14 тыс.

Тенденцию снижения числа школ можно объяснить частичным падением интереса к обучению в учебных заведениях этого типа в начале 2000-х гг., а также закрытию и слиянию некоторых из них. При этом одновременно с уменьшением количества школ наблюдался довольно значительный рост численности учащихся и преподавательского состава. Так, уже в начале 2000-х учеников стало почти в 4 раза больше по сравнению со второй половиной 1980-х гг., однако в эти годы рост остановился, и затем данный показатель остановился примерно на одном уровне, показывая лишь небольшую динамику снижения (см. табл. 1).

Высшее профессиональное образование, по своему уровню сопоставимое с российскими

Таблица 1

Численность учащихся, преподавательского состава и количество профессиональных учебных заведений

		1985	1995	2005	2015	2018
Начальное профессиональное образование	Количество школ	1626	1535	601	22	11
	Численность учителей (тыс.)	-	37	20	1	-
	Численность учащихся (тыс.)	452	697	431	50	20
Среднее профессиональное образование	Количество школ	14190	19727	14466	11202	10229
	Численность учителей (тыс.)	355	740	750	844	834
	Численность учащихся (млн)	4,76	12,3	16	16,5	15,5
Высшее профессиональное образование	Количество учебных заведений	-	-	1091	1341	1418
	Численность преподавателей (тыс.)	-	-	268	455	498
	Численность учащихся (млн)	0,58	1,26	7,13	10,48	11,33

Составлено автором по: [5, табл. 21-5, 21-6, 21-8].

¹ Общеобразовательная средняя школа в Китае делится на две ступени: средняя школа первой ступени (аналог 7-9 классов) и средняя школа второй ступени (она же старшая средняя школа) - 10-12 классы.

среднеспециальными колледжами, включает в себя высшие профессиональные колледжи и различные т.н. «краткосрочные вузы», которые готовят технических специалистов разного уровня подготовки². После окончания 3-4-годичного обучения выпускники, как правило, находят работу в сферах механики, электроники, машиностроения, информатики и т.д. [6].

Проследить динамику развития высшего ПО можно преимущественно с 2000-х гг., поскольку в статистических сборниках отсутствуют данные за последние годы XX в. Кроме того, профессиональные учебные заведения высшей ступени стали выделять отдельной графой лишь с 2014 г., когда ПО стало переживать новый этап развития.

За 30 лет численность учащихся высших профессиональных учебных заведений стремительно выросла - до 11,3 млн (для сравнения, в обычных вузах сегодня обучается свыше 28 млн человек). Сегодня уже почти 500 тыс. преподавателей обучают китайских студентов в более чем 1400 вузах профессиональной ступени.

Выпускники профессиональных школ и высших учебных заведений работают в самых различных отраслях экономики, в т.ч. на производстве, сельском хозяйстве, транспортной и туристической сферах, электронной коммерции и др.

За последние 10 лет занятость среди выпускников средних профессиональных учебных заведений превысила 95%, профессиональных вузов - свыше 90%. В начале 2000-х этот показатель равнялся чуть более 80% [6, с. 250]. Кроме того, более 70% работников производственных и новых отраслей экономики составляют как раз выпускники именно профессиональных учебных заведений. Их трудоустройство способствует развитию малых и средних предприятий и региональных производств [7].

Система подготовки вне учебных заведений довольно разнообразна и включает в себя различные ведомственные и общественные организации, курсы переподготовки и другие формы внешкольного обучения, позволяющего адаптироваться к потребностям рынка и обеспечивающего дальнейшее развитие производительных сил Китая. В 2019 г. власти заявили о создании целой системы профессиональной переподготовки в масштабах всей страны [8].

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вопросы управления

Власти КНР всегда играли важнейшую роль в развитии, корректировке и адаптации системы

ПО к потребностям рынка в период экономических реформ. Однако и сегодня профессиональное образование в Китае находится в поиске баланса между потребностями государства и рынка, стараясь поддерживать необходимый паритет между ними.

В 2000-х гг. правительство КНР сформировало двухуровневую систему управления профессиональным образованием, в основе которой лежит местное управление, государство же осуществляет макрорегулирование и мониторинг качества обучения. Реформа повысила активность провинций и городов, однако привела к разрыву в уровне финансирования учебных заведений. В определенной степени последние получили большую автономность, что принесло как свои плюсы, так и минусы. Среди плюсов можно отметить возможность более гибкого формирования учебных программ, адаптацию к потребностям рынка. Негативным же фактором стало то, что ряд учебных заведений столкнулись с нехваткой финансирования [4, с. 297].

Финансирование отрасли

Основным источником финансирования профессионального образования остается правительство. Полные средние школы получают средства от административных органов образования на местах, а специальные учебные заведения и вузы - от государственных предприятий и ведомств.

В 2019 г. профессиональные учебные заведения высшей ступени получили 240 млрд юаней (\$34 млрд) инвестиций, общий объем которых в высшее образование, в целом, составил 1346 млрд юаней (\$192 млрд) [9].

Основные направления работы включают в себя улучшение механизма финансирования отрасли, предоставление субсидий для работников сферы ПО, а также расширение и усовершенствование подготовки в профессиональных колледжах, численность учащихся в которых должна достичь 1 млн человек [10].

Очевидно, что профессиональное обучение - важнейший фактор развития национальной экономики, но и определенным общественным продуктом, финансировать который должно, на наш взгляд, не только правительство, но и соответствующие ведомственные структуры и компании. Однако пока их доля не столь велика (см. *табл. 2*).

Как видно из *табл. 2*, на ступени высшего образования государственные ассигнования в 2019 г. колебались от 30 до 80% в зависимости от

² Под «краткосрочными ВУЗами» подразумеваются высшие учебные заведения, где студенты проходят обучение по сокращенной программе. Как правило, учебный процесс длится 1-2 года.

Таблица 2

**Расходы на высшее профессиональное образование
(на примере ряда китайских ВУЗов) (в млн юанях)**

Учебное заведение	Общий бюджет	Государственные вложения	Вложения предприятий	Другие источники
Пекинский с/х профессиональный институт	481	428	36	17
Пекинский промышленный технологический профессиональный институт	343	287	31	25
Гуандунский научно-технический профессиональный институт	531	206	180	145
Гуандунский торгово-промышленный профессиональный институт	276	137	128	11
Чжэцзянский международный промышленно-технический институт морских сообщений	165	84	43	38
Торгово-экономический профессиональный институт пров. Цзянсу	342	192	120	30

Составлено автором по: [11].

региона, а вложения ведомств и компаний - от 10 до 30%, соответственно. Остальные расходы ложились на самих учащихся в виде различных учебных взносов, что делает обучение недоступным для некоторых слоев населения.

В связи с этим в последние несколько лет все чаще звучат призывы разграничить ответственности между властями, учащимися, нанимающими их организациями и самим обществом. Недостаточное финансирование и неравномерное распределение средства в отрасли до сих пор являются одной из важнейших проблем в сфере профессионального образования.

Однако при этом стоит отметить и тот факт, что, начиная с 2019 г., правительство заявило о повышении стипендий для учащихся высших профессиональных учебных заведений. Теперь они составят 3300 юаней в год. Кроме того, вырастет число самих стипендиатов. Нововведением стало и то, что стипендии в размере 2000 юаней в год будут выплачиваться и 20 тыс. учащимся средних профессиональных школ. Это касается как государственных, так и частных учебных заведений, а также профессиональных колледжей, численность учащихся в которых должна достичь 1 млн человек [7].

Содержание обучения и учебные программы

Другой важной проблемой в системе профессионального обучения в Китае сегодня является несоответствие спроса и предложения на рынке. В настоящий момент наблюдается значительный

разрыв между объемом знаний и умений, которые преподаются в профессиональных школах, и тех, которые реально нужны на практике. Стремительное развитие новых технологий требует от работодателей затрачивать все больше времени и средств на подготовку вчерашних выпускников. Это ослабляет связи малых и средних предприятий с учебными заведениями. Кроме того, низкий доход и частая сменяемость кадров становятся дополнительными преградами между ПО и производством. Так, в 2019 г., по данным рекрутингового агентства *Zhaopin*, количество вакансий для только что выпустившихся специалистов снизилось на 13% [12].

Отдельно стоит проблема составления программ в профессиональных учебных заведениях средней и высшей ступней. За последние годы Министерство образования выпустило несколько нормативных документов. Так, с целью углубления реформ профессионального образования в 2003 г. были опубликованы «Мнения по поводу всестороннего продвижения воспитания качественных характеристик и углубления реформы преподавания в учреждениях среднего профессионального образования». Подчеркивалась необходимость активного и регулярного обновления системы, реализации гибких форм обучения, реформирования перечня специальностей и создания новых учебных материалов.

Перед средними профессиональными учебными заведениями ставилась задача подготовки «работников с высокими качественными характеристиками».

Таблица 3

Распределение учебных часов в профессиональной школе средней ступени

Дисциплины	Теоретическая часть	Практической часть	Всего
Китайский язык	160-180	32-36	192-216
Английский язык	128-144	54-72	182-216
Математика	128	32-64	160-192
Информатика	98-108	32-36	130-144
Физика	48	16-32	64-80
Химия	48	16-30	64-78

Составлено автором по: [13].

тиками, способных трудиться на передовой линии производства, техники и управления». Поэтому отмечалась важность «широкой базовой подготовки» и создания «гибких модулей» [6, с. 288]. Под первым понятием подразумевалось стимулирование развития качественного обучения, ведущее место в котором будет отводиться воспитанию навыков и активизации личностного роста учащихся. «Гибкие модули» должны основываться на требованиях, предъявляемых рынком к учебным заведениям. Каждый модуль ориентирован на воспитание отдельных навыков и компетенций, необходимых в конкретной профессии. Особое внимание также уделяется практическим занятиям.

Программы пересматривались еще несколько раз, в 2005, 2009 и 2011 гг., актуальными остаются решения Министерства образования от 2009 и 2011 гг. Трудоемкость базовых предметов в средней школе (в часах) отражена в табл. 3.

В целом, даже в базовом блоке предметов, как минимум, треть учебных часов относится к практическим заданиям. В настоящий момент программы учебных заведений средней и высшей ступени пересматриваются и наряду с обновлением программ в общеобразовательных учебных заведениях, изменения коснутся и школ ПО [19].

Говоря о высшем профессиональном образовании, стоит упомянуть пилотный проект «1+X», по итогам которого выпускники будут получать диплом университета вместе с сертификатом о подготовке по какой-либо конкретной специальности. Планируется, что к 2022 г. в инициативе будет участвовать 50 университетов из 10 провинций страны. Среди преподавательского состава таких программ особую роль будут играть те, кто обладает не только теоретическими знаниями, но и практическими навыками в той или иной отрасли [14].

ПЕРСПЕКТИВЫ, ПРОГНОЗЫ, ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ ПО

2019 год стал важным рубежом для всей системы профессионального образования, в целом. Именно в этом году Госсовет КНР заявил о необходимости новых реформ в сфере профессиональной подготовки населения страны [20].

Согласно докладу *McKinsey Global Institute*, к 2030 г. с развитием науки, технологий и роботостроения 118 млн рабочим в Китае потребуется повышение квалификации и обучение новым навыкам, необходимым для адаптации к работе с инновационными технологиями [15].

Свои оценки по модернизации национальной промышленности дал Госсовет КНР. В программе «Сделано в Китае-2025» отмечается, что к 2025 г. нехватка квалифицированной рабочей силы в промышленности может достичь 30 млн человек [16].

Сегодня в Китае наблюдается постепенное снижение общей численности рабочей силы. К 2030 г. более 25% всего населения будет в возрасте выше 60 лет [21]. Именно поэтому концепция «обучения на протяжении всей жизни» сейчас так активно поддерживается властями страны [22]. Стало очевидно, что необходимо привлечение молодых людей в профессиональное обучение и обеспечение условий для повышения квалификации. Во время поиска новых сотрудников компании уделяют все большее внимания наличию у них конкретных узкоспециализированных навыков и прохождения ими профессионального обучения.

Развитие инициативы «Пояс-путь» стимулировало рост спроса на высококвалифицированных специалистов различных профилей. Многие гиганты в сфере профессиональной подготовки уже давно пристально следят за ситуацией. Так, например, одна из крупнейших мировых корпора-

ций *Pearson* расширяет свое присутствие в секторе ПО в Китае³. Очевидно, что под влиянием все большего внимания со стороны правительства к развитию профессионального образования эту сферу ожидает стремительное развитие.

В 2019 г. на рынке наблюдалось все больше сделок по инвестированию в компании, ориентированные на профессиональную подготовку и переподготовку населения. Так, в первом квартале 2019 г. было заключено 28 финансовых сделок, а за весь год - 68 [17].

По оценкам, опубликованным в докладе китайской платформы по научно-техническим исследованиям *Qianzhan* о модели развития и перспективах инвестирования профессионального образования, в 2020 г. объем рынка ПО может достичь 162 млрд юаней (около \$20 млрд) [17].

На образовательном рынке Китая появляется все больше новых платформ и сервисов, позволяющих развивать модное сейчас в Китае онлайн-образование, так же, как и в нише профессиональной переподготовки. Так, например, компания *Huikedu Group* объединяет сегодня более 1500 колледжей и 23 университета для ведения стриминговых лекций⁴, охватывающих различную тематику. Они ведут трансляции с участием представителей крупнейших компаний, проводят онлайн мастер-классы и приглашают ведущих специалистов для чтения курсов лекций.

Очевидно, что с растущей популярностью дистанционного образования онлайн-обучение будет и дальше становиться все более востребованным в сфере профессиональной подготовки кадров.

РЕФОРМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 2019 ГОДА

Нехватка профессиональных кадров, особенно в передовых сферах производства, оказывает значительное влияние на процесс модернизации производства и экономической реструктуризации в Китае. В этой связи Госсовет КНР в 2019 г. принял документ о реформе профессионального образования. Представляя новый план реформы, глава Департамента профессионального обучения и образования для взрослых Ван Цзипан впервые отметил равную роль и статус общего и профессионального образования для развития страны.

Вместе с тем, сегодня в китайском обществе существуют определенные предрассудки относи-

тельно профессионального образования. Далеко не все поступающие в профессиональные образовательные структуры средней ступени молодые люди продолжают затем свое обучение в высшей школе. Очевидно, что власти самым активным образом начнут работать над повышением имиджа ПО.

Среди ключевых направлений работы в сфере ПО на ближайшую перспективу отмечаются:

- большая координация между производствами и учебными заведениями, адаптация специальностей под реальные нужды экономики;
- смещение фокуса с главенствующей роли правительства на диверсификацию работы между властями, обществом и предприятиями;
- переход от расширения системы ПО к развитию ее качественных характеристик;
- создание к 2022 г. 50 передовых вузов ПО с расширенной линейкой специальностей (увеличение до 150 специализаций);
- создание 300 специальных центров для прохождения профессиональной подготовки и переподготовки в разных регионах страны;
- реформирование учебных программ, увеличение доли практических занятий в общей сетке расписания в учебных заведениях, а также установление минимального срока производственной практики - 6 месяцев;
- наращивание квалифицированного педагогического состава, а также увеличение доли преподавателей-практиков;
- развитие новых технологий и инноваций в образовании и производственном секторе [8].

Говоря о профессиональном обучении, власти Китая часто цитируют строку из одной классической поэмы: «Существует 360 специальностей, и в каждой из них можно стать мастером», иными словами, «прилагая усилия, можно достичь успеха в любом деле» [18]. Вспоминая эти слова, в мае 2019 г. председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что в служении Родине и своему народу важно не престанно учиться и усердно работать. Вероятно, это можно назвать новым девизом развития системы ПО в КНР.

* * *

Профессиональное образование призвано эффективно способствовать социально-экономическому развитию страны. Низкий уровень качества трудовых ресурсов на селе и в отдаленных регионах Китая ограничивает масштабы миграции рабочей силы и весь процесс урбанизации.

³ Pearson Education - британская служба оценки образовательных услуг для школ, корпораций, а также студентов. Включает в себя организацию и проведение квалификационных экзаменов, издательскую деятельность и др. (прим. авт.).

⁴ Стриминг (от англ. *streaming* - «поточный») - услуга, обеспечивающая потоковое вещание медиаданных в режиме реального времени (прим. авт.).

Наличие достаточного числа высококвалифицированных «синих воротничков» является необходимым условием для поддержания конкурентоспособности и развития региональной экономики. Реформа крупных и средних предприятий невозможна без поддержки профессионального образования.

Властями отмечается важность подобных мер, особенно в тех регионах Китая, где на сегодняшний день преобладают нефтехимическая и обрабатывающая промышленности, сельское хозяйство, машиностроение, высокотехнологичные отрасли. Развитие в этих регионах профессиональ-

ного образования крайне важно для более эффективного распределения рабочей силы, структурных изменений в отраслях, а также поддержания устойчивого развития регионов.

Китай неоднократно подчеркивал необходимость перехода от концепции «Сделано в Китае» к концепции «Умное производство в Китае». В основе обеих концепций лежит потребность в квалифицированной рабочей силе, и потому обучение и подготовка высококвалифицированных специалистов разных профилей являются ключевыми задачами в современном профессиональном образовании КНР.

Список литературы / References

1. China Education Online. The historical track of China's vocational education development in the past 70 years (In Chin.). <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1653546860389325878&wfr=spider&for=pc> (accessed 02.08.2020)
2. Baike. The vocational education law of the People's Republic of China (In Chin.). <https://baike.baidu.com/item/2342798?fromtitle=&fromid=50254269&fr=aladdin> (accessed 02.08.2020)
3. Gu Mingyuan. Big Educational Dictionary. Shanghai, 1998 (In Chin.)
4. Ван Чанчунь. Состояние и перспективы профессионального образования в Китае. М., 2007, с. 543. (Wang Changchun. 2007. The current situation and prospects of vocational education in China. Moscow) (In Russ.)
5. China Statistical Yearbook 2019 (electronic variant), tabl. 21-5, 21-6, 21-8 (In Chin.)
6. Боровская Н.Е., Чжу Сяомань. Россия - Китай: образовательные реформы на рубеже XX-XXI вв.: Сравнительный анализ. М., 2007, с. 284. (Borevskaya N.E., Zhu Xiaoman. 2007. Educational Reforms in Russia and China at the Edge of the 20-21st century: Comparative Aspects. Moscow) (In Russ.)
7. Sina. 27.06.2019. Continuous «good news»: China's vocational education has witnessed great development (In Chin.). <https://finance.sina.com.cn/stock/renews/us/2019-06-27/doc-ihytcitk8098321.shtml> (accessed 02.08.2020)
8. Notice of the State Council on printing and distributing the Implementation Plan of the National Vocational Education Reform (In Chin.). http://www.gov.cn/zhengce/content/2019-02/13/content_5365341.htm (accessed 02.08.2020)
9. Statistical Bulletin on the Implementation of National Education Funds in 2019 (In Chin.). http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202006/t20200612_465295.html (accessed 02.08.2020)
10. China to bolster vocational education, expand enrollment. http://english.www.gov.cn/premier/news/2019/04/30/content_281476637627986.htm (accessed 02.08.2020)
11. Higher Vocational Development Think Tank: Review: How big is the gap between provincial higher vocational colleges' investment in 2019? (In Chin.). <http://www.zggzkk.com.cn/redianzixun/shownews.php?id=317> (accessed 10.08.2018)
12. Bloomberg. 10.07.2019. China's Brightest Grads Find High-Paying Jobs Harder to Land. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-07-10/china-s-brightest-grads-find-high-paying-jobs-harder-to-land> (accessed 02.08.2020)
13. Notice of the Ministry of Education on the issuance of the revised curriculum of seven public basic courses, including Chinese, in secondary vocational schools (In Chin.). http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_963/201001/xxgk_79143.html (accessed 02.08.2020)
14. Reform of the «1+X» certificate system will be launched in vocational education (In Chin.). http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_zt/moe_357/jyzt_2018n/2018_zt11/zt1811_hn/zt181109_mtgz/201811/t20181109_354178.html (accessed 02.08.2020)
15. McKinsey Global Institute. Jobs lost, jobs gained: workforce transitions in a time of automation. - <https://www.mckinsey.com/-/media/mckinsey/featured%20insights/Future%20of%20Organizations/What%20the%20future%20of%20work%20will%20mean%20for%20jobs%20skills%20and%20wages/MGI-Jobs-Lost-Jobs-Gained-Report-December-6-2017.ashx> (accessed 02.08.2020)
16. Vocational education breakthrough: from training craftsmen to «slash» talents. 9.08.2019 (In Chin.). http://www.xinhuanet.com/2019-08/09/c_1124855352.htm (accessed 02.08.2020)
17. China's vocational education industry ushering in a golden era. <https://en.jmdedu.com/Article/134> (accessed 02.08.2020)
18. Sohu. Xi Jinping: Vocational education has great potential (In Chin.). https://www.sohu.com/a/335455980_692703 (accessed 02.08.2020)
19. Ministry of Education of PRC. A brief introduction to the Guide to The Development Planning of Manufacturing Talents (In Chin.). http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_fbh/moe_2069/xwfbh_2017n/xwfb_170214/170214_sfcl/201702/t20170214_296156.html (accessed 08.11.2020)
20. The State Council on printing and Distributing the Reform of State Vocational Education. Notification of implementation plan (In Chin.). http://www.gov.cn/zhengce/content/2019-02/13/content_5365341.htm (accessed 08.11.2020)
21. Renmin Ribao. By 2030, China's population will reach about 1.45 billion, accounting for 25% of the total population aged 60 or above (In Chin.). <http://finance.people.com.cn/n1/2017/0126/c1004-29049936.html> (accessed 08.11.2020)
22. Ministry of Education of PRC. Build a complete system of lifelong education (In Chin.). <http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s4582/201009/108691.html> (accessed 08.11.2020)

DOI: 10.31857/S032150750012800-2

МОНГОЛИЯ. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ЯДЕРНОГО СЫРЬЯ И ТЕХНОЛОГИЙ

© 2021 Г. ТОРОПЧИН, В. ТЕРЕНТЬЕВ

ТОРОПЧИН Глеб Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного технического университета; доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления (glebtoropchin@mail.ru)

ТЕРЕНТЬЕВ Владислав Игоревич, кандидат исторических наук, учитель истории Улан-Баторского филиала РЭУ им. Г.В.Плеханова (vlad33@bk.ru)

Резюме. В статье рассмотрен рынок ядерного сырья и технологий в Монголии, степень вовлечённости в него различных внешних игроков. Предлагается обзор литературы по теме исследования, характеризуется состояние энергетической сферы в Монголии и рассматривается деятельность представителей Европейского Союза и отдельно Франции, Канады, России, КНР и Индии. Предпринимается попытка дать краткосрочный прогноз развития ситуации.

Ключевые слова: Монголия, рынок ядерного сырья, ядерные технологии

MONGOLIA. PERSPECTIVES FOR THE MARKET OF NUCLEAR RAW MATERIALS AND TECHNOLOGIES

Gleb V. TOROPCHIN, PhD (History), Associate Professor, Novosibirsk State Technical University; Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation (glebtoropchin@mail.ru)

Vladislav I. TERYENTYEV, PhD (History), History teacher, Plekhanov Russian University of Economics, Ulaanbaatar branch, Mongolia (vlad33@bk.ru)

Abstract. The article is dealt with scrutinising the nuclear raw materials and technologies market in Mongolia at the present time. The paper analyses the involvement of various external actors in the Mongolian uranium market. The work is based on world-systems theory and organised countrywide. The literature review is based on Russian, Mongolian and other sources. Major documents in the sphere of nuclear non-proliferation (such as the country's international treaties in the sphere, agreements with IAEA, national legislation, etc.) are also taken into account. The main part is devoted to the contemporary state of affairs in Mongolian energy sector. The following subsections deal with the activities of European Union (specifically France), Canada, Russia, China and India. In the conclusion, an attempt is made to provide a short-term prediction as to the related developments.

The only stage of the nuclear fuel cycle relevant for Mongolia in the present is front-end, namely extraction of uranium ore. The authors draw the inference that so-called "resource nationalism" presenting an important feature of Mongolian energy policy plays a crucial part in defining Ulaanbaatar's energy policy. Both internal and external factors impede further collaboration between Mongolia and other players on the global nuclear market. According to the world-systems analysts, Mongolia remains in the periphery of the global system, and its resources might be attractive for the "core" countries. Overcoming such obstacles on the basis of mutual cooperation will make it easier for the companies and countries to come to an agreement and establish a win-win situation both for Mongolia and other states.

Keywords: Mongolia, nuclear raw materials market, nuclear technologies

В экономике Монголии вопросы энергетической безопасности - одни из наиболее приоритетных. Страна, граничащая с двумя великими державами - Россией и КНР, по мере интенсификации структурных преобразований в экономике нуждается в новых источниках энергии.

Проблемы ядерной энергетики в Монголии и вопросы международного сотрудничества в области атомной энергетики недостаточно изучены в российской и зарубежной научной литературе, несмотря на наличие обобщающих публикаций по урановым месторождениям Монголии, которые явились результатом разработок советской геологии [2; 3; 4]. Как отмечает политолог из ДВФУ С.В.Севастьянов, Монголия остаётся на периферии энергетической проблематики в Северо-Восточной Азии на фоне более крупных соседей [5].

Украинско-монгольский коллектив авторов рассмотрел отдельные технологические компоненты возможной добычи уранового сырья в стра-

не на примере ряда месторождений [6]. В совместной работе южнокорейских и монгольских специалистов отмечается необходимость перехода к низкоуглеродной энергетике в обоих государствах, однако как жизнеспособная альтернатива ядерная энергетика рассматривается лишь в Республике Корея [7]. Отмечается также, что низкое содержание урана в монгольских рудах, высокая себестоимость их добычи - это факторы, сдерживающие разработки урановых месторождений российскими специалистами [8].

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В МОНГОЛИИ

В стране регулярно отмечается дефицит энергоснабжения. На конец 2019 г. 15% населения не было обеспечено электричеством [9], несмотря на то, что система энергоснабжения в Монголии отличается довольно диверсифицированной структурой: помимо традиционных источников энергии, среди которых богатые запасы угля, активно

внедряются ВИЭ — ветряные установки и гидроэнергетика [10].

При текущем энергопотреблении Монголия сохраняет относительную автономность от зарубежных энергоресурсов: на 2018 г. импортировалось менее 20% электроэнергии [10, р. 11]. Однако темпы экономического роста страны (7,2% в 2019 г.) приводят к повышению энергетических потребностей [11], предполагается, что к 2030 г. они вырастут в 4 раза [12], так что ядерная энергетика рассматривается в качестве одной из возможных опций для государства.

Несмотря на то, что авария на японской АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. поставила под вопрос перспективы расширения атомной энергетики в мире, монгольские власти высказывались в пользу создания собственной АЭС — такие планы были, прежде всего, у государственной компании *MonAtom LLC* [13]. Кроме того, по словам одного из предыдущих руководителей компании Ц.Гомбо, у Монголии в том же 2011 г. были планы снабжения ядерным топливом рынка Северо-Восточной Азии. Это вписывается в декларируемую Улан-Батором амбициозную цель — обеспечивать энергией всю Азию [9].

По данным *World Nuclear Association* на 2016 г., Монголия обладала залежами 141 тыс. т природного урана [14] — 12-й показатель в мире¹. Среди перспективных районов, в которых может вестись разработка, — Мардай и Гурванбулаг в аймаке (области) Дорнод на востоке страны, а также 4 сомона (района) в аймаке Дундговь — на юге. В июне 2020 г. разведка урана, проводимая компанией «*Гурвансайхан*», на последнем участке была приостановлена [15].

Несмотря на значительные запасы урановой руды в Монголии, препятствие для ее добычи иностранными компаниями — непоследовательная инвестиционная политика часто сменяемого правительства страны и общая риторика т.н. «ресурсного/экономического национализма» [16; 17], возникшего в Монголии в результате горнодобывающего бума: недра Монголии богаты залежами угля, меди, молибдена, золота, серебра, редкоземельных металлов, которые активно разрабатываются транснациональными корпорациями.

«Ресурсный национализм» формирует некоторые основы современного отношения к любому иностранному присутствию в горнодобывающей промышленности. Монгольская нация объявляется собственником всех природных ресурсов. Этот аргумент становится главным в планирова-

нии государственной инвестиционной политики, при которой большая часть финансовых средств, полученных в результате добычи полезных ископаемых, должна остаться в стране.

Действительно, в 2008 г. все запасы урана были объявлены стратегическими, более 50% каждого уранового месторождения с этого времени должно принадлежать государству [18]. Соответствующий закон был принят Великим Государственным хуралом в 2010 г. [14].

Кроме того, важным фактором является самопозиционирование Монголии как страны, добровольно и в одностороннем порядке объявившей в феврале 1992 г. свою территорию безъядерной зоной [19]. Этот статус был принят и поддержан Генеральной Ассамблеей ООН в конце 1990-х гг. и окончательно закреплён в национальном законодательстве в 2000 г.

Страна стала полноценной участницей международного режима ядерного нераспространения, подписав и ратифицировав Договор 1968 г. о нераспространении ядерного оружия и ряд других документов (таких, как Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний). Монголия подписала соглашение о гарантиях с МАГАТЭ (*INFCIRC/188*) ещё в 1973 г. [20]. В 2003 г. вступил в силу Дополнительный протокол между Агентством и Улан-Батором о расширенных гарантиях ядерной безопасности [21].

В связи с этим необходимо рассмотреть позиции ключевых игроков, заинтересованных в реализации различных стадий ядерного топливного цикла в Монголии — от добычи и первичной обработки ядерного сырья до строительства и эксплуатации АЭС.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

ЕС, как правило, следует тренду на налаживание научно-технического сотрудничества со странами-партнёрами. В частности, в сфере мирного атома это реализуется за счёт совместных проектов с Евратомом — одной из первых в истории структур евроинтеграции.

В рамках сотрудничества с ЕС в 2014–2017 гг. был реализован проект по определению условий для добычи урана в Монголии. С британской стороны в нём участвовала *Amec Foster Wheeler Earth & Environmental Ltd.*, с германской — *WISUTEC GmbH* [22]. Документы не носили окончательного характера, ограничиваясь лишь рекомендациями. Монголия также получала финансовую помощь

¹ Мировые лидеры по запасам урана — Австралия, Казахстан и Канада; Монголия ненамного опережает по этому показателю такие страны, как Индия и США (*прим. авт.*).

от ЕС, цель которой состояла в покрытии издержек на экологический мониторинг урановых месторождений. Однако более предметно исследуемая тематика прорабатывается на межгосударственном уровне в отношениях с конкретными странами.

Франция

Париж активно занимается продвижением на мировом рынке ядерного сырья и технологий автономно от ЕС. Заметно и французское участие в разработке месторождений: компания «*Areva*» (с 2018 г. известна как «*Orano*») присутствует на монгольском рынке уже более 20 лет [23; 24], на рубеже 2000-2010-х гг. геолого-разведывательные работы велись *Mongol LLC* - дочерней компанией «*Areva*». В то время «*Areva*» вынашивала до сих пор не реализованные планы поставки в страну ядерного реактора для АЭС. Ныне «*Orano*» обладает лицензиями на добычу монгольского ядерного сырья.

Весной 2019 г. французы и монгольская государственная компания *MonAtom LLC* создали совместное предприятие ООО «*Бадрах Энерджи*» для добычи урана. По состоянию на конец 2019 г., французские геологи вели исследования в аймаке Дундговь. Компания пытается принимать меры социальной ответственности бизнеса [25] Тем не менее, по мнению членов общественного движения «Монголия без урана», французы производят работы без соблюдения соответствующих природоохранных требований, что приводит к гибели, мутации скота и загрязнению источников питьевой воды и почвы [26].

Канада

Неудивительно, что Канада, будучи одним из основных игроков на мировом рынке ядерного сырья и вторым экспортёром урана в мире², проявляет интерес к Монголии. Канадская *Khan Resources Inc.* вела разработки в аймаке Дорнод с 1995 по 2010 гг. [27]. Контрольный пакет акций монгольского объединения «*Тов Азийн уран*» (58%), которое владеет месторождением Мардай, принадлежит этой компании. Однако в 2007 г. по рассмотренным выше причинам оно было внесено в список стратегических месторождений, что привело впоследствии к неопределённому характеру его статуса и лишению *Khan Resources Inc.* лицензии. После пятилетней судебной тяжбы за право обладания урановым рудником с правительством Арбитражный суд страны принял решение в пользу канадской компании. Тем не менее, за-

конность сделок, сопровождавших продажу права на месторождение, изначально вызывала вопросы [27].

Россия

С 1948 г. советские геологи проводили поисковые работы на северо-востоке Монголии [27]. К 1981 г. гипотеза о наличии в этом районе урановых месторождений подтвердилась, и на основе межправительственного соглашения между СССР и МНР к 1988 г. в аймаке Дорнод было введено в строй предприятие «Эрдэс», включавшее карьер «Дорнод» и всю сопутствующую инфраструктуру (железнодорожные линии, жилые объекты и проч.). Разработка урана в районе Мардай продолжалась до середины 1990-х гг. По некоторым данным, общие затраты на поиски месторождений урана в МНР в 1970-1991 гг. составили почти 300 млн рублей [28; 29, р. 18.4]. Однако нерентабельность (с учётом падения цен на уран в 1990-е гг.) стала причиной прекращения работ.

С 1995 г. право добывать уран на месторождении получила *Central Asian Uranium Co. Ltd.* - совместное предприятие, 58% принадлежали канадской *Khan Resources Inc.*, по 21% российскому Приаргунскому производственному горно-химическому объединению и монгольской *MonAtom LLC*. В начале 2010-х гг. канадская компания была вытеснена из сделки, что западные СМИ объясняли «сговором» между Улан-Батором и Москвой [30].

В 2008 г. на фоне «уранового бума», когда рыночные цены на ядерное сырьё выросли в 5 раз, появились новые проекты совместного освоения монгольских урановых месторождений [31]. В конце 2010 г. премьеры РФ и Монголии подписали соглашение о создании совместного уранодобывающего предприятия «Дорнод-Уран», которое должно было начать разработку одноимённого месторождения на востоке страны [32]. Контрольный пакет (51%) оставался за монгольской стороной.

В феврале 2018 г. ГК «Росатом» и монгольская Комиссия по ядерной энергетике подписали Меморандум о сотрудничестве и создании научно-технологического «Центра ядерной науки и технологий». Предполагалось, что с обеих сторон будут созданы экспертные группы для координации работы [33]. Эта возможность вписывается в стратегию ГК «Росатом» по расширению присутствия на азиатских рынках в условиях банкротства и глобальной реструктуризации конкурентов

² На 1-е место по этому показателю вышел Казахстан, замыкает тройку лидеров Австралия (*прим. авт.*).

(американо-японской «Westinghouse» и французской «Orano»).

Не исключено, что современная тенденция к активизации совместных проектов в области энергетики может стать благоприятным стимулом и для развития взаимодействия в атомной сфере. Тем не менее, и в этом отношении есть определённые трудности. В 2017-2018 гг. наблюдался спад в экспорте российского оборудования в энергетической сфере, входящего, в частности, в одну группу с ядерными реакторами [34]. В сентябре 2019 г. стало известно о намерении расширить двустороннее сотрудничество в сфере энергетики, однако о конкретизации совместных проектов в атомной сфере речь не шла [12].

Россия, по некоторым данным, обладает бо́льшим объёмом информации о залежах урана на территории Монголии, нежели сам Улан-Батор [35]. В теории это даёт ГК «Росатом» и её дочерним структурам дополнительные конкурентные преимущества, однако они пока далеки от практической реализации.

КНР

Китай не только интенсивно развивает ядерную отрасль внутри страны, но и планирует выйти на международный уровень. Так, масштабный инфраструктурный проект Пекина «Один пояс - один путь» предполагает активную деятельность страны на азиатском рынке ядерных технологий и сырья [36], который также затрагивает и Монголию. Это неудивительно, учитывая тесную связь монгольской экономики с китайской (на долю КНР приходится более 90% монгольского экспорта).

В 2010 г. *China Nuclear Group* и Управление по атомной энергии Монголии подписали меморандум, касающийся сотрудничества в области добычи урана и ядерной энергетики. В июне 2012 г. было достигнуто предварительное соглашение между местным отделением *CNNC* (Китайской национальной ядерной корпорации) и монгольским Управлением о добыче урана на месторождении Гурванбулаг. Предполагалось начать работы в течение трёх лет. В 2014 г. сообщалось, что соответствующие правительственные учреждения с монгольской стороны дали позитивную оценку плану *CNNC* по добыче урана на этом месторождении [37]. При этом китайской стороной отмечалась беспрецедентность такого рода проекта [38]. Однако добыча урана год за годом откладывалась.

Индия

Заинтересованность Индия в монгольском уране объясняется низким качеством собственно-

го уранового сырья, а также юридическими сложностями с поставками ядерного топлива из-за ее неучастия в Договоре о нераспространении ядерного оружия 1968 г. Эти трудности, впрочем, были несколько разрешены в 2008 г. после заключения американо-индийской ядерной сделки, но вполне вероятно, что этот прецедент и дал толчок развитию отношений между Улан-Батором и Нью-Дели в указанной области.

В сентябре 2009 г. было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве между странами в сфере мирного атома [39]. Договор предполагал начало поставок урана из Монголии в Индию. Тем не менее, реализация его на практике не привела к сколько-нибудь ощутимым результатам: Нью-Дели рассматривал монгольское ядерное сырьё лишь как возможную альтернативу австралийскому [40]. В 2017 г. Индия планировала начать предметные переговоры по импорту монгольского урана, но с тех пор значительного прогресса сторонам добиться не удалось, в особенности с учётом практических проблем с добычей сырья в Монголии.

* * *

Монголия видится периферией международной системы, а страны и объединения, составляющие её условное «ядро» этой системы (США, ЕС, КНР и др.) либо относящиеся к «полупериферии», нацелены на добычу монгольских ресурсов, в частности, урана, на максимально выгодных для себя условиях. Реализацией подобных планов занимаются крупные государственные корпорации, ведущие переговоры с соответствующими агентствами Монголии для достижения соглашений с последующим запуском технологических процессов.

Тем не менее, ряд факторов стоит на пути такого развития событий.

Несмотря на наличие в Монголии природного урана, объективное препятствие, затрудняющее его добычу и экспорт, - отсутствие у руководства страны политической воли. Необходимость импорта зарубежных технологий даже для начальной стадии ядерного топливного цикла (*front-end*) ставит Улан-Батор в зависимость от потенциальных поставщиков оборудования. Это утверждение верно и для остальных стадий ядерного топливного цикла: строительство АЭС потребует обеспечения специалистами по сооружению и эксплуатации, наличия технологий обращения с отработавшим ядерным топливом. Кроме того, правительство в качестве альтернативы видит возобновляемые источники энергии: к началу 2021 г. их доля в общем энергобалансе должна достичь 20%, а к 2030 г. - 30% [41]. Таким образом,

у пока гипотетического ядерного сектора имеется вполне реальный конкурент.

Отдельный фактор, сдерживающий развитие ядерной энергетики, - деятельность природоохранных и некоммерческих организаций, из которых наиболее известны движение «Монголия без урана» («*Урангүй Монгол*») и «*Anti-Nuclear Movement - Mongolia*». При их активном участии были приостановлены работы монгольской компании в аймаке Дундговь, на очереди - работа французской «*Orano*».

Репутацию последней и, в целом, ядерной тематики в стране испортил первый в Монголии случай заражения коронавирусом *COVID-19* французского гражданина, работавшего инженером в «*Orano*» [42]³.

Экологические проблемы в Монголии - одна из ключевых тем в общественной повестке, поэтому этот вопрос стал главным агитационным лозунгом руководителя движения «Монголия без

урана» Ж.Ганбаатара - одного из кандидатов-самовыдвиженцев на парламентских выборах в Монголии 24 июня 2020 г. Это подчеркивает злободневность темы развития добычи урана и будущего атомной энергетики в Монголии.

Учитывая 30-летний опыт существования демократической Монголии, отметим, что только исключительно совместными усилиями правительство и общественность страны способны разрешить поставленный объективной реальностью вопрос о развитии ядерных технологий. Что касается дальнейших перспектив развития предприятий ядерного топливного цикла на территории страны, они зависят не только от указанных факторов, но и от заинтересованности в этом внешних игроков, их способности адекватно оценить специфику монгольского энергетического рынка. В этом отношении имеют значение как политика крупных корпораций, так и двусторонние связи соответствующих государств с Монголией.

³ На момент написания этой работы (октябрь 2020 г.) зарегистрированные случаи заражения в Монголии новым коронавирусом были завезены из-за границы, ни одного случая передачи вируса внутри страны не зарегистрировано (прим. авт.).

Список литературы / References

1. Дианова В.М. Запад и Восток в свете мир-системного анализа. *Обсерватория культуры*. 2014, № 6. (Dianova V.M. West and East in world-systems analysis. *Observatory of Culture*. Moscow) (In Russ.). <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/viewFile/103/243> (accessed 05.06.2020)
2. Миронов Ю.Б. Уран Монголии. СПб, 2003. (Mironov Yu.B. 2003. Uranus in Mongolia. St. Petersburg) (In Russ.)
3. Миронов Ю.Б., Афанасьев А.М., Булычев А.В. Урановые месторождения Монголии. СПб, 2009. (Mironov Yu.B., Afanasev A.M., Bulychev A.V. 2009. Uranium deposits in Mongolia. St. Petersburg) (In Russ.)
4. Жанчив Б., Хоменко О.Е., Ценджав Л. Современное состояние и тенденции развития урановой отрасли Монголии. *Школа підземної розробки*. Ялта, 2011, с. 122-125. (Zhanchiv B., Khomenko O.E., Tsenjav L. 2011. Current state and development trends of the uranium industry in Mongolia. *School of underground engineering*. Yalta) (In Russ.)
5. Севастьянов С.В. Роль новых российских инфраструктурных проектов в обеспечении энергетической безопасности Северо-Восточной Азии. *Ойкумена. Региональные исследования*. 2012, № 1, с. 48-60. (Sevastyanov S.V. 2012. The role of the new Russian infrastructure development projects in supporting Northeast Asia's energy security. *Ojkumena Regional Researches*. № 1. Nakhodka) (In Russ.)
6. Жанчив Б., Хоменко О.Е., Ценджав Л. Геотехнологические параметры вскрытия гидрогенных месторождений урана в Монголии. *Сборник научных трудов Национального горного университета*. Днепр (Украина). 2013, № 40, с. 63-69. (Zhanchiv B., Khomenko O.E., Tsenjav L. 2011. Geotechnological parameters of the opening of hydrogenous uranium deposits in Mongolia. 2011. *Collection of scientific papers of National Mining University*. № 40. Dnipro (Ukraine) (In Russ.)
7. Ryu H., Dorjragchaab S., Kim Y., Kim K. Electricity-generation mix considering energy security and carbon emission mitigation: Case of Korea and Mongolia. *Energy*. 2014, Vol. 64, pp. 1071-1079. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0360544213009560> (accessed 10.06.2020)
8. Соболев А.О. Страницы истории работ геологов СССР и РФ по поискам и освоению месторождений урана на территории Монголии. (Sobolev A.O. History pages of the USSR's and RF geologists work on the prospecting and development of uranium deposits in Mongolia) (In Russ.). https://legendtour.ru/rus/mongolia/text/sobolev_1.shtml (accessed 10.06.2020)
9. Жаргалсайхан Д. Энергетика, утратившая энергию. *The Defacto Gazette*. 08.11.2019. (Zhargalsaykhan D. Energy that lost energy. *The Defacto Gazette*. 08.11.2019) (In Russ.). <http://jargaldefacto.com/files/c94b89d2-94ac-4468-83a9-272c168f118a/191108%20Gazette%20Russian%20No.45.pdf> (accessed 05.06.2020)
10. Jamsran J. Energy sector of Mongolia, country report. <https://eneken.ieej.or.jp/data/8044.pdf> (accessed 10.06.2020)
11. Экономический рост в Монголии составит 7,2% в 2019 г. - ВБ. *Рамблер*. 25.04.2019. (The Economic Growth in Mongolia to Reach 7.2% in 2019 - World Bank. *Rambler*. 25.04.2019) (In Russ.). <https://finance.rambler.ru/realty/42092796-ekonomicheskij-rost-v-mongolii-sostavit-7-2-protstva-v-2019-godu-vb/> (accessed 15.10.2020)
12. Дудина Г., Скорлыгина Н. Кредит-Батор. *Коммерсант*. 04.09.2019. (Dudina G., Skorlygina N. Credit-Bator. *Kommersant*. 04.09.2019) (In Russ.). <https://www.kommersant.ru/doc/4080996> (accessed 06.06.2020)
13. Shen R. Mongolia eyes first nuclear power plant by 2020: MonAtom. *Reuters*. 07.04.2011. <https://www.reuters.com/article/us-mongolia-nuclear/mongolia-eyes-first-nuclear-power-plant-by-2020-monatom-idUSTRE73625A20110407> (accessed 15.06.2020)

14. Uranium in Mongolia. World Nuclear Association. <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/mongolia.aspx> (accessed 06.06.2020)
15. Sambaа G. Uranium Mining Company Ceased Activities in the Dundgobi Province. *News.mn*. 17.06.2020 (In Mongol.). <https://gereg.mn/news/57042> (accessed 17.06.2020)
16. High M.M. Dangerous fortunes. Wealth and patriarchy in the Mongolian informal gold economy. (The thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy.) Cambridge, 2008.
17. Jackson S.L. 2015. Imagining the mineral nation: contested nation-building in Mongolia. *Nationalities papers*. № 43. 2015. <http://dx.doi.org/10.1080/00905992.2014.969692> (accessed 28.01.2020)
18. Hornby L. Mongolia debates uranium policy, foreign miners fret. Reuters. 13.12.2007. <https://www.reuters.com/article/mongolia-uranium-idCAPEK10717420071212> (accessed 22.07.2020)
19. Ахтамзян И.А. Безъядерный статус Монголии. *Ядерное нераспространение: краткая информация*. М., 2009. (Achtamzyan I.A. 2009. Nuclear-free status of Mongolia. *Nuclear Non-Proliferation: A Brief Information*. Moscow) (In Russ.). <http://pircenter.org/sections/33-bezyadernyj-status-mongolii> (accessed 24.06.2020)
20. The text of the agreement between Mongolia and the agency for the application of safeguards in connection with the treaty on the non-proliferation of nuclear weapons. <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/documents/infircs/1973/infirc188.pdf> (accessed 05.06.2020)
21. Protocol Additional to the Agreement between Mongolia and the International Atomic Energy Agency for the Application of Safeguards in Connection with the Treaty on the Non-proliferation of Nuclear weapons. <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/documents/infircs/1973/infirc188a1.pdf> (accessed 01.05.2020)
22. EU and Mongolia cooperation project on uranium mining and milling successfully completed. European Union External Action. https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/18437/eu-and-mongolia-cooperation-project-uranium-mining-and-milling-successfully-completed_en (accessed 10.06.2020)
23. Orano en Mongolia. <https://www.orano.group/fr/orano-dans-le-monde/mongolie> (accessed 09.06.2020)
24. Économie et commerce. <http://www.ambassademongolie.fr/mongolie/economie-et-commerce/> (accessed 22.07.2020)
25. В Монголии компания «Бадрах Энержи» передала скот 79 семьям в сомоне Улаанбадрах. (In Mongolian Ulaanbadrah somon «Badrah Energy» donated livestock to 79 families). <https://news.myseldon.com/ru/news/index/224524786> (accessed 22.07.2020) (In Russ.)
26. Temuulen G. Mongolia without Uranium: A goatling was born with a human head and no hair. *Unuudur*, 05.11.2019 (In Mongol.). <http://unuudur.mn/урангуй-монгол-ходолгоон-хун-толгойтой-усгуй-ишиг-торсон> (accessed 24.06.2020)
27. Цолмон Г. Хроника о Мардай. *Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество*. Чита, 2017. С. 162-168. (Chronicle about Mardai. 2017. *The Border Region in Historical Development: Partnership and Cooperation*. Chita) (In Russ.)
28. VitNik. Миф о «Монгольском урановом Эльдorado». Back in СССР. Отпуск 2018. (The myth of the «Mongolian uranium Eldorado». Back in USSR. Vacation 2018) (In Russ.). <https://smart-lab.ru/blog/505371.php> (accessed: 10.06.2020)
29. Wu J.C. The mineral industry of Mongolia. 1998. *Minerals Yearbook. Asia and the Pacific*. Vol. 3. https://books.google.ru/books?id=dIH_LjOGmIgC&pg=PT31&lpg=PT31&dq=dornod+Central+Asian+Uranium+Co.+Ltd&source=bl&ots=e3G0yAUEhW&sig=ACfU3U145I4cJU5iyVViwJDQLvCoKwFF2g&hl=en&sa=X&ved=2ahUKewJBrfQx-4XoAhWDi8MKHfvZCOYQ6AEwAuoECAkQAQ#v=onepage&q=dornod%20Central%20Asian%20Uranium%20Co.%20Ltd&f=false (accessed 15.06.2020)
30. Pannier B. Canadian mining company faces troubles In Mongolia. https://www.rferl.org/a/Canadian_Mining_Company_Faces_Troubles_In_Mongolia/2001788.html (accessed 15.06.2020)
31. Денисова А. За ураном в Монголию. *Ведомости*. 27.05.2008. (Denisova A. For uranium to Mongolia. *Vedomosti*. 27.05.2008) (In Russ.). <https://www.vedomosti.ru/library/articles/2008/05/27/za-uranom-v-mongoliiyu> (accessed 02.03.2020)
32. Дзагуто В. Россия и Монголия поделили уран. *Коммерсант*. 15.12.2010. (Dzaguto V. Russia and Mongolia share uranium. *Kommersant*. 15.12.2010) (In Russ.). <https://www.kommersant.ru/doc/1557685> (accessed 05.06.2020)
33. Монголия - перспективный рынок для российских атомных технологий: эксперт. *Regnum*. (Mongolia is a perspective market for Russian nuclear technologies: expert. *Regnum*) (In Russ.). <https://regnum.ru/news/economy/2385919.html> (accessed 10.06.2020)
34. Торговля между Россией и Монголией в 2018 г. (Trade between Russia and Mongolia in 2018) (In Russ.). <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiye-i-mongoliiye-v-2018-g/> (accessed 10.10.2019)
35. Nerguyi G. Russians know Mongolian uranium better than Mongolians. *News.mn*. 13.12.2010 (In Mongol.). <https://news.mn/en/44587/> (accessed 10.06.2020)
36. Nuclear energy is a key part of China's Belt and Road policy. <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Nuclear-energy-is-a-key-part-of-China%E2%80%99s-Belt-and-R> (accessed 24.06.2020)
37. CNNC Uranium Mining Project in Mongolia Produces Significant Results. China National Nuclear Corporation. 10.07.2014 (In Chin.). <http://www.cnn.com.cn/cnn/300555/300557/423479/index.html> (accessed 27.07.2020)
38. CNNC Uranium Mining Project in Mongolia Undergoes Assessment Process. *Yicai Global*. 14.07.2014 (In Chin.). <https://m.yicai.com/news/3992839.html> (accessed 27.07.2020)
39. India, Mongolia ink pact for uranium supply. *The Hindu*. 14.09.2009. <https://www.thehindu.com/news/national/India-Mongolia-ink-pact-for-uranium-supply/article16881429.ece> (accessed 24.06.2020)
40. Chandramohan B. India and Mongolia: Uranium and Beyond. *Strategic Analysis Paper. Future Directions International*. 19.05.2015. <http://www.futuredirections.org.au/publication/india-and-mongolia-uranium-and-beyond/> (accessed 20.06.2020)
41. Feller G. Investors Keen to Support Mongolia's Renewable Energy Goals. *Renewable Energy World*. <https://www.renewableenergyworld.com/2017/12/29/investors-keen-to-support-mongolia-s-renewable-energy-goals/#gref> (accessed 25.06.2020)
42. «Areva» that brought the coronavirus (In Mongol.). <http://tovch.mn/2ew> (accessed 10.03.2020)

DOI: 10.31857/S032150750012801-3

МАЛЫЕ СТРАНЫ ЮЖНОЙ АФРИКИ: ТРУДНОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ

© 2020 Е. БРАГИНА

БРАГИНА Елена Аркадьевна, д.э.н., гл.н.с. Центра проблем развития и модернизации, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН (braglen@mail.ru)

Резюме. Рассматриваются особенности экономического развития четырех малых стран Южной Африки. Несмотря на трудности переходного периода, постепенно начали формироваться положительные тенденции роста их валового внутреннего продукта, хотя в этом процессе наблюдаются попятные движения. Отмечаются особая важность и растущая роль внешнеторговых связей в укреплении национальных экономик. Показаны трудности их экономического продвижения в связи с сохранением отсталых способов ведения хозяйства и значительного теневого сектора.

Ключевые слова: Южная Африка, хозяйственная отсталость, теневая экономика, трудности экономического роста, внешнеторговые связи

THE SMALL COUNTRIES OF SOUTHERN AFRICA: DIFFICULT ADVANCE

Elena A. BRAGINA, Dr.Sc. (Economics), Principal Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (braglen@mail.ru)

Abstract. The central points of the article are special features of development in the four small countries of South Africa after their political independence in the last third of XX century. Positive trends in the growth of their gross domestic product have begun to emerge gradually. Difficulties in economic transition were noted. On the base of different sources are considered hindrances of their economic growth, the negative role of shadow economy.

The importance and growing role of exports/imports in strengthening national economies was noted. Along the way, all four countries faced significant economic and social difficulties, the main of which were primarily the lack of financial resources and especially skilled personnel. These causes, connected with the external and internal peculiarities of the economic and social situation in all four countries, as a result of the long colonial past, could not be eliminated in a short time and largely determined the relatively slow pace of economic transformation. In addition, local elites were not always interested in significant economic and inevitably related social transformations. In these contradictory conditions, the role of the state and its economic policy is objectively increased.

The article focuses on the economic role of the state. In different versions, the different sequence and degree of implementation of such a process was indicated in all four small countries of South Africa presented in the article. But with all the difficulties inevitable during periods of significant political and economic shifts, all four small South African countries have managed to overcome the prolonged slowdown in economic growth and have achieved higher growth rates.

Keywords: South Africa, economic backwardness, shadow economy, obstacles of economic growth, foreign trade

В статье рассмотрены мало исследованные изменения в экономике четырех небольших по территории и численности населения государств Юга Африки - Намибии, Ботсваны, Эсватини (бывший Свазиленд), а также Лесото с его уникальным размещением в границах территории другого государства - Южно-Африканской Республики (ЮАР). Географическое положение этих стран, сходные во многих отношениях процессы их колониального развития, устойчивые экономические и политические контакты между ними позволяют рассматривать эти государства как единую группу.

На примере перечисленных выше четырех стран рассматриваются сложность и своеобразие процесса преобразования их в «экономически самостоятельные субъекты мирового хозяйства». Следует отметить, что это определение применительно к малым и экономически слабым государствам имеет в значительной степени условный характер. Для исследуемой группы стран характерна двойственность - законодательно оформленная политическая независимость и хозяйственное от-

ставание, выражающееся, в частности, в особой трудности и непоследовательности экономических преобразований.

Проблема экономических изменений в странах Африки в постколониальный период их развития получила широкое освещение в российской и зарубежной исследовательской литературе. Однако рассмотренные в данной работе четыре государства упоминаются лишь изредка и без детализации. В последние 15-20 лет интерес к их изучению возрастает в связи со стремлением ведущих мировых держав, в т.ч. России, к расширению экономического и политического сотрудничества с африканскими государствами.

В статье представлены основные экономические показатели четырех указанных стран с 1990-х по 2019 г. Этот сравнительно короткий с исторической точки зрения период стал временем существенных изменений в их экономике, что сказалось, в частности, на росте ВВП и сдвигах в соотношении позиций отдельных секторов экономики.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ - ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

Результатом сложной, затянувшейся на долгие годы борьбы за независимость четырех малых стран Юга Африки стало принятие деклараций об их политическом суверенитете. Ботсвана, в то время одна из самых бедных в мире стран, не имевшая собственной столицы и располагавшая всего несколькими километрами асфальтированных дорог, была провозглашена республикой в 1966 г. В том же году стало независимым Королевство Лесото. Королевство Свазиленд объявило о своей политической самостоятельности в 1968 г. Намибия последней из «четверки» после долгой вооруженной борьбы обрела независимость в 1990 г. Все четыре государства являются членами Африканского Союза (АС) и Южноафриканского таможенного союза. В обзоре МВФ за 2020 г. Лесото и Эсватини квалифицируются как «бедные ресурсами страны» [1].

Четыре указанных государства отличаются политической стабильностью, что, в частности, проявилось в ходе всеобщих выборов 2019 г. в Ботсване и Намибии, где в очередной раз победили партии, устойчиво лидирующие в политической жизни этих стран с момента обретения ими независимости.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в речи по случаю Дня Африки 25 мая 2018 г. выразил полную поддержку долгосрочным планам развития, предложенным правительствами стран континента, и особо подчеркнул «нацеленную в будущее Повестку дня Африканского Союза на период до 2063 года, разработанную в соответствии с Повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [2].

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Реализация декларируемых экономических преобразований оказалась чрезвычайно сложной. Это сложный и длительный процесс с неизбежными попятными движениями и срывами. Провозглашение политической независимости четырех малых южноафриканских государств обозначило лишь начало процесса политических и экономических трансформаций.

Реальное воздействие на темпы и характер постколониального хозяйственного развития оказывают экономические программы правительств и, не в последнюю очередь, интересы местных политических групп. Успехи и неудачи экономической политики, охватывающей все стороны жизни об-

щества, во многом зависят также от формирования внешних связей. Результатом взаимодействия этих противоречивых интересов неизбежно становится нелинейный процесс ускорения или торможения экономических продвижений.

Поучителен опыт Намибии, в которой политические партии разной направленности сумели договориться о совместной работе в правительстве и реализуют программы бесплатного школьного обучения и здравоохранения, не допуская масштабной коррупции, характерной для большинства стран Африки.

Попытки использования современных форм производства и методов организации трудовых процессов в исследуемых странах, наряду с объективными трудностями, сталкиваются с неприятным и даже прямым их отторжением частью местных элит. Их позицию четко определил Иэн Тейлор, изучавший экономику Африки на рубеже XX и XXI вв.: «Болезнь, поразившая континент, не проста, экономически не первична и не связана с внешним воздействием. Это политическая и эндогенная проблема, которая коренится в поведении правящих местных элит континента, направленном на получение преимуществ» [3, р. 414].

При неизбежных трудностях экономического становления молодых государств Юга Африки, порожденных их изначальной отсталостью и финансовой слабостью, политика национальных правительств способствовала определенным позитивным сдвигам в экономике. Например, власти Намибии, располагающей уникальной сырьевой базой, прежде всего ураном и драгоценными камнями, увеличили долю государственных расходов в ВВП. Это позволило в короткие сроки создать сеть автодорог, укрепить малые и средние предприятия и существенно расширить масштабы въездного туризма, таким образом, оживив национальную экономику и повысив темпы роста ВВП, в т.ч. на душу населения.

Заслуживает внимания неравномерность роста в рассматриваемых странах по секторам экономики с обгоняющими темпами развития сферы услуг и отставанием аграрного сектора (см. табл. 1).

Все четыре страны отличаются высоким уровнем частного потребления, многократно превышающего государственное. Так, в 2018 г. пропорция составила: в Намибии - 69% против 25%, в Ботсване - 49% и 18%, соответственно [5]. Частное потребление остается основным стимулом роста экономики. (Для сравнения: в 2018 г. этот показатель в США достигал 68%, в Бразилии - 64%, в Индии - 59%, в Китае - 39%) [6]. Потребление, важнейший экономический фактор, в малых странах Африки резко дифференцировано как ко-

Таблица 1

Среднегодовой рост производства по секторам экономики (%)

Страны	Годы	ВВП, рост	Промышленность		Сельское хозяйство	Услуги
			Всего	в т.ч. конечное производство		
ЮАР	1990-2000	2,1	0,9	1,6	1,0	3,7
	2000-2018	2,8	1,9	1,8	2,1	3,4
Намибия	1990-2000	3,3	1,9	2,6	4,2	3,0
	2000-2018	4,6	3,8	3,4	0,0	5,4
Ботсвана	1990-2000	5,0	2,6	7,9	0,3	8,2
	2000-2018	4,5	0,5	5,2	2,5	6,6
Эсватини	1990-2000	3,2	3,1	2,8	0,9	3,0
	2000-2018	3,4	2,9	3,2	1,6	4,1
Лесото	1990-2000	4,1	8,0	7,1	2,1	3,6
	2000-2018	3,9	2,7	1,8	2,1	4,8

Источник: World Development Indicators [4].

Таблица 2

ПИИ в страны Южной Африки в 1990-2018 гг. (\$ млн)

Страна	1990	2000	2010	2015	2016	2017	2018
ЮАР	75,7	968,8	3693	1521	2215	2060	5468
Намибия	29,6	196,4	287,2	882,0	357,0	461,2	175,4
Ботсвана	95,9	57,2	218,4	378,6	122,2	177,1	228,7
Эсватини	30,1	90,7	135,7	31,5	26,9	59,5	25,4
Лесото	17,1	32,4	9,5	113,2	78,5	43,2	39,6

Составлено по данным: World Bank 1990-2018 гг. [7].

личественно, так и качественно по группам населения, что обусловлено большими различиями в уровне доходов отдельных групп населения. Это ограничивает возможности наращивания производства, прежде всего потребительских товаров, и обновления их номенклатуры.

Рассматриваемые государства - активные, хотя и в разной степени, участники мирового хозяйства, ориентированного на современные типы экономики. Их богатые и разнообразные природные ресурсы, в т.ч. редкие, особенно в Намибии, укрепляют позиции этих стран в мировой торговле, но не защищают их от постоянно меняющихся тенденций в ценообразовании. Одним из следствий стала существенная неравномерность в притоке в них прямых иностранных инвестиций (ПИИ) (см. табл. 2).

В целом, для исследуемых стран, кроме Эсватини, характерен неравномерный, с заметны-

ми спадами, но нарастающий приток иностранных инвестиций. Перечень основных инвесторов позволяет прогнозировать обострение их борьбы за рынки четырех малых стран Южной Африки. Так, за доступ в Намибию соперничают Великобритания, США, ЮАР, Германия, заинтересованные в ее богатых природных ресурсах, - в уране, алмазах, цинке, меди и нефти. Сравнительно недавно активным инвестором стал Китай, и его влияние растет [8]. Великобритания и Германия инвестируют в горнодобывающую отрасль Ботсваны, а также в совместные с *De Beers* предприятия по обработке алмазов. Активизируется инвестиционная политика Южноафриканского таможенного союза (ЮАТС) и Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) [9].

ЮАР и Великобритания остаются основными инвесторами в экономику Эсватини, но из-за ее

Таблица 3

Объем внешней торговли стран Южной Африки в 1992-2019 гг. (\$ млн)

Страна	Экономические показатели	1992	2000	2010	2015	2016	2017	2018	2019*
ЮАР	Экспорт	21115	26298	82631	80265	74111	88229	93597	87636
	Импорт	18373	26771	83100	85510	74744	83086	92616	90906
	Торговый баланс	2742	-473	-469	-5245	-633	5143	981	-3270
Намибия	Экспорт	н/д	1317	5848	4628	4816	5229	7488	7064
	Импорт	н/д	1419	5980	7697	6721	6778	8289	8910
	Торговый баланс		-102	-132	-3069	-1905	-1549	-801	-1846
Ботсвана	Экспорт	н/д	2779	4693	6319	7321	5898	6573	4702
	Импорт	н/д	2079	5657	7626	6103	5284	6169	6377
	Торговый баланс		700	-964	-1307	1218	614	404	-1675
Эсватини	Экспорт	н/д	889	н/д	1747	1572	1802	1736	2289
	Импорт	н/д	1097	н/д	1464	1299	1608	1883	1526
	Торговый баланс		-208	н/д	283	273	194	-147	763
Лесото	Экспорт	н/д	336	503	604	н/д	673	1200	1062
	Импорт	н/д	613	1277	1410	н/д	2066	1930	1799
	Торговый баланс		-277	-774	-806		-1393	-730	-737

* Данные предварительные [14].

Составлено по данным: World Bank, 1992-2018 гг. [15].

противоречивого законодательства иностранные капиталовложения нестабильны. Чтобы увеличить число инвесторов, правительство пытается разработать и предложить новую систему мер для их привлечения [10]. В Лесото основные инвестиции от ЮАР и Великобритании поступают в гидроэнергетику, горнорудную промышленность, а также в мелкие промышленные предприятия [11].

Четыре рассматриваемых страны не получают устойчивой финансовой поддержки извне в форме валютных переводов от мигрантов. В обзоре ВБ за 2018 г. указывается сумма переводов в размере \$46 млрд в страны Африки южнее Сахары, но из «четверки» как страна-получатель в нем фигурирует лишь Лесото [12]. Что касается объема внешней задолженности этих стран, то ВБ отмечает рост процентной ставки по предоставляемым странам этого региона займам с 6% в 2012 г. до 11% в 2019 г., что существенно осложнило их и без того неустойчивое экономическое положение. Как правило, погашение внешних долгов не происходит; действующие правительства переносят их со всеми начисляемыми процентами на более поздние сроки в надежде, что ответственность будут нести не они, а следующие правители [13, р. 40].

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Торговый баланс в исследуемых странах на протяжении нескольких лет сводился по-разному. Например, в Намибии и Лесото в 2015-2019 гг. наблюдался отрицательный торговый баланс (см. табл. 3).

Экспорт четырех стран достаточно дифференцирован по странам назначения. Экспорт Намибии в ЮАР составляет 11% всего экспорта страны, в Китай - 10%, в Бельгию - 7%, в Ботсвану и Великобританию - по 6%. В основном вывозятся руды и металлы (32%), продовольствие и промышленные товары (по 22%). Горнодобывающая промышленность обеспечивает 16% ВВП и до 70% экспорта. Поставки алмазов на мировой рынок - один из важнейших для Намибии источников валютных поступлений. Для Ботсваны основные контрагенты - Бельгия (23%), Индия (18%), ОАЭ (16%), ЮАР (8%), Сингапур (8%). Промышленные товары составляют 6% экспорта, драгоценные камни и металлы - 91%, электрооборудование - 2%. Объем экспорта Лесото невелик; 35% приходится на США, 30% - на ЮАР, 25% - на Бельгию, по 2% - на Индию и ОАЭ. Основные статьи - промышленные товары (40%), драгоценные камни и металлы (22%), аграрная продукция (16%) [16].

Среди импортеров четырех стран решающие позиции занимает ЮАР, в основном поставляющая потребительские товары. В Ботсване, например, в 2018 г. их объем превышал 50% ввозимых товаров. Доля ЮАР в импорте страны достигает 63%, Индии - 9%. Треть импорта представлена драгоценными камнями для их дальнейшей обработки, а также нефтью и углем.

Для Намибии объем южноафриканского импорта достигает 47%, импорт из Замбии - 14%, из Китая - 6%, из Ботсваны - 4%. В основном это медь (14%), нефть и уголь (10%), промышленное оборудование (7%), автомобили (7%), электрооборудование (6%). Дефицит электроэнергии покрывается за счет импорта, прежде всего из ЮАР [17].

43% импорта Эсватини составляют промышленные товары, 15% - сельскохозяйственная продукция, 11% - нефть и уголь. Основные поставщики - ЮАР (78%), Китай (7%) и ЕЭС (4%) [18]. Лесото ввозит нефтепродукты, продовольствие и строительные материалы. Главные импортеры - ЮАР, Китай, Тайвань и Южная Корея. Электроэнергия также импортируется из ЮАР [19].

ФАКТОРЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ

Американский экономист Дуглас Норт подчеркивал, что социально-экономическому развитию африканских стран препятствует сохранение обычаев, традиций, правил общения и поведения, присущих доколониальному и колониальному периодам, т.е. «зависимость от прошлого пути» (*path dependence*) - социально-экономического феномена, характеризующего состояние государственных институтов [20]. По мнению Д.Норта, сложный комплекс человеческих и производственных отношений невозможно в короткие сроки изменить в качественно чуждой среде.

Проблемы догоняющего развития в четырех анализируемых странах во многом сходны. Переход от неформальных типов трудового поведения к соблюдению жестких правил современного производства - комплексный процесс, требующий времени и значительных финансовых затрат. Поведенческие нормы, стандарты рабочего поведения на предприятиях, вводимые государством/бизнесом с целью экономического продвижения, могут быть приняты, но не соблюдаться. Напротив, неформальные правила не только сохраняются, но и поддерживаются значительной частью населения.

Повышение качества человеческого капитала в четырех малых странах Южной Африки - глав-

ный фактор преобразования экономики и общества. Его роль отчасти определяется зачастую плохим состоянием здоровья части населения, затрудняющим выполнение трудовых норм, а также ограниченностью или отсутствием профессиональной подготовки.

Африка является подтверждением этой специфики слаборазвитых стран, где наблюдаются «психологическое торможение» и нежелание/неспособность граждан преодолеть инерцию привычных форм трудовых отношений, заложенных на предыдущих этапах экономического развития [21, с. 3-17], и «низкая жизнестойкость человеческого капитала» [22, с. 626]. Это объективный результат частых эпидемий и распространения заболеваний, практически полностью изжитых в других регионах мира, а также хронического недоедания, антисанитарии и низкого уровня жизни.

Не менее своеобразна на Юге Африки проблема дефицита предпринимательской инициативы и практической активности. Это особый и важный тип жизненных интересов, занятости, делового настроения определенного слоя населения и страны в целом. Каждая из четырех стран имеет свои особенности, но объединяют их распространенность мелкой уличной торговли и высокий уровень приспособляемости подавляющего большинства населения к тяжелым условиям выживания.

В странах «четверки» активно развивается теневая экономика - специфическая форма хозяйственных связей. Этот тип экономики рассмотрен в капитальном исследовании, проведенном под эгидой МВФ, 158 стран с разным уровнем хозяйственного развития [23, р. 15]. Его авторы разработали и ввели в научный оборот следующее определение феномена теневой экономики: «все виды экономики, скрытые от официальных властей, регулирующих денежное обращение и институциональные рамки». Исследователи констатировали взаимозависимость между уровнем экономического развития и долей теневой экономики в ВВП. Для государств Африки южнее Сахары характерна самая высокая ее доля в экономике - свыше 36% ВВП (средний показатель за 1991-2015 гг.).

Доля неформального сектора в Лесото достигает 36%, в Намибии - 32%, т.е. около трети и более их экономических субъектов существуют «в тени», без официальной регистрации и уплаты налогов. Отсутствие у них накоплений, страховок, а также их частые разорения, как правило, означают потерю источника средств к существованию. Целесообразно рассматривать теневую эко-

номику не как часть, а как основу хозяйства этих стран [1, р. 54].

В контексте четырех малых стран Юга Африки речь идет о товарах и услугах, произведенных и реализованных нелегально, но аналогичных официально разрешенным для сбыта государственными и частными предприятиями. Обычно это дешевые, низкокачественные товары и услуги, реализуемые в удобных для потребителя формах и с разнообразными скидками.

Теневая экономика, которую еще называют «второй», практически дублирует формальную, но не исключает подделок, фальсификатов, снижение качества и прочие ухищрения. В результате снижается объем поступлений в бюджет, сокращаются налоги, которые могли бы быть направлены на цели развития. Распространение теневой экономики - показатель слабости государства и неадекватности его экономической политики. Зачастую именно экономическая элита в наибольшей степени заинтересована в ее сохранении [3, р. 414].

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

Ведущая роль в экономическом развитии четырех малых стран Юга Африки принадлежит государству как основному политическому и экономическому субъекту. Это своего рода объективная закономерность, наблюдающаяся в странах догоняющего развития, и следствие слабости национальных правительств и низкого уровня экономики. Уже в начальный период деколонизации стало ясно, что поднимать экономику вчерашних колоний, ставших политически самостоятельными, практически некому. Местные элиты, слабые политические партии были не в состоянии решать эту задачу. Нужна была система, организующая и балансирующая разнонаправленные интересы в странах, переживающих сложный период самостоятельного развития.

Общие закономерности в формировании молодых африканских государств четко сформулировала зав. Центром изучения проблем переходной экономики ИАФР РАН, член Научного совета по проблемам Африки РАН Е.В.Морозенская: «Единой национальной силой, способной возглавить и реализовать этот процесс, оказалось... национальное государство» [24, с. 21]. Именно государство играет роли предпринимателя и организатора, в административном порядке вводит нормативы для местного предпринимательства, регулирует приток иностранных инвестиций и занимается налогообложением. Доля средств, полученных в результате сбора налогов, в ВВП в странах «четверки» заметно вы-

росла с 1975 по 2017 гг.: в Ботсване - с 24% до 31%, в Лесото - с 24% до 36%, в Намибии - до 28% (нет показателя исходного года); в Эсватини - из-за слабости финансовых служб и их некомпетентности - произошло падение с 35% до 23%.

В связке «государство-бизнес» в последние годы обозначились изменения: «правительство в большинстве стран проводит политику ослабления вмешательства государства в экономику с одновременным сохранением за ним ключевых позиций в добывающих отраслях и в банковском секторе» [24, с. 102, 103]. Но насколько результативна эта политика в условиях масштабной коррупции и слабости национального бизнеса, пока судить рано.

Социально-экономическая ситуация в африканских странах заметно ухудшилась в 2020 г. в связи с пандемией *COVID-19*. Первое сообщение, касающееся ситуации в странах «четверки», поступило в марте 2020 г. из Лесото, куда заразившийся прибыл из Эсватини. К середине мая 2020 г. сообщалось о 70 тыс. заразившихся на Африканском континенте и 2400 умерших, но эти показатели едва ли можно считать точными.

В мае 2020 г. Африканский банк развития выделил \$10 млн на улучшение медицинской инфраструктуры на континенте. Однако из четырех малых стран Юга лишь Намибия получила из этих средств грант на стимулирование экономики [25].

В условиях *COVID-19* сложно давать экономические прогнозы, но можно утверждать, что страны «четверки» неизбежно столкнутся с большими трудностями.

* * *

Представленный анализ экономических преобразований на примере четырех малых стран Юга Африки позволяет утверждать, что эти процессы требуют длительного времени и огромных усилий. Главными препятствиями на пути их реализации являются исходная отсталость, бедность, частые внутренние конфликты, слабость государственных институтов и устойчивая зависимость от колебаний цен на экспортные товары.

Между тем, в постколониальный период страны «четверки» добились значительного роста ВВП и доходов на душу населения. Однако ситуация заметно ухудшилась в связи с распространением *COVID-19*. Противостояние этой болезни требует крупных финансовых затрат, наличия опытного персонала и применения новейшей медицинской техники, которыми страны «четверки» не располагают.

Список литературы / References

1. IMF, World Economic Outlook, April 2020. <https://www.imf.org/en/Publications/Publications-By-Subject?subject=Economic%20forecasting> (accessed 15.05.2020)
2. 25 May 2018. Secretary-General's message on Africa Day. (In Russ.). <https://www.un.org/sg/ru/content/sg/statement/2018-05-25/secretary-generals-message-africa-day-scroll-down-french-version> (accessed 20.03.2020)
3. Taylor Ian. Blind spots in analyzing Africa's place in world politics. *Global governance*. 2004. Vol. 10, № 4, pp. 411-417.
4. World Development Indicators: Growth of output GDP, 1990/2018. <http://wdi.worldbank.org/table/4.1> (accessed 20.03.2020)
5. UNCTADstat General Profile 2018. General government final consumption expenditure (% of GDP). <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/516/index.html>; <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/072/index.html> (accessed 20.03.2020)
6. UNCTADstat General Profile 2018. General government final consumption expenditure (% of GDP). <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/842/index.html>; <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/076/index.html>; <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/356/index.html>; <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/156/index.html> (accessed 20.03.2020)
7. World Bank 1990-2018. Foreign direct investment. <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?locations=BW-SZ-NA-LS-ZA> (accessed 20.03.2020)
8. Foreign direct investment (FDI) in Namibia. <https://www.nordeatrade.com/en/explore-new-market/namibia/investment> (accessed 20.03.2020)
9. Foreign direct investment (FDI) in Botswana. <https://www.nordeatrade.com/en/explore-new-market/botswana/investment> (accessed 20.03.2020)
10. UNCTAD/DITE/WID Country Profile - Swaziland, pp. 1, 2. https://unctad.org/Sections/dite_fdistat/docs/wid_cp_sz_en.pdf (accessed 10.04.2020)
11. Santander Lesotho: foreign investment 2019. <https://santandertrade.com/en/portal/establish-overseas/lesotho/investing-3> (accessed 10.04.2020)
12. World Bank Press release. April 8, 2019. Record high remittances sent globally in 2018. <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2019/04/08/record-high-remittances-sent-globally-in-2018> (accessed 20.03.2020)
13. The World Bank. World Bank Group. Publication Africa's Pulse. October 2019. Vol. 20, pp. 108.
14. European Union, Trade in goods. https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/overview_south-africa_en.pdf; https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_namibia_en.pdf; https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_botswana_en.pdf; https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/overview_swaziland_en.pdf; https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_lesotho_en.pdf (accessed 20.03.2020)
15. World Bank World Integrated Trade Solution Country Profile. <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/ZAF/Year/2000/Summary>; <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/NAM/Year/2000/Summary>; <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/BWA/Year/2000/Summary>; <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/SWZ/Year/2000/Summary>; <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/LSO/Year/2000/Summary> (accessed 20.03.2020)
16. UNCTADstat General Profile 2018. Top 5 partners in 2018. Namibia, Botswana, Eswatini, Lesotho. <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/516/index.html>; <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/072/index.html>; <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/748/index.html>; <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/426/index.html>; <https://tradingeconomics.com/lesotho/exports> (accessed 20.03.2020)
17. GlobalEDGE. Botswana, Namibia. Trade Statistics. Top 10 Import Countries. <https://globaledge.msu.edu/countries/botswana/tradestats>; <https://globaledge.msu.edu/countries/namibia/tradestats> (accessed 10.04.2020)
18. WTO. Statistics daily update trade profiles. Eswatini. https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/daily_update_e/trade_profiles/SZ_e.pdf (accessed 10.04.2020)
19. TRADING ECONOMICS. 2001-2019 Data. Lesotho Imports. <https://tradingeconomics.com/lesotho/imports> (accessed 10.04.2020)
20. Норт Д.К. Понимание процесса экономических изменений. Пер. с англ. М., 2010. (Nort D.C. 2010. Understanding the process of economic change. Moscow / Transl. from English) (In Russ.)
21. Аузан А.А. «Эффект колени». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития - эволюция гипотез. *Вестник Московского университета*. Серия 6. Экономика. 2015. № 1, с. 3-15. (Auzan A.A. 2015. «Path dependence». Problem of dependence from preceding development trajectory - hypothesis evolution. *Herald of the Moscow University*, Series 6, Economy. № 1) (In Russ.)
22. Мировая экономика и международные экономические отношения. Коллектив авторов под ред. проф. Булатова А.С. М., 2017. 916 с. (2017. World economy and international economic relations / Ed. Prof. A.S.Bulatov. Moscow. 916 p.) (In Russ.)
23. Medina L., Schneider F. Shadow Economies around the world: What we did we learn over the last 20 years? IMF, January 24, 2018.
24. Морозенская Е.В. Государственное регулирование экономики в Африке. М., ИАФР РАН. 2018. (Morozenskaya E.V. 2017. State economy regulation in Africa. Moscow) (In Russ.)
25. Loans & Grants. African Development Bank. <https://www.afdb.org/en/news-and-events/loans-grants> (accessed 20.04.2020)

Трибуна соискателя

DOI: 10.31857/S032150750012802-4

«ИНДИЙСКИЙ ФАКТОР» В ПАКИСТАНСКОМ АРМЕЙСКОМ ЖУРНАЛЕ «ГРИН БУК»

© 2020 Е. ШАЛУПЕНКО

ШАЛУПЕНКО Екатерина Вячеславовна, аспирантка кафедры истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова (ekaterinasalupenko6@gmail.com)

Резюме. В статье анализируется содержание изданного Генеральным штабом армии Пакистана журнала «Грин бук» за 2020 г., контекст обращения к индийскому фактору и представления об основных видах угроз со стороны Индии. Ставший хроническим, индийско-пакистанский конфликт трансформировался под влиянием новых факторов. Так, после успешных испытаний ядерного оружия в Индии и Пакистане в 1998 г. угроза конвенциональной войны между двумя странами снизилась, наибольшую актуальность приобрел конфликт, основные проявления которого авторы «Грин бук» классифицируют как «гибридная война».

Ключевые слова: Пакистан, вооруженные силы, гибридная война, Индия

«INDIAN FACTOR» IN THE PAKISTAN ARMY JOURNAL «GREEN BOOK»

Ekaterina V. SHALUPENKO, Post-graduate student, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (ekaterinasalupenko6@gmail.com)

Abstract. The article analyzes the content of the latest edition of the research journal «Green book» biennially published by the General Headquarters of the Pakistan Army. The journal consists of 16 articles written by various serving or retired officers, scholars and journalists on assessing Pakistan's current security environment.

The analysis mainly focuses on the context of mentioning the Indian factor and the perceived threats for Pakistan coming from India. The Indian-Pakistani conflict, which became chronic, is being transformed by new factors. Thus, after the successful nuclear weapons tests by India and Pakistan in 1998, the threat of conventional full-scale war between the two countries has decreased, minimizing the space for India to use its superior conventional asymmetry against Pakistan and giving way to new challenges to the national security of Pakistan, the main features of which are classified as «hybrid war». Indian manifestations of hybrid war include coercive diplomacy, anti-Pakistan propaganda, support for non-governmental organizations within Pakistan such as Baloch militant organizations, cyber war and other measures aimed at destroying the credibility of the Pakistan armed forces, the government, its economy, etc.

The majority of all articles covering the so-called India threat are devoted to nuclear deterrence (75%) followed by Kashmir (67%) and hybrid war (57%). Indian «Cold start strategy» took 33% share while articles related to Baloch separatism made up the remaining 31% of the content. Among all mentioned threats conventional one is discussed only within the context of the «Cold start strategy»; other topics mainly cover the non-conventional ones.

Keywords: Pakistan, armed forces, hybrid war, India

Индийско-пакистанский конфликт является одним из самых продолжительных в мировой истории: страны провели 3 войны (1947-1948, 1965, 1971 гг.), а новости о пограничных столкновениях между ними стали обычным явлением. Так, в июле 2020 г. произошла очередная перестрелка между Индией и Пакистаном вдоль спорной границы в Кашмире [4]. В этих условиях неудивительно, что страны ориентируют свое военно-стратегическое планирование преимущественно друг на друга.

В предлагаемой статье анализируется пакистанский армейский журнал «Грин бук»¹ за 2020 г., его основной контекст, в котором речь идет об Индии. Заранее отметим, что ниже будет изложено мнение исключительно пакистанских специалистов по поводу «угроз», которые она

может представлять для Пакистана. Учитывая непростые взаимоотношения двух стран, риторика авторов публикаций в этом выпуске журнала по отношению к Индии имеет негативный оттенок.

В «Грин бук» собраны очерки и аналитические статьи действующих офицеров пакистанской армии, а также гражданских военных аналитиков, ученых, специализирующихся в сфере стратегических исследований, политиков и дипломатов. До недавнего времени содержание журнала являлось недоступным для широкого круга читателей, однако периодически ряд его статей можно было встретить на сайте пакистанского Университета национальной обороны, а также в библиотеках Пакистана. В 2020 г. выпуск «Грин бук» был целиком размещен в Интернете.

¹ «Грин бук» («Green Book» - «Зеленая книга») - англоязычное издание, публикуемое Генеральным штабом пакистанской армии раз в два года. Объем выпуска за 2020 г. - 200 с. (прим. авт.).

«Грин бук» освещает военно-стратегические задачи пакистанских вооруженных сил (ВС), основные угрозы для национальной безопасности и стратегии, направленные на их отражение. Публикуемые в нем материалы позволяют получить представление о проблемах внешнеполитического характера, которые авторы считают наиболее важными для Пакистана, а также вариантах их решения.

Всего в этом выпуске журнала опубликовано 16 статей. По тематике их можно разделить на несколько групп: геополитические, рассматривающие влияние Китая, США, России и других государств на Южную Азию; статьи, посвященные исключительно индийско-пакистанским отношениям, в частности кашмирской проблеме; материал по проблеме терроризма; статьи на экономическую тематику; анализ военно-технической сферы, а также новых военных стратегий.

Вместе с тем, проблемы, рассматриваемые в некоторых статьях, пересекаются между собой, что во многом связано с частым обращением к «индийскому фактору» - в 12 из 16 статей упоминается Индия.

СПЕЦИФИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИНДИИ В КОНТЕКСТЕ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

«Грин бук» за 2020 г. начинается обращением командующего штабом сухопутных войск Пакистана генерала Камара Джаведа Баджвы. Он пишет, что в 2019 г. произошли два события, ставшие ключевыми в изменении геополитической обстановки в регионе Южная Азия, - авиационные удары индийских ВВС по г. Балакот 26 февраля, а также отмена ст. 370 Конституции Индии, гарантирующей автономию штата Джамму и Кашмир, или, по выражению К.Д.Баджвы, «односторонняя аннексия» Джамму и Кашмира индийскими властями.

В связи с этим 3 статьи «Грин бук» упоминают о событиях в пакистанском городе Балакот. Целью индийских ВВС стал предполагаемый тренировочный лагерь исламистской группировки «Джаиш-е-Мухаммад», которая взяла на себя ответственность за теракт в округе Пулвама штата Джамму и Кашмир, унесший жизни 40 индийских полицейских. Это не первый случай, когда пропагандистские вооруженные группировки являлись организаторами атак смертников на территории Кашмира. Однако каждый раз подобного рода инцидент становился причиной для обострения индийско-пакистанских отношений.

В статьях на данную тематику индийская инициатива называется «необоснованной агрессией против суверенного государства» [9, р. 83]. Индийская сторона позиционировала авиационную операцию как «контрудар по базе террористов», однако пакистанские авторы, в частности, профессор Тугхрал Йамин, не отрицая того факта, что организация «Джаиш-е-Мухаммад» действи-

тельно базируется на территории Пакистана, утверждает, что Пакистан не должен нести ответственность за ее действия [11, р. 68].

Более того, ряд авторов, в частности Мария Султан, полагает, что индийская сторона использует теракт как предлог для ведения гибридной войны против Пакистана [9, р. 83]. Гибридная война не подразумевает конвенциональный военный конфликт (хотя и не исключает его полностью). К ее основным методам относятся ведение кибервойны и политической пропаганды, а также агрессивная дипломатия, дезинформация, оказание экономического давления, осуществление подрывной деятельности и помощь повстанцам на территории противника.

Цель гибридной войны заключается в максимальном ослаблении противника при минимальном использовании конвенциональных сил. 14 статей издания (88%) повествуют о вызовах национальной безопасности Пакистана, которые укладываются в понятие «гибридная война». Из них в 8 статьях авторы считают, что подобного рода угрозы исходят, главным образом, от Индии.

Имтиаз Гул, исполнительный директор пакистанского Центра исследований в области безопасности, является одним из авторов, анализирующих проблему гибридных войн. Его основной тезис заключается в том, что для обеспечения защиты страны только конвенциональных сил недостаточно. Он согласен с тем, что ВС и ядерный арсенал - необходимые орудия «сдерживания» Индии, однако полагаться только на них опасно, поскольку в современном мире в условиях нового типа конфликта важнейшее значение приобрели экономические возможности государств [3, р. 127].

Автор статьи признает, что пакистанская экономика уступает индийской. Вину за это он частично возлагает на Индию [3, р. 127]. По мнению И.Гула, проявлением экономического давления со стороны Индии являются «аннексия» Кашмира и военные столкновения, которые отвлекали пакистанских политиков от укрепления экономики.

Он считает, что Индия провоцирует перестрелку в Кашмире, чтобы создать у пакистанского руководства видимость военной угрозы, и тем самым мешать ему сосредоточиться на реформировании экономики. И полагает, что Индия оказывает давление на Пакистан в рамках деятельности Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), борющейся с финансированием терроризма, с целью усугубить экономическое положение страны [3, р. 126]. Кроме того, с его точки зрения, проявлением гибридной войны Индии является «агрессивная дипломатия против Пакистана» и на других международных площадках, например, ООН.

К тому же Имтиаз Гул не исключает, что Индия продолжает поддерживать белуджские сепар-

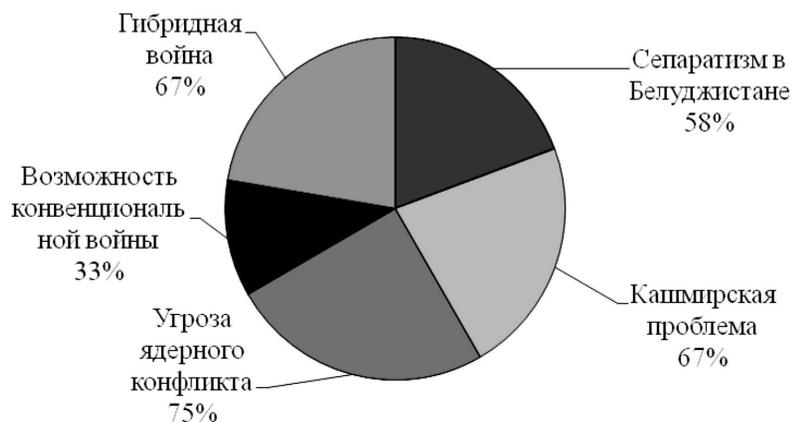

Диаграмма. Контекст обращения к «индийскому фактору» в «Грин бук» за 2020 г.

Составлена автором.

ратистские организации, такие как «Республиканская армия Белуджистана» и «Фронт освобождения Белуджистана», борющиеся за предоставление независимости пакистанской провинции Белуджистан [3, р. 127].

В «Грин бук» в 7 статьях (58% от общего числа статей, посвященных Индии) содержится упоминание об «угрозе терроризма в Белуджистане» (см. *диагр.*). Ряд авторов утверждает, что Индия приняла непосредственное участие в разжигании беспорядков в этой провинции.

Деятельность указанных выше организаций серьезно дестабилизирует обстановку в Пакистане: ее члены неоднократно устраивали террористические атаки, нападали на посольство КНР и т.д. Еще в марте 2016 г. в Белуджистане был арестован Бхошан Ядав, сотрудник индийского разведывательного агентства *Research and Analysis Wing (RAW)*, который якобы работал с командирами сепаратистов в этом регионе [6].

Другой автор «Грин бук» - Кашиф Джамал Хан, ссылаясь на индийского советника национальной безопасности Аджита Довала, в своей статье утверждает, что Индия в рамках гибридной войны намеренно использует «слабые места» Пакистана: сферу политики, экономики, а также его внутренних врагов, стремясь изолировать страну на международной арене [5, р. 141].

Тугхрал Йамин убежден в том, что следующая война с Индией будет гибридной. Она подготавливает почву для нового конфликта путем ведения антипакистанской пропаганды, чтобы дискредитировать Пакистан на международной арене. Другими проявлениями «приготовлений к войне» является распространение «ложной информации» в СМИ, которая способствует подрыву доверия населения к руководству Пакистана,

а также ведение кибервойны. По мнению автора, не исключен и новый военный конфликт в Кашмире [10, р. 70].

Мария Султан также утверждает, что гибридная война Индии против Пакистана проявилась в попытке навредить экономике страны, поскольку вооруженное противостояние в Кашмире требует значительных экономических вливаний. Кроме того, конфликт в Кашмире способствует тому, что по инициативе Индии над Пакистаном нависла угроза оказаться в «черном списке» *FATF*², что может повлечь за собой экономические санкции. По мнению М.Султана, индийская сторона осознает, что экономика - «слабое место» Пакистана и потому «бьет» именно в него [9, р. 87].

Гибридная война Индии проявилась также в «дипломатической агрессии», позиционировании Пакистана в качестве «рассадника терроризма», попытке доказать свое превосходство в военной сфере при помощи авиационных ударов по г. Балакот [9, р. 89] и односторонней аннексии Кашмира под предлогом «антитеррористических мер» [9, р. 88].

КАШМИРСКАЯ ПРОБЛЕМА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПАКИСТАНА

В совокупности, 67% статей освещают кашмирскую проблему (см. *диагр.*). Контекст обращения к ней различный. Ряд авторов рассматривает военные столкновения в Кашмире как проявление гибридной войны со стороны Индии, направленное на истощение экономических ресурсов Пакистана.

Две статьи «Грин бук» отсылают читателей к истории возникновения кашмирской проблемы, однако центральное место, в связи с обстановкой в Кашмире, отводится рассуждениям на тему ликвидации статуса автономии штата Джамму и Кашмира: 6 статей подробно описывают эту тему, еще в двух присутствует упоминание об этом событии и его последствиях. Авторы, используя эмоциональные, негативно окрашенные выражения, утверждают, что действия Индии значительно способствовали эскалации конфликта в регионе.

Так, Фарзана Шах в своей статье подробно анализирует нынешнюю ситуацию в Кашмире. По ее мнению, Индия намеревается «лишить» Пакистан территории Азад Кашмира и Гилгит-Балтистана, чтобы обеспечить себе доступ к Центральной Азии и помешать инициативам в рамках Китайско-пакистанского экономического коридо-

² Financial Action Task Force (ФАТФ) - Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, учреждена G-7 в 1989 г. Регулярно публикует перечень стран, которые в недостаточной степени сотрудничают с ФАТФ, отказываются от взаимодействия с этой организацией или поддерживают международный терроризм (*прим. ред.*).

ра. В качестве «доказательств» намерений Индии Ф.Шах приводит высказывания некоторых индийских политиков, в частности, министра обороны Раджнатха Сингха, члена высшей палаты парламента Субраманиана Свами и министра иностранных дел Джаишанкара Субраманиама, которые заявляли, что целью Индии теперь является «оккупируемый Пакистаном Кашмир» [8, р. 31].

Ф.Шах выделяет несколько вариантов развития событий в Кашмире.

Первый - рассматривает ситуацию, в которой Пакистан смирился с ликвидацией автономии Джамму и Кашмира. В этом случае, по её мнению, нынешний премьер-министр Индии Нарендра Моди и его партия «Бхаратия джаната парти» (БДП), не скрывающие свои антимусульманские настроения, беспрепятственно сумеют изменить демографическую ситуацию в Кашмире, способствовав росту индусского населения в штате и превращению мусульман в религиозное меньшинство. Н.Моди рассчитывает таким образом вывести территорию из сферы интересов Пакистана. В свою очередь, бездействие пакистанской стороны вызовет «гнев и разочарование кашмирцев», которым не останется другого выбора, кроме как принять сторону Индии. В этом случае она, окончательно закрепившись в Кашмире, может предложить США и Израилю разместить там военные базы. Следующими шагами Индии, по мнению Ф.Шах, станут военное нападение на находящийся под пакистанским управлением Азад Кашмир, затем - полное «поглощение» Пакистана [8, р. 39].

Второй сценарий - обратиться к «Ченабской формуле», которая подразумевает раздел Кашмира по р. Ченаб, закрепление за Пакистаном областей, где преобладает мусульманское население. Однако такое развитие событий едва ли возможно, оно предполагает переход большей части территории Кашмира к Пакистану, что вряд ли устроит Индию. Кроме того, при таком раскладе часть кашмирцев все равно окажется разочарованной и «восстанет» против Индии. Ф.Шах убеждена, что таким образом конфликт между двумя странами будет разрешен, и тогда Пакистан, под влиянием международного сообщества, окажется вынужденным осуществить ядерное разоружение. Но это приведет к падению авторитета ВС Пакистана, поскольку свое обещание «бороться за Кашмир до последнего солдата» они не выполнят, и деморализует военных, что может негативно отразиться на обороноспособности страны в целом [8, р. 39].

Еще один вариант, рассматриваемый Фарзаной Шах, - пакистанская сторона какое-то время медлит с ответом. В таком случае промедление может стать губительным для Пакистана, по-

скольку оно означает окончательную потерю возможности завладеть Джамму и Кашмиром из-за демографической политики БДП. Индийская оккупация, по мнению Ф.Шах, способствует притоку кашмирских беженцев. При этом сохраняется вероятность вооруженного конфликта между двумя странами [8, р. 40].

Единственное правильное решение, по мнению Ф.Шах, заключается в продолжении оказания Пакистаном поддержки кашмирским сепаратистам. Таким образом, армия будет по-прежнему пользоваться высоким уровнем доверия среди населения, но угроза конфликта со стороны Индии будет не страшна для нее [8, р. 40].

Отметим, что тактика оказания помощи кашмирским повстанцам не является новой для Пакистана. Авторы «Грин бук» в начале 2000-х гг. считали, что разработка военной ядерной программы в 1970-х гг. способствовала трансформации конфликта между Индией и Пакистаном: тактика ведения войны, под которой, в первую очередь, понималась организованная вооруженная борьба, устарела, вместо нее большую популярность приобрел «конфликт низкой интенсивности»³.

Так, в издании «Грин бук» за 2002 г. генерал-майор Асиф Дурез Ахтар писал, что пришла пора отойти от принципов традиционной войны и переключиться на конфликт низкой интенсивности, который, по мнению пакистанских военных аналитиков, подразумевал ведение опосредованной войны в Кашмире [2]. Пакистан должен был воевать с Индией руками кашмирцев. В условиях нуклеаризации Южной Азии Кашмир оставался единственной площадкой прямого вооруженного конфликта. Многие авторы пришли к выводу, что возможность конвенциональной войны между Индией и Пакистаном была сведена к минимуму благодаря ядерному фактору.

УГРОЗА ЯДЕРНОГО И КОНВЕНЦИОНАЛЬНОГО КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ ИНДИЕЙ И ПАКИСТАНОМ

Тем не менее, мысль о реальности ядерной угрозы прослеживается и в статьях «Грин бук» за 2020 г., ядерной проблематике отводится 75% статей (см. *диагр.*). Так, Тугхрал Йамин, рассуждая о возможности войн в Южной Азии, пишет, что последующие конфликты между Индией и Пакистаном будут проходить в рамках гибридной войны [10, р. 70], т.е. будут по своему характеру низкой интенсивности. Автор указывает, что вероятность ядерной войны в регионе мала: обе страны понимают, что в ней никому не избежать ущерба. Вместе с тем, автор убежден в том, что Индия и Пакистан будут и дальше совершенствовать свое ядерное вооружение, поскольку оно яв-

³ Конфликт низкой интенсивности - уровень использования военной мощи, который не соответствует обычной полномасштабной или региональной войнам (*прим. авт.*).

ляется главным средством «запугивания соперника» [10, p. 68].

Имтиаз Гул разделяет мнение Т.Йамина о том, что в будущем в условиях ведения гибридной войны наличие ядерного оружия не будет являться гарантией выживания и экономического процветания того или иного государства [3, p. 128].

Мария Султан считает, что наличие ядерного оружия у Пакистана снизило значимость военного дисбаланса в пользу Индии. С целью «принуждения» противника ей пришлось разработать новую стратегию, которая бы позволяла оказывать давление на Пакистан в военной, политической, экономической, дипломатической, ядерной сферах, а также в Кашмире и в рамках борьбы с террористами [9, p. 79].

В своей статье Ризвана Карим Аббаси также уделяет немало внимания сопоставлению ядерных возможностей Индии и Пакистана. Она утверждает, что Индия, будучи важнейшим стратегическим партнером США, при их помощи активно модернизирует свое ядерное оружие с целью оказывать давление на Пакистан, а также противостоять китайской угрозе [1, p. 2]. По мнению Р.К.Аббаси, союз Индии и США, а также вражда между нею и Китаем являются дополнительным стимулом для дальнейшей модернизации ядерного арсенала Пакистана [1, p. 11].

Несмотря на то, что большинство авторов полагает, что ядерная война между двумя странами едва ли возможна, тем не менее, по-прежнему существует опасение, что противостояние Индии и Пакистана может привести к ядерному конфликту. По словам М.Султан, поскольку Индия воспринимает освободительное движение кашмирцев как террористическую деятельность и совершает акты агрессии против него, возможность ядерной войны между двумя странами сохраняется [9, p. 82].

Некоторые авторы «Грин бук» указывают и на вероятность конвенциональной войны между двумя странами. Это связано с доктриной «холодного старта», разработанной Индией в 2001 г. Она подразумевает быструю мобилизацию индийских

войск и военной техники на границе с Пакистаном с целью предупредить ядерный удар с его стороны. 4 статьи (33%) (см. *диагр.*), затрагивают эту проблему. По мнению М.Султан, доктрина Индии демонстрирует ее стремление перейти от тактики «сдерживания» к «принуждению», воспользовавшись своим превосходством в ядерном и конвенциональном вооружении [9, p. 77].

Среди статей «Грин бук» за 2020 г., посвященных проявлениям индийско-пакистанского конфликта, 58% упоминают о поддержке, оказываемой индийской стороной белуджистанским сепаратистским группировкам; 67% статей повествуют о кашмирской проблеме; еще 67% - ссылаются на индийский фактор в контексте гибридной войны; в 75% статей упоминается об угрозе ядерного конфликта в контексте индийско-пакистанского противостояния. Авторы всего 33% статей пишут о возможности конвенциональной войны между Индией и Пакистаном.

* * *

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что важнейшим контекстом упоминания Индии в «Грин бук» за 2020 г. является гибридная война, т.е. неконвенциональная угроза. Авторы утверждают, что со стороны Индии есть следующие проявления гибридной войны: ведение информационной пропаганды и агрессивной дипломатии против Пакистана; гонка вооружения, в частности ядерная; оказание поддержки силам, представляющим угрозу для национальной безопасности Пакистана, например, сепаратистскому движению в Белуджистане; а также действия, направленные на дестабилизацию пакистанской экономики и его международную изоляцию.

Таким образом, приоритет в стратегическом планировании Пакистана отдается методам неконвенционального конфликта с Индией, в частности - гибридной войне. Во многом этому способствует наличие ядерного оружия у стран-соперниц, которое служит сдерживающим фактором в развязывании конвенциональной войны в Южной Азии.

Список литературы / References

1. Abbasi K. Security Competition Between US and China and Impact on Regional Strategic Balance of South Asia. *Pakistan Army Green Book*. 2020, pp. 1-15.
2. Fair C.C. Fighting to the End. The Pakistan Army's Way of War. Oxford University Press. New York. 2014. P. 199.
3. Gul H. Political Governance and Hybrid War. *Pakistan Army Green Book*, pp. 109-130.
4. India-Pakistan fighting in Kashmir kills 3, wounds 2. <https://apnews.com/56eb24367e782404a2cfda2787b0cbfe> (accessed: 28.07.2020)
5. Khan K.J. Non-Traditional Security Challenges to Pakistan. *Pakistan Army Green Book*, pp. 138-151.
6. Raw officer arrested in Balochistan. <https://tribune.com.pk/story/1071787/raw-officer-arrested-in-balochistan/> (accessed 25.05.2020)
7. Khan P.M. The Prospects and Panacea of Peace in South Asia. *Pakistan Army Green Book*. 2020, pp. 15-28.
8. Shah F. National Security and Emerging Geopolitical Development: Post Article 370 Obliteration. *Pakistan Army Green Book*, pp. 28-43.
9. Sultan M. Cross-Domain Deterrence. The Pulwama Attack: Limited War and Nuclear Implications Reestablishing Deterrence and High Order War. *Pakistan Army Green Book*, pp. 75-130.
10. Yamin T. Future War: What Needs to Be Done? *Pakistan Army Green Book*, pp. 64-75.

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

DOI: 10.31857/S032150750012803-5

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФЕСТИВАЛИ В ЮЖНОЙ АЗИИ

© 2020 А. СУВОРОВА

СУВОРОВА Анна Ароновна, доктор филологических наук, руководитель Отдела литератур Азии, Институт востоковедения РАН (asuvorova73@gmail.com)

Резюме. С начала нынешнего столетия в странах Южной Азии - в Индии, Пакистане, Бангладеш и Непале - проводятся многочисленные литературные фестивали, выросшие из обычных книжных ярмарок. В отличие от научных конференций и семинаров, литературный фестиваль - есть мероприятие, с одной, стороны, образовательное, с другой, развлекательное. По подбору участников и обсуждаемым проблемам фестиваль - мероприятие элитарное, но по количеству и социальному составу посетителей он явление массовое и демократическое.

Ключевые слова: художественная литература, Южная Азия, Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, просвещение, западное влияние, «мягкая сила»

LITERARY FESTIVALS IN SOUTH ASIA

Anna A. SUVOROVA, Dr.Sc. (Philology), Head, Department of Asian literature, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (asuvorova73@gmail.com)

Abstract. Why is it that the literature festival has become so important to the national cultural circuit? Are literature festivals telling us more about the state of contemporary writings than about literature itself? It would seem so if numbers count. Many people who do not read books in general throng to literature festivals to update themselves. Festivals have burgeoned all over the world during the past two decades. While some have lasted only for short periods, new ones keep appearing. In every case, the goal is the same: to show, in a regular, ongoing manner, the latest developments in national or international contemporary literature so as to 'benefit' local authors and audiences.

This perhaps is the defining aim of a literature festival. But there is always more to a literature festival than mere literature. Over the past decade, however, their ubiquity has often been questioned; as has their apparently repetitious, elitist nature. Some charge that festivals of this nature are motivated more by the demands of cultural tourism than their avowed art-world purpose of linking local literary practice and taste to international standards. A recurrent complaint of authors antipathetic to contemporary trends in literature is that it is an elaborate fraud perpetrated on the public by elitist organisers and critics. These writers object less to the festival as a forum or a platform than to the fact that in recent decades, it has just been a podium for providing entertainment in the name of literary arts. They feel that festivals of this type have taken a disastrous turn away from their 'original' agenda towards social and political interests. Rightly objecting to the self-promotional antics, they fail to recognise the irony and desperation in the best works of literature, ignore whole tranches of less sensationalist yet powerful literature and are rather closed to the preference of literature originating beyond the traditional centres.

Keywords: fiction, South Asia, India, Pakistan, Bangladesh, Nepal, enlightenment, Western influence, "soft power"

Сегодня литературные фестивали процветают во всех столицах и крупных городах Южной Азии. Начало этому движению положил фестиваль, проходящий в январе в древнем индийском городе Джайпуре (с 2006 г.), создателями которого были писатели Намита Гокхале и постоянно живущий в Индии автор бестселлеров на темы индийской истории, шотландец Уильям Далримпл.

Гостями фестиваля в разные годы становились такие всемирно известные писатели и знаменитости, как Салман Рушди, Воле Шойинка, В.С. Найпол, Орхан Памук, Опра Уинфри, Стивен Фрай, Киран Десаи, Кэндес Бушнелл и многие другие, среди которых немало лауреатов Нобелевской премии по литературе и премии Букера [1].

Наиболее значительными по уровню поднимаемых проблем и широко освещаемыми прессой считаются индийские фестивали - в Дели, Бангалоре, Патне, Мумбаи, Хайдарабаде, Ченнаи и фестиваль поэзии на языке урду *Джаин-е рехта*,

также проходящий в Дели. Вообще первые фестивали замышлялись как демонстрация успехов развития национальных литератур. Так, большой Делийский фестиваль представлял писателей, пишущих на языках хинди и урду, фестиваль в Мумбаи - литераторов маратхи, фестиваль в Ченнаи - тамильских писателей. Однако по мере усиления глобализации в самих странах региона и среди южно-азиатской литературной диаспоры все большую роль стала играть англоязычная литература, которая, естественно, доминирует и на фестивалях.

В последние годы особую популярность приобрел сравнительно недавно возникший фестиваль в Дакке (Бангладеш). Его организаторам удалось собрать лучших писателей Индии, Бангладеш и диаспоры, пишущих на языке бенгали. В 2018 г. состоялся первый фестиваль в Катманду (Непал). И, наконец, заслуженным успехом у публики и писателей пользуются фестивали в Пакистане - в Карачи и Исламабаде

Обычно открывают и закрывают фестиваль наиболее именитые из гостей. Например, Карачинский фестиваль 2015 г. открывал Раджмохан Ганди - внук Махатмы Ганди, ученый и биограф своего великого деда. Закрывала этот фестиваль племянница Джавахарлала Неру, писательница Наянтара Сехгал.

Официальным организатором фестивалей в Карачи (с 2010 г.) и Исламабаде (с 2013 г.) является издательство Оксфордского университета, а их главным спонсором - Британский совет. Другими спонсорами выступают Альянс Франсез (осуществляет свою деятельность при поддержке посольства Франции), немецкий Институт Гете и посольство США в Исламабаде.

Казалось бы, на всяком литературном фестивале должна главенствовать собственно литература: поэзия, проза и драма. В Южной Азии это далеко не так. Как минимум, половина заседаний и дискуссий связана с актуальной политикой, а не с литературой. Вот примеры названий панельных дискуссий: «Кашмир: захваченная долина»; «Странный мир в ядерно-заряженной среде»; «Налоги, бюджет и простые люди» [2].

Более чем 30 лет Карачинский и Исламабадский фестивали возглавляла Амина Сайид, директор пакистанского отделения издательства Оксфордского университета. Человек большого общественного влияния, успешная бизнесвумен, кавалер Ордена британской империи и французского Ордена литературы и искусства, она плодотворно сотрудничала с российскими учеными много лет. По ее инициативе и при ее руководстве были изданы книги сотрудников ИВ РАН: история Пакистана В.Белокреницкого и В.Москаленко, биография современного поэта Фаиза Ахмада Фаиза Л.Васильевой, книга о классическом поэте Галибе Н.Пригариной и четыре моих книги о культуре и обществе Пакистана. В 2018 г. Амина покинула свой пост.

Литературные фестивали чрезвычайно популярны. Так, за 3 дня Исламабадский фестиваль посетили 70 тыс. человек [5]. И это далеко не предел. Джайпурский фестиваль, который проходит дольше всего, 5 дней, посещают сотни тысяч человек. Индийская пресса называет его «самым крупным литературным шоу в мире». Привлекательность литературных фестивалей для широкой публики вряд ли объяснима только любовью индийцев и пакистанцев к чтению. Речь идет о той особой привлекательности, которыми обладает «мягкая сила» стран Запада.

Основами «мягкой силы» являются, в первую очередь, язык, а также основные культурные и политические ценности и институты, которые могут притягивать других, убеждать «хотеть того, чего хотите вы».

Воздействие западной «мягкой силы» проявляется в преобладании английского языка, на котором ведется большая часть заседаний и мероприятий фестивалей. Так, на закрытии фестивалей в Карачи и Исламабаде присуждается приз за лучшую книгу «нон-фикш» на английском языке (100 тыс. рупий, или ок. \$1350). Тематика фестивалей также находится под влиянием «мягкой силы». На заседаниях и презентациях обсуждаются проблемы, традиционно чуждые национальному индийскому и пакистанскому этосу, например, гомофобия, права сексуальных меньшинств. Дело не в том, что индийцы и пакистанцы отрицают существование этих проблем: просто о них не принято говорить публично.

Почти треть заседаний и сессий фестивалей посвящена разным аспектам нарушения прав человека в Индии, Бангладеш и Пакистане. Очевидно, что эта тематика нравится далеко не всем: есть немало аналитиков и политиков, считающих, что литературные фестивали вредны, поскольку очерняют действительность в странах региона, борются с традиционными ценностями и противопоставляют образованное сословие простому народу.

Между тем, южноазиатские литературные фестивали активно продвигаются с Востока на Запад. Начало этому движению положил упоминавшийся выше создатель Джайпурского фестиваля, историк, писатель, баронет Уильям Далримпл. Он стал проводить его то в Индии, то в Британской библиотеке в Лондоне, в разных городах США и Австралии. За ним последовал президент Лахорского фестиваля Рази Ахмед, который перенес фестиваль в Лондон из соображений безопасности. В 2017 г. к 70-летию Пакистана в Лондоне, в центре *Southbank*, прошел и юбилейный Карачинский фестиваль.

Конечно, новые площадки в Европе и Америке увеличивают аудиторию фестивалей, делают их более обсуждаемыми и модными событиями международной культурной жизни, но противоречат их основной идее: способствовать литературному процессу в самих странах Южной Азии, в т.ч. поощряя развитие литературы на национальных языках.

Очевидно, что в ближайшем будущем литературные фестивали сохраняют свое влияние на субконтиненте и за его пределами. Они успешно играют роль платформы, подиума, а точнее - сцены, где писатели и издатели разыгрывают перед публикой некое действо, в котором литература есть продолжение политики, а политика есть форма развлечения [7]. Правда, организаторы некоторых фестивалей уже объявили, что из-за пандемии *COVID-19* будут проводить их на платформе *ZOOM*, что противоречит самой идее фестивального праздника.

Список литературы / References

1. Jaipur Literature Festival. <https://jaipurliteraturefestival.org/> (accessed 04.08.2020)
2. Aseem Kulkarni. The Indian Bookworm. Literary fests across India. <https://lbb.in/delhi/indian-bookworm-9-literary-fests-across-india/> (accessed 04.08.2020)
3. Aasim Akhtar. Islamabad literature festival 2019: of recollections and memories. *The News of Sunday*, 6 October 2019.
4. Almas Khateeb. 7 upcoming literature festivals in India. *Vogue*. 12 October 2019.

РЕЦЕНЗИИ

DOI:10.31857/S032150750012804-6

ВОЙНЫ ИЛИ РЕВОЛЮЦИИ?

© 2020 В. ШУБИН

ШУБИН Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, Институт Африки РАН; н.с. Центра военных исследований Стелленбошского университета (ЮАР); член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня» (vlgs@yandex.ru)

Ключевые слова: Пол Муркрафт, Юг Африки, ЮАР, Зимбабве, Намибия, Ангола, Мозамбик, «тотальный натиск», освободительные движения

WARS OR REVOLUTIONS?

Vladimir G. SHUBIN, Dr.Sc. (History), Professor, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Research Fellow, Centre for Military Studies, Stellenbosch University (South Africa); member, Editorial Board, "Azia i Afrika segodnya" journal (vlgs@yandex.ru)

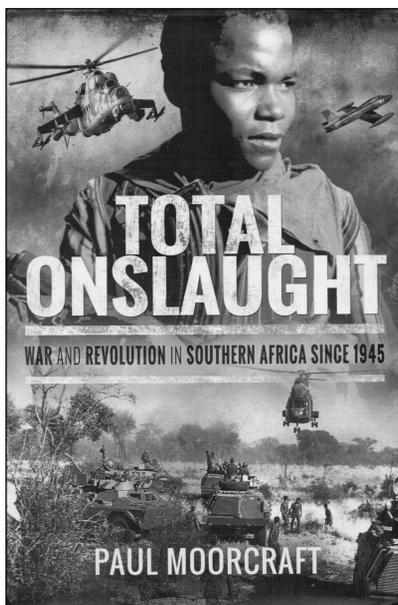
Review of the book: **Moorcraft P. Total Onslaught. War and Revolution in Southern Africa since 1945.** Yorkshire - Philadelphia: Pen and Sword Military, 2018, xxv, 478 p.

Keywords: Paul Moorcraft, Southern Africa, RSA, Zimbabwe, Namibia, Angola, Mozambique, "total onslaught", liberation movements

Профессор Пол Муркрафт - плодотворный автор книг по международным отношениям и, особенно, по военной истории, а также художественных произведений.

История его жизни отличается от жизни большинства его коллег. Он имеет опыт не только учебы в университетах в Англии, ЮАР, Родезии и даже Израйля и работы в академических учреждениях и журналистике, но и курсанта, а затем преподавателя знаменитой Королевской военной академии в Сандхёрсте и других военно-учебных заведений Великобритании, офицера Британской южноафриканской полиции в Родезии и Республиканской полиции Зимбабве, а позднее и сотрудника непосредственно Министерства обороны Великобритании. Несомненно, личный опыт влияет на его сочинения, хотя и не всегда положительно.

Первые два слова в заглавии его новой монографии - «Тотальный натиск. Война и революция на Юге Африки с 1945 года» (*Moorcraft P. Total Onslaught. War and Revolution in Southern Africa since 1945.* Yorkshire - Philadelphia: Pen and Sword Military, 2018, xxv, 478 p.) - могут ввести читателя в заблуждение, поскольку они использовались пропагандой Претории, изображавшей се-

бя жертвой агрессии извне. Однако содержание книги показывает, что ее автор не разделяет подхода тогдашних властей ЮАР к ситуации на Юге Африки.

Во *Введении* к книге Муркрафт подчеркивает: «Я очень старался не принимать чью-то сторону», хотя и признается, что «больше сосредоточился на власти белых, особенно в эпицентре сопротивления предполагаемому тотальному натиску - в Претории» (р. xxxv). Автор пишет о своем опыте, о том, как он «проводил трудное время с [антиправительственными] повстанцами в Анголе и Мозамбике» и перемещался по тогдашней Родезии и Намибии «часто вместе с правительственными силами безопасности, что было менее рискованно» (р. xix).

Его опыт в районах боевых действий является уникальным для писателя, но односторонним: он не проводил время с повстанцами из национально-освободительных движений и не перемещался вместе с правительственными силами в Анголе и Мозамбике. Отсюда его отличное освещение планов и практических действий той стороны, которая, в конце концов, проиграла, и одновременно - неточности в описании действий, и особенно - намерений победившей стороны.

Книга Муркрафта основана на сочетании хронологического и географического принципов. Изложение начинается с раздела «Пакс Претория» - общего обзора ситуации на Юге Африки после Второй мировой войны, переходит к «Колониальным войнам в португальских колониях и Родезии», затем к периоду «Деструктивного вмешательства», «Войне в Южной Африке» и, наконец, рисует довольно мрачную картину нынешней ситуации в регионе в главе «После падения».

Первая глава Части 1 посвящена, как видно из ее названия - «Пакс Британника», не господству Претории в регионе, а влияния в нем Лондона. Однако затем следует глава «Время перемен», отсылающая читателя к словам из знаменитого выступления премьер-министра Гарольда Макмиллана в южноафриканском парламенте 3 февраля 1960 г., и, наконец, глава «Возвышение африканской сверхдержавы», т.е. ЮАР.

Часть 2 книги построена по географическому принципу: Ангола, соседняя Намибия, Мозамбик и граничащая с ним Родезия. Она покрывает весь период от начала до конца антиколониальных войн в этих странах, но с некоторой умышленной «неточностью»: рассмотрение событий в Анголе включает и 1976 г., хотя война против колонизаторов завершилась, в основном, еще двумя годами ранее, а в Намибии продолжалась более десятилетия после указанного автором в этой главе того же 1976 года.

В этой части книги Муркрафт, в частности, рассматривает, как «Претория реагировала на разрушение ее колониальных буферов», которыми являлись для нее указанные выше страны, и делает «обозрение военных событий» в них (р. 53). Однако в этом детальном изложении не нашлось места даже для упоминания самого первого события такого рода - попытки штурма тюрьмы, в которой содержались противники колониального режима, 4 февраля 1961 г. в Луанде (Ангола).

Кроме того, трудно согласиться с общей оценкой автором ситуации в португальских колониях в 1974 г., когда произошла апрельская «революция гвоздик» в Лиссабоне.

Муркрафт пишет: «...даже наиболее успешные повстанческие действия в Гвинеи-Бисау привели к нулевой ничье. Вердикт в отношении войны в Анголе может быть вынесен как “тупик малой интенсивности”. А в Мозамбике португальцы, возможно, нанесли поражение повстанцам» (р. 61).

Однако на самом деле освободительное движение в Гвинеи-Бисау, руководимое ПАИГК, добились больших успехов не только на суше, но с помощью советских переносных зенитных ракет «Стрела» - и в борьбе против португальской авиации, и чувствовало себя достаточно уверенным, чтобы годом ранее провозгласить независимость этой страны.

«Тупик» в Анголе был результатом не только (а, может быть, и не столько) военных усилий Португалии, но и раскола в МПЛА в тот период, а в Мозамбике утверждения Лиссабона о победах,

особенно в ходе т.н. операции «Гордиев узел», опровергались не только заявлениями ФРЕЛИМО, но и делами - его боевые отряды продвигались на юг, действуя уже в центральной провинции Тете и даже южнее.

Эти главы книги содержат и ряд ошибочных данных, которые искажают историю внешнего вооруженного участия в боевых действиях в Анголе. Так, Муркрафт пишет, что в июне 1975 г. «230 кубинских инструкторов прибыли, чтобы создать четыре военных учебных базы для МПЛА» (р. 25), но, как убедительно показано в хорошо документированной книге американского историка Пьеро Глейджесиса (Gleijeses Piero. *Conflicting Missions: Havana, Washington and Africa, 1959-1976*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press. 2002), они начали прибывать в Анголу двумя месяцами позднее.

Глава по Родезии - наиболее обширная и наиболее детальная в книге, что вполне объяснимо, т.к. у автора многолетний опыт проживания в этой стране в разном качестве. Тем более трудно понять, почему, сосредоточившись на описании действий расистского режима, он опускает такие важные моменты в истории освободительного движения, как раскол в ЗАПУ в 1970 г., который вызвал фактическое прекращение на длительный срок деятельности этой организации, что привело к переходу из нее в соперничающую организацию - ЗАНУ ряда видных командиров, включая Робсона Маньнку, начальника штаба вооруженного крыла ЗАПУ, и Соломона Муджуру (известного тогда под именем Рекс Нгонго), который впоследствии возглавил вооруженные силы независимого Зимбабве.

Автор книги хорошо знает, часто из «первоисточников», планы родезийского правительства, но его знание намерений другой стороны вызывает сомнение, особенно в том, что касается содействия ей извне. Так, он пишет, что в 1978 г. «русские» якобы ожидали, что война продлится гораздо дольше и «готовились к большому шагу в июле 1980 г. или 1981 г., в зависимости от развития военных событий» (р. 138). Однако такое утверждение просто неверно, при этом, как и в ряде других случаев, Муркрафт не указывает на источники своих сведений.

Часть 3 книги названа «Разрушительное взаимодействие», и само ее название показывает правильную, в принципе, оценку автором воздействия извне на события на Юге Африки в 1980-х гг. Он убедительно показывает, что политика США (да и их союзников) в отношении ЮАР отнюдь не была «конструктивным взаимодействием», как заявляли в Вашингтоне. Муркрафт отмечает, что поставляя оружие УНИТА, администрация Рональда Рейгана создавала «невный» альянс с государством апартеида (р. 195), однако информация, содержащаяся в самой этой книге, показывает, что альянс Вашингтона с расистскими режимами был довольно «явным», даже если его старались скрыть.

Часть 4 книги описывает «Войну в Южной Африке» и, в частности, содержит подробный анализ политики и действий режима Претории и, более того, детальную структуру системы безопасности тогдашней ЮАР, однако почти ничего не сказано о руководящих структурах ее основного противника - Африканского национального конгресса (АНК). Пол Муркрафт даже не упоминает об «Операции Вула» по созданию вооруженного подполья в стране, руководимой членом Национального исполкома АНК Сатиандранатом («Маком») Махараджем (будущим министром в кабинете Нельсона Манделы), и Сипиве Ньяндой (будущим командующим Южноафриканскими национальными силами обороны, а затем тоже министром). Успешное выполнение этого плана в течение трех и более лет противоречит словам автора о «неэффективности» АНК.

Более того, автор противоречит сам себе. Он утверждает, что в ЮАР «К 1990 г. вооруженная борьба была низведена почти до уровня просто-напросто неприятностей» (р. 414). Однако несколькими страницами ранее он приводит данные о росте проведенных нападений на объекты режима апартеида: 231 - в 1986 г., 235 - в 1987 г. и 245 - в 1998 г. (р. 381). Что же касается последующего периода, когда начались «переговоры о переговорах» об устранении апартеида политическими средствами, АНК сам ограничил свою военную деятельность.

Как и многие другие авторы на Западе (а некоторые и в нашей стране), Муркрафт в этой части книги связывает коренные перемены в ЮАР с «исчезновением Советского Союза» (р. 414). Еще ранее он пишет, что «...советские эксперты начали публично размышлять о том, что в Южной Африке вероятны эволюционные изменения, а не насильственная революция» (р. 34), относя эти события к 1989 г. Но общая позиция АНК, Москвы и Гаваны в пользу достижения политического урегулирования, когда для него создадутся благоприятные условия, была подтверждена на трехсторонних консультациях еще в сентябре 1987 г. А Джо Слово, один из высших руководителей АНК и генсек Южноафриканской компартии, на встрече в те же дни в Москве в Институте Африки говорил о возможности компромисса и даже сравнил его с Брест-Литовским договором 1918 г.: «Мы не говорим, что не будет такого момента, когда мы пойдем на компромисс, но мы не можем поддержать схемы, которые будут означать увековечение правления меньшинства». Более того, мимо внимания автора прошли первые контакты между лицами, связанными с властями Претории и руководством АНК в Лусаке, в частности, поездки туда профессора Кейптаунского универси-

тета Хендрика ван дер Мерве¹, начавшиеся еще в середине 1984 г.

Рассматривая период, когда шли уже официальные переговоры (1990-1994 гг.), автор вновь допускает странную ошибку. Он ничего не пишет об убийстве Криса Хани, члена Национального исполкома АНК и генсека Южноафриканской компартии, который долгое время был одним из руководителей военной организации АНК - «Умконто ве сизве», и уровень популярности которого в африканских тауншипах был вторым после Нельсона Манделы. Именно яростная реакция возмущенных этим преступлением африканцев заставила руководителей режима понять, что они должны пойти на серьезные уступки Претории в переговорах, чтобы избежать взрыва и достичь устранения режима политическими средствами.

Часть 5 - «Нации цветов радуги?» - состоит всего лишь из одной главы - «После падения» (очевидно, имеется в виду устранение колониально-расистских режимов). В ней автор рисует, как было отмечено, довольно безрадостную картину нынешнего положения вещей на Африканском континенте. Однако нельзя не согласиться с некоторыми его выводами: «Африке не нужны ни ностальгия, ни помощь, ни благотворительность. Сейчас в Африке работает больше сотрудников НПО, которыми руководят пресловутые “лорды бедности”², жирные коты - верхушка НПО, чем колониальных чиновников на пике империализма... Чем больше вмешивается Запад, тем становится хуже» (р. 415).

В то же время автор, рассматривая нынешнюю ситуацию в мире, не может избавиться от распространенных на Западе клише. Он пишет: «Вторая версия холодной войны возродилась как феникс при Владимире Путине» (р. xxiv), как если бы наша страна несла ответственность за осложнение международной обстановки в последние годы. Не сумел он объективно оценить и ее роль в Африке. Признавая вклад Советского Союза в достижение независимости странами Африки, он безосновательно и бездоказательно добавляет: «В последующие годы новое поколение африканских лидеров стало считать русских бестактными колонизаторами» (р. 21).

В целом же, представляется, что автор монографии слишком сосредоточился на военных аспектах событий на Юге Африки в рассматриваемый им период в ущерб остальным составляющим происходивших там антиколониальных революций. Однако, несмотря на указанные замечания, монография Пола Муркрафта достойна быть прочитана всеми, кто интересуется недавней историей стран Юга Африки, как политической, так и военной.

¹ Муркрафт вообще не упоминает об этом человеке, сделавшим первый шаг на долгом пути к политическому урегулированию, зато в его книге сказано о другом ван дер Мерве, начальнике полиции безопасности Претории (*прим. авт.*).

² «Lords of Poverty: The Power, Prestige, and Corruption of the International Aid Business» - «Лорды бедности: власть, престиж и коррупция в бизнесе международной помощи» - так называется книга британского писателя и журналиста Грехема Хенкока (*прим. авт.*).

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).